

Элизабет Вернер

Винета

Элизабет Вернер Винета

Аннотация

«Жаркий летний день клонился к вечеру. Солнце уже зашло, и только заря алела на горизонте, бросая сверкающий отблеск на почти совершенно неподвижное море, которое, еле зыблясь, поглощало последние лучи гаснущего дня...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	62
Глава 8	72
Глава 9	86
Глава 10	95
Глава 11	103
Глава 12	118
Глава 13	130
Глава 14	154
Глава 15	167
Глава 16	184
Глава 17	204
Глава 18	221
Глава 19	233
Глава 20	245
Глава 21	257
Глава 22	280
Глава 23	293

Глава 24

304

Глава 25

315

Эльза Вернер

Винета

Глава 1

Жаркий летний день клонился к вечеру. Солнце уже зашло, и только заря алела на горизонте, бросая сверкающий отблеск на почти совершенно неподвижное море, которое, еле зыблясь, поглощало последние лучи гаснущего дня.

В курортном городке Ц., на берегу моря, немного в стороне от места, где в это время дня собиралось шикарное и пестрое общество, стояла простая дачка. Она отличалась от других, большей частью гораздо более роскошных домов только красотой своего местоположения, так как из ее окон открывался великолепный вид на море.

На пороге открытой стеклянной двери, выходящей на балкон, стояла дама в трауре. Она была высокого роста, держалась прямо и могла еще считаться красивой, хотя достигла уже почтенного возраста. Ее лицо со строгими, правильными чертами, вероятно, никогда не отличалось миловидной привлекательностью, но, быть может, именно благодаря этому годы и не могли отнять его холодную, суровую красоту. Черное платье и креповая вуаль указывали на тяжелую утрату, понесенную, по-видимому, совсем недавно, но не было

следов пролитых слез в глазах и выражения мягкости в энергичных чертах. Если эту женщину и постигло горе, то оно, вероятно, не глубоко затронуло ее или она уже сумела его побороть.

Возле дамы в трауре стоял господин, также отличавшийся благородной внешностью. Он был, вероятно, лишь на несколько лет старше женщины, но по виду ему можно было дать лет на десять больше, так как время и жизнь не прошли для него бесследно. Его темные волосы уже местами поседелели, лоб был покрыт глубокими морщинами, а взгляд имел мрачное, угрюмое выражение, передававшееся всему лицу этого человека. Он с напряженным вниманием смотрел на море, но вдруг нетерпеливо отвернулся и воскликнул:

– Все еще не видно! Они вряд ли вернутся до захода солнца.

– Тебе следовало заранее предупредить нас о своем возвращении – проговорила дама. – Мы ждали тебя лишь через несколько дней. Впрочем, лодку нельзя будет увидеть раньше, чем она обогнет вон тот лесистый мысок, а тогда уже через несколько минут она будет здесь. – Дама вошла в комнату и обратилась к слуге, вносившему в одну из прилегающих комнат несколько чемоданов: – Спустись к морю, Павел, и, как только лодка молодых господ причалит, доложи им, что приехал граф Моринский.

Слуга вышел. Граф Моринский, покинув свой наблюдательный пост на балконе, вернулся в комнату и сел рядом с

дамой.

– Прости мое нетерпение, – сказал он, – я должен был бы пока удовлетвориться свиданием с сестрой, но ведь я не видел своего ребенка целый год.

– Положим, тебе не придется увидеть «ребенка». В этом возрасте год очень много значит; Ванда обещает стать красавицей.

– А ее духовное развитие? В письмах ты все время очень одобрительно высказывалась по этому поводу.

– Без сомнения. Мне приходилось скорее сдерживать, чем подгонять ее. Но дело не в этом. Ванда обладает сильно выраженным упрямством и всегда умеет настоять на своем. Иногда мне даже силой приходилось принуждать ее к послушанию, так как она очень склонна к неповиновению.

– Странный упрек из твоих уст! Всегда иметь свое мнение и во всем поступать по-своему – это, кажется, преобладающая черта твоего характера и вообще свойство всей нашей семьи.

– Которое, однако, ни в коем случае недопустимо у шестнадцатилетней девушки, потому что здесь оно проявляется лишь в виде упрямства и капризов, – перебила графа сестра. – Могу наперед сказать, что тебе еще не раз придется бороться с этим.

Такой оборот разговора был не особенно приятен графу.

– Я знаю, что не мог оставить свою дочь в более надежных руках, чем твои, – уклончиво ответил он, – а потому

вдвойне радуюсь, что теперь, когда я снова беру Ванду к себе, ей не придется совершенно лишиться твоего общества. Я не думал, что ты решишься возвратиться так скоро после смерти мужа, и предполагал, что ты останешься в Париже, по крайней мере, до тех пор, пока Лев получит образование.

– Я никак не могла привыкнуть к Парижу, несмотря на многолетнее пребывание там. Участь изгнанников незавидна, ты знаешь это из собственного опыта. Князь Баратовский, конечно, не мог возвратиться на родину, но его вдове и сыну нельзя запретить этого. Поэтому я безотлагательно и приняла такое решение. Лев должен, наконец, подышать родным воздухом, чтобы почувствовать себя истинным сыном своей родины. Он является теперь единственным представителем нашего рода. Правда, он еще очень молод, но он должен повзрослеть и привыкнуть к обязанностям и задачам, которые возложены на него после смерти отца.

– Где ты думаешь поселиться? – спросил граф. – Ты знаешь, мой дом в любое время...

– Я это знаю и очень благодарна тебе, но для меня теперь важнее всего обеспечить будущее Левы и дать ему возможность занять положение в свете, подобающее его имени. В последние годы это было довольно тяжело, теперь же стало совершенно невозможно. Тебе известно наше материальное положение, и ты знаешь, каких жертв стоило нам наше изгнание. Необходимо что-нибудь предпринять. Ради своего сына я решилась сделать шаг, которого никогда не сделала бы для

себя. Ты не догадываешься, почему я своим летним местопребыванием избрала именно Ц.?

– Нет, но меня это удивило. Имение Витольда находится всего в двух часах езды отсюда, и я думал, что ты скорее будешь избегать подобной близости. Может быть, ты в последнее время поддерживаешь отношения с Вольдемаром?

– Нет, – холодно ответила княгиня, – я не видела его с тех пор, как мы уехали во Францию, и не получала от него ни строчки. Он все это время не нуждался в матери.

– Как и мать в нем, – заметил граф.

– Что ж, по-твоему, мне следовало рисковать подвергнуться унижению, встретив отказ? – с легким раздражением спросила княгиня. – Витольд с самого начала относился ко мне враждебно и всегда самым оскорбительным образом пользовался своими неограниченными правами опекуна в ущерб мне. Я бессильна по отношению к нему.

– Однако он вряд ли решился бы запретить тебе, видеться с Вольдемаром; твоих материнских прав в этом отношении вполне достаточно, если бы ты только захотела воспользоваться ими; насколько мне известно, ты ни разу не сделала этого. Будь откровенна, Ядвига, ты никогда не любила своего старшего сына.

Ядвига ничего не ответила на этот упрек. Она молча оперлась головой на руку.

– Я понимаю, что Вольдемар не может занять первое место в твоём сердце, – продолжал граф, – это сын нелюбимого,

силой навязанного тебе человека; он напоминает тебе брак, который до сих пор вызывает в тебе озлобление. Лев же – дитя твоего сердца, твоей любви.

– А его отец никогда не подавал мне ни малейшего повода для жалоб, – с ударением добавила княгиня.

– Да, но ты совершенно подчинила себе Баратовского. Впрочем, сейчас не об этом речь. У тебя есть какой-нибудь план? Ты хочешь возобновить прежние, забытые отношения?

– Я хочу воспользоваться правами, которых меня лишило злополучное завещание Нордека, в котором каждая строка была продиктована ненавистью ко мне и которое лишило меня, как вдову и как мать, каких бы то ни было прав. До сих пор оно имело полную силу, но признавало Вольдемара совершеннолетним после достижения двадцати одного года. Недавно ему исполнился двадцать один год, и теперь он – сам себе хозяин. Мне хочется знать, допустит ли он, чтобы его мать искала приюта у родственников, в то время как сам считается одним из богатейших помещиков во всем округе. Стоит ему сказать одно слово, чтобы обеспечить мне и своему брату приличное существование в одном из его имений.

Граф недоверчиво покачал головой.

– Ты рассчитываешь на чувство со стороны этого сына? Я боюсь, что ты ошибаешься. Он с самого раннего детства был чужим тебе и вряд ли его научили любить мать. Я видел его только мальчиком, и он произвел на меня самое неблаго-

приятное впечатление. Я знаю только одно: уступчивым он никогда не был.

– Я это тоже знаю. Он – сын своего отца, так же необуздан и суров, как Нордек, и ему недоступно все возвышенное; уже мальчиком он во всем был похож на отца, и то, что дала ему природа, вероятно, еще усилилось от воспитания такого опекуна, как Витольд. Я нисколько не обманываю себя относительно характера Вольдемара, но все же думаю, что можно будет повлиять на него. Натуры, стоящие низко по своему духовному развитию, в конце концов, всегда подчиняются натурам высшим, если только уметь воспользоваться этим превосходством.

– А разве ты сумела подчинить себе его отца? – серьезно спросил брат.

– Ты забываешь, Бронислав, что тогда я была семнадцатилетней неопытной девушкой, не знавшей людей. Теперь я справилась бы и с таким характером и сумела бы подчинить его себе. По отношению к Вольдемару на моей стороне еще могущественный авторитет матери. Он подчинится ему.

Несмотря на то, что эти слова были произнесены чрезвычайно решительно, граф отнесся к ним очень недоверчиво; однако у него не хватило времени на возражение, так как в передней послышались поспешные, легкие шаги; дверь открылась с бурной стремительностью, и в нее влетела молодая девушка. Уже в следующую минуту она очутилась в объятиях Моринского, который вскочил и со страстной нежностью

прижал дочь к груди.

Княгиня тоже поднялась. По-видимому, она нашла бурное приветствие молодой девушки не совсем уместным, однако ничего не сказала и обратилась к своему сыну, только что вошедшему в комнату.

– Вы очень долго пропадали, Лев; мы уже целый час ожидаем вашего возвращения.

– Прости, мама; но заход солнца на море был так прекрасен, что нам не хотелось пропустить ни одной минуты.

С этими словами Лев Баратовский подошел к матери. Он, действительно, был еще очень молод – лет семнадцати или восемнадцати. Достаточно было одного взгляда на его лицо, чтобы узнать в нем черты княгини; сходство было поразительным, однако молодое лицо Льва, обрамленное темными, слегка выющимися волосами, имело совсем другое выражение; в нем все обличало огонь и жизнь; в темных глазах сверкала страстность горячего, необузданного темперамента, вся фигура представляла собой такое олицетворение юношеской силы и красоты, что гордость, с которой княгиня подвела сына к дяде, была вполне понятна.

– У Левы нет больше отца, – серьезно произнесла она, – в тех случаях, когда ему понадобятся совет и руководство мужчины, я рассчитываю на тебя, Бронислав.

Граф сердечно и тепло обнял племянника, но отнесся к нему гораздо спокойнее, чем к дочери. Свидание с ней, казалось, оттеснило на задний план все другие впечатления. Его

взгляд беспрестанно возвращался к молодой девушке.

Ванда вовсе не была похожа на отца, да и вообще представляла собой совершенно своеобразное существо. Черты ее бледного личика, покрытого лишь слабым румянцем, еще сохранили полудетское выражение. Густые, совершенно черные волосы сильно оттеняли белизну ее кожи, а длинные темные ресницы прикрывали блестящие черные глаза. Действительно, Ванда со временем обещала быть очень красивой; в данную минуту она еще не была красавицей, но зато обладала той своеобразной прелестью, которая присуща некоторым девушкам именно в этом переходном возрасте, еще сохраняющем всю прелесть детства.

Первое волнение свидания прошло, и разговор стал более спокойным. Граф Моринский усадил дочь рядом с собой и, шутя, стал упрекать ее за позднее возвращение.

– Я ведь ничего не знала о твоём приезде, папа, – возразила Ванда, – кроме того, у меня было приключение в лесу.

– В лесу? – перебила ее тетка, – разве ты не была на море вместе со Львом?

– Только на обратном пути, милая тетя. Мы хотели доехать до Букового полуострова. Лев говорил, что по морю туда гораздо ближе, чем по тропинке через лес; я утверждала противное. Мы поспорили и, наконец, решили подтвердить свои доводы доказательствами. Лев поехал на лодке, а я пошла через лес.

– И пришла, когда я уже целых полчаса был на полуост-

рове, – торжественно заявил юноша.

– Я заблудилась, – объяснила молодая девушка, – и, быть может, до сих пор была бы в лесу, если бы меня не вывели.

– Кто же тебя вывел? – спросил граф.

– Леший! – засмеялась девушка, – один из тех духов древних гуннов¹, которые, как говорят, бродят в этих местах. Но теперь ты не должен больше расспрашивать меня, папа. Лев сторает от нетерпения все разузнать; он всю дорогу мучил меня своими расспросами, а потому не услышит ни одного словечка!

– Выдумка! – со смехом воскликнул юноша, – это только отговорка, чтобы объяснить свое опоздание. Ты скорее согласишься сочинить целую историю, чем признать, что я был прав.

Ванда собиралась ответить на это подтрунивание, но тут вмешалась княгиня. Она резко проговорила:

– Отговорка или нет, но в любом случае эта уединенная самовольная прогулка крайне неуместна. Я позволила тебе покататься по морю в сопровождении Льва и не понимаю, как он мог так надолго оставить тебя одну в лесу.

– Ванда во что бы то ни стало, хотела этого, – стал оправдываться юноша. – Она желала решить наш спор только таким способом.

– Да, милая тетя, *я хотела* этого! – молодая девушка произнесла это слово с таким ударением, которого, вероятно, не

¹ Гунны – тюркские кочевые племена, вторгшиеся в 4 веке в Европу и Азию.

разрешила бы себе без спасительного присутствия отца, – и Лев прекрасно знал, что было бы совершенно напрасно удерживать меня.

Лицо княгини ясно выражало, что она и на этот раз находила нужным с полной строгостью противодействовать своему нраву племянницы. Она намеревалась сделать ей серьезный выговор, но брат предупредил ее, быстро проговорив:

– Ты позволишь мне взять Ванду с собой? Я чувствую себя несколько утомленным с дороги, и хотел бы пойти в свою комнату. До скорого свиданья! – с этими словами он встал, взял дочь под руку и вышел с ней из комнаты.

– Дядя, кажется, совсем очарован Вандой, – заметил Лев, когда граф и девушка вышли из комнаты.

– Он избалует ее, – вполголоса произнесла княгиня, смотревшая им вслед. – Он окружит ее таким же слепым поклонением, как некогда окружал ее мать; Ванда скоро познает свою власть и научится пользоваться ею. Вот чего я боялась при ее возвращении к отцу. Уже первые часы доказали, что я была права. Что это за приключение в лесу, Лев?

– Не знаю! Вероятно, какая-нибудь выдумка Ванды. Сначала она различными намеками возбудила мое любопытство, а затем наотрез отказалась объяснить что-либо и потешалась над моей досадой. Ты ведь знаешь ее манеру.

– Да, я знаю, – на лбу княгини появилась складка, – Ванда любит играть всеми и давать всем чувствовать свои капризы. Тебе не следовало бы так потворствовать ей в этом, Лев,

особенно по отношению к себе.

Молодой человек покраснел до корней волос.

– Я, мама? Да ведь я постоянно ссорюсь с Вандой.

– И, тем не менее, подчиняешься всем ее капризам. Но все это – ребячество; я хотела поговорить с тобой серьезно. Закрой балконную дверь и подойди ко мне!

Юноша повиновался; по его лицу было видно, что он чувствовал себя уязвленным, однако княгиня не обратила внимания на настроение сына.

– Ты знаешь, – начала она, – что я уже была один раз замужем, прежде чем отдала свою руку твоему отцу, и что от этого брака у меня есть сын. Ты знаешь также, что он воспитывался в Германии, но никогда еще не видел его. Это должно произойти теперь, ты с ним познакомишься.

Лев с выражением величайшего изумления обернулся.

– С моим братом Вольдемаром?

– С Вольдемаром Нордеком, да! – Ударение, с которым княгиня произнесла это имя, заключало в себе, может быть, невольный, но очень решительный протест против всякой связи между этим Нордеком и потомком рода Баратовских. – Он живет недалеко отсюда, в имении своего опекуна. Я известила его о нашем пребывании здесь и ожидаю его на этих днях.

Недовольство Льва испарилось; предмет разговора, по видимому, крайне интересовал его.

– Мама, – нерешительно произнес он, – не могу ли я, нако-

нец, более подробно узнать эту мрачную семейную историю? Я знал только, что твой первый брак был несчастлив, что ты совершенно порвала с родными Вольдемара и его опекуном. Однако и это я понял только из намеков дяди и старых слуг. Я никогда не решался задавать отцу или тебе вопросы по этому поводу, так как видел, что это причиняет отцу боль, а тебя сердит. Вы оба, казалось, старались не вспоминать об этом браке.

На лице княгини появилось странное выражение жестокости, и с такой же жестокостью она ответила:

– Без сомнения. Унижения лучше всего предавать забвению. Не спрашивай меня теперь об этом! Тебе известны факты, удовлетворишься этим. Я не могу шаг за шагом вводить тебя в семейную драму, о которой до сих пор не могу вспоминать без ненависти к умершему. Я хотела совершенно вычеркнуть эти три года из моей жизни и никогда не думала, что буду вынуждена возобновлять эти воспоминания.

– Но что же заставляет тебя делать это? – поспешно спросил Лев. – Неужели наше возвращение? Мы ведь в любом случае поедem в Раковиц к дяде?

– Нет, мой сын, мы отправимся в Вилицу!

– В Вилицу? Но ведь это – поместье Вольдемара.

– Это поместье было бы моим, если бы не существовало завещания, которое лишило меня наследства. Теперь Вилица принадлежит моему сыну, и там, вероятно, найдется место и для его матери.

– Что это значит? – запальчиво воскликнул Лев. – Неужели ты хочешь унизиться перед Вольдемаром до просьбы! Я знаю, что мы бедны, но соглашусь скорее перенести все, от всего отказаться, чем допущу, чтобы ты ради меня...

Княгиня вдруг встала; у нее был такой вид, что сын невольно замолчал.

– Неужели ты считаешь свою мать способной унижаться? – спросила она. – Разве ты так мало знаешь меня? Предоставь мне позаботиться об этом деле! Тебе незачем указывать мне границы, которые я не должна переступать, я сама знаю их!

Лев молча опустил глаза.

– Неужели эта пылкая голова никогда не научится размышлять спокойно? – мягче спросила мать, подойдя к нему и взяв его за руку. – О, как это необходимо в жизни! Свой план относительно Вольдемара я приведу в исполнение сама. Доверься своей матери!

Она привлекла к себе сына, который молча прижал ее руку к своим губам. Когда она наклонилась к юноше, чтобы поцеловать его, то можно было видеть, что эта холодная женщина умела быть матерью и что Лев, несмотря на всю строгость, с которой она с ним обращалась, был ее кумиром.

Глава 2

– Сделайте мне одолжение, доктор, и бросьте свои вечные причитания! Говорю вам, парня не исправить! Я уже достаточно пробовал, шесть гувернеров один за другим помогали мне в этом, и все мы ничего не могли с ним поделать; вам же и подавно не удастся это, а потому предоставьте ему свободу!

С этой речью, произнесенной очень энергичным тоном, помещик Витольд обратился к учителю своего воспитанника.

Разговор происходил в угловой комнате помещичьего дома. Хозяин сидел в кресле у открытого окна, весь окутанный густыми облаками табачного дыма, который он выпускал из красивой трубки. Витольду было лет под шестьдесят, но вид у него был еще очень моложавый. При очень высоком росте и значительной полноте он производил впечатление человека в полном расцвете сил и здоровья, и его мощная фигура и голос представляли резкий контраст с тщедушной фигуркой наставника его воспитанника.

Доктору филологии Фабиану было лет за тридцать; его нельзя было назвать некрасивым, но его лицо носило слишком ясные следы болезненности и тяжелой жизни. Во всем его существе выражались робость и боязливость, которые являлись следствием его подчиненного положения и слышались также в голосе, когда он тихо проговорил:

– Вы знаете, что я обращаюсь к вам лишь в крайних случаях, но на этот раз вынужден прибегнуть к вашему авторитету, потому что совершенно не знаю, как быть.

– Что же опять натворил Вольдемар? О том, что он необуздан, я знаю так же хорошо, как и вы, но решительно не могу помочь вам! Что он убегает от ваших книг и предпочитает охотиться... Э... в молодости я делал то же самое. Вся эта премудрость тоже не умещалась в моей голове. Что у него нет манер – ну, так их вовсе и не нужно; мы тут все свои люди, а если когда и приедут соседи, то тоже не соблюдают особых церемоний. Вы это прекрасно знаете и всегда удираете от нашей компании.

– Но подумайте только, – возразил наставник, – если Вольдемар со своим необузданным нравом попадет со временем в другие условия жизни, если он, например, женится...

– Женится! – воскликнул Витольд, прямо-таки оскорбленный подобным предположением. – Он никогда не сделает этого. Зачем ему жениться? Я остался холостяком и чувствую себя прекрасно, а покойный Нордек тоже сделал бы гораздо лучше, если бы не женился. Ну, со стороны Вольдемара, слава Богу, бояться нечего; он избегает всего, что называется женщиной... и очень хорошо делает.

Фабиан подошел на шаг ближе и произнес:

– Вернемся к началу нашего разговора. Вы сами согласны с тем, что мой воспитанник уже давно перерос вас и меня;

необходимо отправить его в университет.

– Так и знал! Уже целый месяц ничего другого от вас не слышу. Да что делать Вольдемару в университете? Набивать голову всякой премудростью? Он изучил все, что необходимо порядочному помещику. В поле и во дворе он сумеет разобраться не хуже, чем мой управляющий, а с людьми справляется гораздо лучше меня. Что касается верховой езды и охоты, так за ним никто не угонится. Он у меня молодчина!

Наставник, по-видимому, вовсе не разделял этого восторженного мнения Витольда о своем воспитаннике. Конечно, он не смел высказать это вслух, однако все же возразил:

– Но к наследнику Вилицы все-таки могут быть предъявлены большие требования, чем к хорошему управляющему. Мне кажется, что высшее образование для него необходимо.

– А я этого вовсе не нахожу! Разве не довольно того, что мне придется впоследствии отпустить от себя этого молодца, потому что его имения находятся в Польше? А вы хотите, чтобы я ни с того ни с сего расстался с ним теперь, чтобы отправить его в университет, куда он вовсе не желает поступать? Этому не бывать! Ни в коем случае! Он останется здесь, пока не переедет в Вилицу!

Помещик сделал несколько таких энергичных затяжек из своей трубки, что его лицо на некоторое время совершенно скрылось за густыми облаками табачного дыма.

Наставник тяжело вздохнул и замолчал, но именно эта ти-

хая покорность, казалось, тронула Витольда.

– Отложите разговоры об университете! – проговорил он совершенно другим тоном. – Вы никогда не добьетесь этого от Вольдемара, да и для вас это гораздо лучше, потому что вы останетесь в Альтенгофе. Здесь вы сидите среди всех ваших курганов и рунов² или... как там называется вся эта музыка, с которой вы целыми днями возитесь. Я вовсе не понимаю, что хорошего вы находите во всем этом языческом хламе, но у каждого человека должно быть свое удовольствие в жизни, и я от души рад за вас, так как Вольдемар достаточно часто отравляет вам жизнь, да и я тоже.

Наставник сконфузился и сделал отрицательный жест.

– Не смущайтесь! – добродушно произнес Витольд. – Я прекрасно знаю, что вы считаете нашу жизнь здесь совсем бестолковой и давно сбежали бы отсюда, если бы не старый языческий хлам, которому вы преданы всей душой и с которым не можете расстаться. Собственно говоря, если вы постоянно витаете где-то среди древних германцев, то вам должно было бы очень нравиться у нас, ведь они тоже не отличались особыми «манерами».

– Но позвольте, господин Витольд...

Фабиану не пришлось продолжать своего возражения, потому что в эту минуту около окна раздался выстрел. Пуля со свистом пролетела по комнате, и большие оленьи рога, ви-

² Руны – древнейшие письмены скандинавов, сохранившиеся на камнях и металлических предметах.

севшие над письменным столом, с грохотом упали на пол.

Помещик вскочил.

– Вольдемар! Что это значит? Этот мальчишка вздумал теперь стрелять в комнате! Постой-ка, я отучу тебя от этого!

Он собирался выбежать, но ему помешал молодой человек, как раз в эту минуту вошедший в комнату в сопровождении большой охотничьей собаки и с шумом захлопнувший за собой дверь. Он был в охотничьем костюме, с разряженным ружьем в руке. Не поклонившись и не извинившись по поводу своего шумного появления, он прямо подошел к Витольду и заявил:

– Ну, кто прав, ты или я?

– Что за манера стрелять над головами у людей? – запальчиво крикнул Витольд, – нельзя больше быть спокойным за свою жизнь. Тебе, верно, непременно хочется спровадить на тот свет меня и доктора.

– С какой стати? Я только хотел выиграть пари. Ты утверждал вчера, что со двора я не попаду в этот гвоздь. Вон пуля, – и он указал на стену.

Витольд посмотрел в указанном направлении и с восхищением сказал, уже совершенно успокоившись и гордясь своим воспитанником:

– И правда – она там! Доктор, взгляните-ка... но что с вами?

– У доктора Фабиана, вероятно, опять нервный припадок, – презрительно проговорил Вольдемар, поставив ружье

в угол и, по-видимому, совершенно не собираясь оказать помощь своему учителю, который в полуобморочном состоянии лежал на диване и от испуга дрожал всем телом.

Добродушный Витольд приподнял наставника и стал уговаривать.

– Придите же в себя! Кто же падает в обморок от малейшего порохового запаха? Ведь вся эта история и гроша ломаного не стоит. Правда, мы поспорили, но как я мог знать, что Вольдемар станет доказывать свою правоту так неблагодарно? Вам лучше? Слава Богу!

Фабиан поднялся и старался побороть свою нервную дрожь, однако это ему плохо удавалось.

– Вы могли бы убить нас, Вольдемар, – произнес он побелевшими губами.

– Нет, сделать это я не мог, – довольно непочтительным тоном ответил Вольдемар. – Вы с дядей стояли у правого окна, а я стрелял в левое, да, кроме того, вы ведь знаете, что я никогда не промахнусь?

– Но впредь ты это брось, – заявил Витольд, делая попытку проявить свой опекунский авторитет, – я раз и навсегда запрещаю тебе стрельбу во дворе.

– Запрещать ты можешь, дядя, но повиноваться я не стану, и все-таки буду стрелять! – возразил молодой человек, упрямо скрестив руки.

Он стоял перед своим приемным отцом как олицетворение упрямства и необузданности. У Вольдемара был чисто

германский тип лица, и ни одна черта не указывала на то, что его мать была дочерью другого народа. Он был еще выше ростом, чем Витольд, но его фигура не отличалась пропорциональностью, и все ее линии были угловаты и резки. Густые белокурые волосы ниспадали на лоб, и он время от времени откидывал их нетерпеливым движением. Его голубые глаза имели мрачное, а в минуты раздражения, как теперь, даже свирепое выражение.

Витольд принадлежал к тем людям, внешность и обращение которых дает возможность предполагать в них энергию, хотя в действительности они ею не обладают. Вместо того, чтобы дать решительный отпор своенравию и упрямству своего воспитанника, он счел за лучшее уступить.

– Ведь говорил же я вам, что он совсем отбился от рук, – обратился он к Фабиану.

Вольдемар растянулся на диване, не взирая на то, что его вымокшие в болоте сапоги пачкают обивку. Охотничья собака, по-видимому, тоже побывавшая в воде, последовала примеру своего хозяина и устроилась на ковре.

Наступило молчание. Хозяин дома занялся раскуриванием своей потухшей трубки, а Фабиан приютился у окна. В то время как Витольд отыскивал кисет с табаком, валявшийся на письменном столе среди хлыстов и шпор, ему попался под руку нераспечатанный конверт, и он произнес:

– Да, чуть было не забыл, Вольдемар, тебе письмо. На печати корона и всякое зверье; должно быть, от княгини Барачи.

товской. Давненько ее сиятельство не удостоивала нас милостивым собственноручным посланием!

Молодой Нордек распечатал письмо и пробежал его глазами. По-видимому, оно заключало в себе лишь несколько строк, но, тем не менее, Вольдемар нахмурился.

– Ну-с, что случилось? – спросил Витольд, – эта компания заговорщиков все еще сидит в Париже?

– Княгиня со своим сыном в Ц., – ответил Вольдемар, видимо умышленно избегавший слова «мать» и «брат», – и желает видеть меня. Я завтра съезжу туда.

– Нет уж, это ты оставь, – сказал помещик, – их сиятельствам много лет не было до тебя никакого дела, так нечего начинать теперь! Мы в них не нуждаемся. Ты останешься дома!

– Дядя, да разве я школьник, что на каждом шагу должен спрашивать разрешения. Неужели же я в двадцать один год не имею даже права сам решить вопрос о свидании с матерью? Я уже решил и завтра утром еду в Ц.

– Ну, ну, незачем сейчас так бесноваться, – проговорил Витольд, – по мне, поезжай куда угодно! Но я не хочу иметь ничего общего с этой компанией, говорю тебе заранее!

Вольдемар упорно молчал, затем, взяв ружье и свистнув собаку, вышел из комнаты. Опекун посмотрел ему вслед, покачивая головой. Вдруг его осенила какая-то мысль. Он взял письмо, оставленное Вольдемаром на столе, и стал читать его. Теперь настала очередь хмуриться ему; на его лбу по-

явились глубокие морщины, предвещавшие грозу.

– Так я и знал! – воскликнул Витольд, ударя кулаком по столу. – Это очень похоже на княгиню. В шести строках она подстрекает мальчишку к возмущению против меня; потом-то он и стал таким строптивым. Послушайте-ка это великолепное послание! – обратился он к Фабиану. – «Мой сын! Прошло много лет, в течение которых ты не подавал никаких признаков жизни...» Как будто она их подавала, – пробурчал Витольд, – «Я знала от посторонних, что ты живешь в Альтенгофе, у своего опекуна. В данное время я нахожусь в Ц., и была бы очень рада увидеть тебя и познакомить с братом. Я, конечно, не знаю...» Обратите внимание – теперь следует шпилька: «...пользуешься ли ты достаточной свободой, необходимой для подобного визита; как я слышала, ты, несмотря на исполнившееся совершеннолетие, еще всецело зависишь от своего опекуна...» Доктор, вы свидетель того, как этот мальчишка обращается с нами изо дня в день. «Я не сомневаюсь в твоём желании приехать, но вряд ли господин Витольд разрешит тебе это. Тем не менее, я предпочла обратиться к тебе, чтобы увидеть, обладаешь ли ты достаточной самостоятельностью для исполнения желания твоей матери, первое, которое она высказывает тебе, и смеешь ли ты исполнить его». «Смеешь» подчеркнуто. «Ожидаю тебя на этих днях. Твой брат и я шлем тебе привет. Твоя мать».

Витольд был так рассержен, что швырнул письмо на пол.

– И подобную вещь мне приходится читать! Мастерски

придуманно госпожой мамашей! Ей известно, какой упрямец Вольдемар, и если бы она изучила его в течение многих лет, то не могла бы более удачно задеть его слабую струну. Теперь никакие силы не удержат его, он отправится туда для того, чтобы доказать, что может делать, что хочет... Что вы скажете на это?

Фабиан был, по-видимому, посвящен в семейные отношения своего воспитанника, и предстоящее свидание внушало ему страх, но совсем по другой причине. Он с ужасом произнес:

– Помилуй, Бог! Если Вольдемар и в Ц. будет вести себя как всегда, то, что подумает княгиня!

– Что он пошел в отца, а не в нее, – последовал выразительный ответ Витольда. – Пусть он держит себя именно так, тогда ей, по крайней мере, станет ясно, что он не будет очень-то послушным орудием для ее интриг. А что тут кроется какая-то интрига, то в этом я глубоко убежден. Или опустел княжеский кошелек, – мне кажется, он никогда не был особенно полным, – или снова замышляется какой-нибудь заговор, а для этого Вилица расположена очень удобно, возле самой границы. Что они там задумали, одному Богу известно, но только я уж разужнаю и вовремя открою ему глаза.

– Помилуйте, господин Витольд, – возразил доктор, – к чему теперь, когда мать протягивает руку примирения, еще усиливать ужасное отчуждение, существующее в этой семье? Не лучше ли было бы, наконец, заключить мир?

– Вы этого не понимаете, доктор, – ответил Витольд с совершенно несвойственным ему озлоблением. – С этой женщиной нельзя заключить мир, если беспрекословно не подчинишься ее властолюбию. Вот, например, покойный Нордек не делал этого, зато у него и был в доме ад. Слава Богу еще, что, благодаря завещанию, княгиня Баратовская не могла властвовать в Вилице, а о том, чтобы Вольдемар в будущем не сделал подобной глупости, мы позаботились своим воспитанием.

– Мы? – с ужасом воскликнул Фабиан. – Господин Витольд, я честно давал свои уроки, на характер же своего воспитанника, к сожалению, никогда не мог воздействовать... иначе...

– Он был бы другим, – со смехом добавил Витольд. – Ну, пусть совесть не упрекает вас! Допустим, это я воспитал его и от всей души буду рад, если мое воспитание хорошенько столкнется завтра с парижским лоском княгини.

С этими словами помещик вышел из комнаты. Наставник наклонился и поднял письмо, все еще валявшееся на полу, аккуратно сложил его и с глубоким вздохом проговорил:

– А, в конце концов, все-таки выйдет, что воспитателем молодого Нордека был некий доктор Фабиан... О, Господи!

Глава 3

Вилица, наследником которой был Вольдемар Нордек, находилась в одной из восточных провинций и состояла из целого ряда поместий, центром которых являлся старый замок того же названия. Покойный Нордек стал владельцем этих поместий следующим образом.

Граф Моринский и его сестра рано осиротели; Ядвига получила воспитание при монастыре, и когда вышла оттуда, родные уже распорядились ее судьбой. В том дворянском кругу, к которому принадлежала молодая графиня, это было обычным явлением, и она охотно подчинилась бы решению родственников относительно ее брака, если бы предназначенный ей супруг был равен ей по происхождению или хотя бы был сыном ее народа; но Ядвига была избрана орудием различных семейных планов, которые ее родные, во что бы то ни стало, хотели привести в исполнение.

В той местности, где жила большая часть членов рода Моринских, несколько лет тому назад появился некий Нордек, немец низкого происхождения, но с большим состоянием. Он был человеком малообразованным и крайне несимпатичным, но благодаря обладанию громадными имениями, скупленными им в этом краю за полцены у обедневших помещиков, польских дворян, приобрел большую власть, которая скоро дала очень чувствительно о себе знать во всей

окрестности; кроме того, ему каким-то образом стали известны многие партийные тайны национальных польских союзов. Это делало Нордека крайне опасным противником, и необходимо было завоевать его дружбу.

Подкупить миллионера было, конечно, невозможно; оставалось только подействовать на его тщеславие, под влиянием которого он был далеко не прочь породниться с каким-нибудь старинным польским родом. Выбор его пал на внука владельцев Вилицы; необразованному выскочке очень льстило, что ему доступна рука графини Моринской, а в приданом он, конечно, не нуждался.

Ядвига сначала воспротивилась этому союзу, но что могла сделать семнадцатилетняя девушка против семейного решения? Кроме того, роль бедной приживалки, живущей на хлебах из милости у родственников, была вовсе не по вкусу молодой графине; она, наконец, согласилась, и брак состоялся.

Однако планы и расчеты обеих сторон не оправдались. Нордек не поддавался никакому влиянию, и его мимолетное увлечение Ядвигой превратилось в ненависть, как только он понял, что его самого и его состояние хотели использовать для интересов ее семьи. Рождение сына не изменило этих отношений. Пропасть между мужем и женой все увеличивалась; между ними разыгрывались ужасные сцены, и после одной из них молодая женщина покинула замок, чтобы искать защиты у брата. Маленький Вольдемар, которому в то время едва исполнился год, остался у отца. Нордек, при-

шедший в ярость от бегства жены, требовал ее возвращения. Граф Моринский делал все, что мог, чтобы оградить сестру. Но неожиданная смерть Нордека положила конец этому несчастному браку. Причиной этой смерти явилось его падение с лошади во время охоты, однако, умирая, он имел еще столько сил, чтобы продиктовать завещание, по которому его жена совершенно устранялась от участия в наследстве и в воспитании сына. Опекун Вольдемара был назначен дальний родственник, друг детства Нордека, которому предоставлялись неограниченные права. Вдова пробовала протестовать, но опекун самым решительным образом отклонил все притязания и увез мальчика с собой на родину. Вольдемар все свое детство провел в Альтенгофе. Доходы с Вилицы присоединялись к капиталу, и таким образом молодой Нордек к своему совершеннолетию оказался обладателем громадного состояния.

Мать Вольдемара сначала жила в доме брата, который тем временем женился, но оставалась там недолго. Один из самых близких друзей графа, князь Баратовский, влюбился в красивую молодую женщину, и через год она вышла за него замуж. Второй брак был, безусловно, счастлив, князь полностью подчинился своей жене и нежно любил ее и сына, которого она ему подарила.

Однако их счастье недолго оставалось безоблачным, но на этот раз оно было нарушено внешними невзгодами. Лев был еще ребенком, когда грянула революция, охватившая чуть

ли не пол-Европы. В польском крае также вспыхнуло восстание. Моринский и Баратовский приняли в нем активное участие, однако революционное движение было подавлено, и его участников постигла суровая кара. Моринский и Баратовский бежали во Францию, за ними последовали их жены и дети. Графиня Моринская, хрупкая, болезненная женщина, не вынесла жизни на чужбине и через год умерила. Бронислав поручил свою единственную дочь Ванду сестре. Сам он был не в состоянии оставаться в Париже, где все напоминало ему об утрате страстно любимой жены. Он жил то здесь, то там, и приезжал только иногда, чтобы увидиться с дочерью. Наконец, благодаря амнистии, он получил возможность вернуться на родину, где тем временем после смерти одного родственника получил в наследство поместье Раковиц, в котором и поселился.

На князя Баратовского, который был одним из главарей восстания, амнистия не распространилась, и о его возвращении нельзя было и думать. Жена и сын разделили с ним его участь, пока, наконец, его смерть не предоставила им возможности избрать себе новое местожительство.

Глава 4

Было утро. В комнате с балконом на даче, которую занимали Баратовские, находилась только княгиня; она была поглощена чтением письма, полученного час тому назад. Это было извещение Вольдемара о том, что он сегодня приедет. Княгиня так пристально смотрела на это письмо, как будто хотела изучить по этим кратким холодным словам или по почерку характер сына, который был ей совершенно чужим. С тех пор как Ядвига вторично вышла замуж, она лишь изредка и мельком видела его, а с того времени как она жила во Франции, эти свидания и вовсе прекратились. Образ десятилетнего мальчика, сохранившийся в ее памяти, был довольно непривлекателен, а то, что она узнала относительно юноши, вполне согласовалось с ним. Тем не менее, княгине было необходимо, во что бы то ни стало приобрести влияние на сына, а она была не способна отступать от решения какой-либо задачи, если даже прекрасно осознавала все ее трудности. Она встала и начала задумчиво ходить взад и вперед, но быстрые шаги, раздавшиеся в передней, заставили ее остановиться. Слуга, открыв дверь, произнес:

– Господин Вольдемар Нордек.

Названный тотчас же вошел. Дверь снова закрылась, и мать с сыном очутились лицом к лицу.

Вольдемар сделал еще несколько шагов вперед, но вдруг

остановился. Княгиня, имевшая намерение пойти ему навстречу, также замедлила шаги. Казалось, что с первого мгновенья этой встречи между ними разверзлась бездонная пропасть. Их затянувшееся молчание говорило яснее слов; оно доказывало, что ни в сердце матери, ни в сердце сына не дрогнула ни одна струна. Княгиня первая превозмогла себя.

– Благодарю тебя, мой сын, что ты пришел, – проговорила она, протягивая руку.

Вольдемар медленно подошел ближе, только дотронулся до протянутой ему руки и сейчас же опустил ее. Княгиня, несмотря на темный костюм, была очень эффектна и величественна, но, по-видимому, это не произвело на молодого человека никакого впечатления, несмотря на то, что он пристально смотрел на нее. Княгиня также не отрывала глаз от лица сына, но тщетно старалась отыскать в нем хоть единственную черту, похожую на ее собственные или напоминающую их. Она видела только разительное сходство с человеком, которого ненавидела даже после его смерти.

– Я была уверена, что ты приедешь, – продолжала она, опускаясь на стул и жестом указывая сыну место возле себя.

Однако Вольдемар продолжал стоять.

– Разве ты не сядешь?

Этот вопрос был произнесен очень спокойно, но не допускал возражения и напомнил молодому Нордеку, что он не может стоять на протяжении всего своего визита; он взял кресло и сел против матери, так что стул возле нее остался

пустым.

Смысл этого поступка был вполне ясен; княгиня плотнее сжала губы, но ее лицо оставалось неподвижным. Вольдемар сидел против света; он и сегодня был в охотничьем костюме, не отличавшемся особой опрятностью. В левой руке, которая, как и правая, была без перчатки, он держал круглую шляпу и хлыст, а манера, с которой молодой человек опустился на стул, доказывала его полное незнание светских обычаев. Мать с первого же взгляда заметила как это, так и то злобное упорство, которым вооружился ее сын; оно достаточно ясно светилось в его глазах. Задача, предстоявшая княгине, была не из легких, она это чувствовала.

– Мы стали совсем чужими, Вольдемар, – начала она, – и при этом нашем первом свидании я не могу требовать от тебя сыновних объятий. Я была вынуждена с детства оставить тебя в чужих руках. Матери было запрещено исполнять свои обязанности и пользоваться своими правами.

– У дяди Витольда я ни в чем не чувствовал лишения, – резко ответил Вольдемар, – и всегда был там больше дома, чем чувствовал бы себя в доме князя Баратовского.

Он произнес это имя с особым ударением, которое не ускользнуло от княгини.

– Князь Баратовский умер, – серьезно произнесла она, – ты видишь перед собой его вдову.

Вольдемар поднял глаза; он, по-видимому, только теперь заметил траурное платье матери.

– Очень сожалею... ради тебя, – холодно проговорил он.

– Оставь это! Ты никогда не знал князя, и я не могу ожидать от тебя симпатий к человеку, который был моим мужем, но я осознаю также, что утрата, тяжело поразившая меня, опрокинула преграду, разлучавшую нас. Ты всегда хотел видеть во мне только княгиню Баратовскую. Может быть, теперь ты вспомнишь, что она – твоя мать, вдова твоего отца.

При этих словах Вольдемар поднялся таким порывистым движением, что стул полетел на пол.

– Оставим это. Я пришел, чтобы доказать тебе, что я не подвергаюсь никакому насилию и исполняю только свою волю. Ты хотела говорить со мной – я здесь. Что ты хочешь от меня?

В этих словах выказались вся прямолинейность и резкость молодого человека. Упоминание об отце, очевидно, глубоко оскорбило его. Княгиня также встала.

– Что я хочу от тебя? Я хочу разорвать тот круг, которым окружило тебя враждебное мне влияние. Я хочу напомнить тебе, что тебе пора теперь смотреть на все своими собственными глазами, а не следовать слепо навязанным тебе чужим взглядам. Тебя научили ненавидеть мать. Сначала узнай, заслуживает ли она этой ненависти, а затем рассуди сам! Вот чего я хочу от тебя!

Все это было произнесено с такой спокойной уверенностью и неприступной гордостью, что не могло не произвести впечатления на Вольдемара. Он почувствовал, что оскорбил

мать, да и призыв к его самостоятельности не остался без результата.

– Во мне нет ненависти к тебе, мама, – сказал он.

В первый раз он произнес это слово.

– Но нет и доверия, – добавила княгиня, – а это – первое, что я должна потребовать от тебя. Тебе нелегко, я знаю это; ведь семена недоверия с детства сеяли в твоей душе. Твой опекун делал все возможное, чтобы усилить отчуждение между нами, и привязал тебя к себе. Боюсь только, что его воспитание малопригодно для наследника Вилицы.

– Я не потерплю никаких упреков по отношению к моему дяде Витольду, он был для меня вторым отцом, – с яростью крикнул Вольдемар. – И если меня позвали сюда затем, чтобы заставить выслушивать нападки на него, то я сейчас же уйду. Мы никогда не пойдем друг друга!

Княгиня увидела, что сделала громадную ошибку: наружу прорвалась ненависть к опекуну, но это уже случилось, и уступать – значило ставить на карту весь свой авторитет. Тем не менее, ей надо было, во что бы то ни стало удержать Вольдемара.

Но тут появилась помощь с такой стороны, с которой она могла ожидать ее меньше всего. В самый решительный момент дверь открылась, и появилась Ванда, возвратившаяся с прогулки с отцом и не подозревавшая, что пришел гость.

Вольдемар, действительно, собирался уходить, но вдруг остановился как вкопанный, вспыхнув до корней волос. Он

совершенно растерялся и не сводил глаз с молодой графини. Последняя, заметив посетителя, хотела уйти, но когда тот повернулся к ней лицом, чуть вскрикнула от изумления, слегка смутилась, однако несколько не растерялась и с трудом сдержала смех. Отступить было поздно; а потому девушка закрыла за собой дверь и вошла в комнату.

– Мой сын Вольдемар Нордек, моя племянница, графиня Моринская, – произнесла княгиня, с изумлением вопросительно глядя сначала на сына, а потом на племянницу.

Последняя успела вполне овладеть собой и вспомнить, что она – уже взрослая особа. Ее грациозный поклон был так безупречен, что даже самая строгая гувернантка не могла бы придаться к нему; однако губы девушки предательски задергались, когда Вольдемар в ответ на представление княгини сделал какое-то движение, которое, вероятно, должно было означать поклон, но выглядело очень комично. Его мать не сводила с него пристального взора, как бы желая прочесть самые сокровенные его мысли.

– Мне кажется, что ты уже знаком со своей двоюродной сестрой? – со своеобразным ударением произнесла она.

Указание на родственные отношения, по-видимому, еще больше смутили молодого человека.

– Не знаю, – с крайним смущением ответил он, – несколько дней тому назад, действительно...

– Господин Нордек был так любезен, что вывел меня из леса, когда я там заблудилась, – прервала его Ванда. – Это

было третьего дня, во время нашей поездки на Буковый полуостров.

Княгиня сочла тогда эту прогулку крайне неуместной, теперь же, по-видимому, совершенно не собиралась больше упрекать за нее племянницу; наоборот, ее тон можно было скорее назвать благосклонным, когда она проговорила:

– Действительно, изумительная встреча! Но что же вы оба стоите как совершенно чужие? Между родственниками незачем так строго придерживаться этикета. Ты смело можешь подать руку своему двоюродному брату, Ванда.

Девушка непринужденно протянула руку. Ее двоюродный брат Лев был настолько любезен, что всегда целовал эту руку, когда она протягивала ее в знак примирения после какой-нибудь ссоры, старший же кузен, очевидно, совершенно не отличался подобной любезностью. Он сначала так робко и нерешительно взял протянутые ему тонкие пальцы, как будто не смел прикоснуться к ним, а затем так сильно сжал их, что девушка чуть не вскрикнула от боли.

Княгиня молча, но внимательно наблюдала за ними.

– Значит, вы встретились в лесу? – снова начала она. – Разве никто из вас не назвал своего имени?

– Я, к сожалению, приняла господина Нордека за лесного духа, – выпалила Ванда, не обращая внимания на неодобрительные взгляды тетки, – а он сделал все возможное, чтобы подтвердить мое предположение. Ты представить себе не можешь, дорогая тетя, как интересен был наш разговор, и

поймешь, что при таких обстоятельствах было не до официальных представлений.

В этих словах слышалась нескрываемая насмешка, однако Вольдемар, перед тем проявивший такое раздражение, казалось, совершенно не был обижен и не отрывал взгляда от молодой девушки. Однако княгиня все же нашла нужным пресечь насмешки Ванды и обратилась к сыну:

– Вольдемар, ты еще не видел своего брата и дяди. Я сведу тебя к ним. Ты ведь останешься у нас на весь день?

– Если тебе угодно!

Молодой человек произнес эти слова нерешительно и неуверенно, однако в них уже совершенно не было слышно строптивости прежних ответов. Вольдемар, очевидно, не собирался больше уходить.

– Конечно. Пойдем, милая Ванда.

Молодой Нордек еще колебался, но когда Ванда последовала за теткой, он тут же принял решение. Положив шляпу и хлыст на стул, он пошел вслед за дамами. По губам княгини пробежала еле заметная торжествующая улыбка.

Глава 5

Граф Моринский и Лев были в гостиной; от Павла они узнали о приходе Вольдемара, но не хотели мешать первому свиданию матери с сыном. Граф был несколько удивлен тем, что Ванда также вошла вместе с княгиней, но удержался от вопроса, вертевшегося у него на языке; молодой Нордек приковал к себе все его внимание.

Княгиня взяла младшего сына за руку и, подведя его к старшему, многозначительно произнесла:

– До сих пор вы не были знакомы друг с другом, и только сегодня мне суждено положить конец вашей долгой разлуке. Лев с братской любовью идет тебе навстречу, Вольдемар. Надеюсь, что и в тебе он найдет брата.

Вольдемар быстрым взглядом окинул стоявшего перед ним брата, но в этом взгляде не было никакой враждебности. Красота молодого князя невольно пленила его, и когда Лев несколько робко протянул ему руку, молодой Нордек горячо пожал ее.

Граф Моринский тоже подошел к сыну своей сестры и сказал несколько любезных фраз, на которые тот ответил довольно кратко. Разговор мог получиться довольно натянутым, если бы княгиня мастерски не направляла его, избегая теперь всяких неприятных напоминаний. Так прошло около получаса. Появился Павел с докладом, что обед подан.

– Лев, на сегодня право вести Ванду к столу тебе придется уступить своему брату, – сказала княгиня, взяв своего брата под руку и уходя по направлению к столовой.

– Ну, что? – вполголоса по-польски спросил граф, – чем кончился разговор?

– Не беспокойся. Все уладится, уверяю тебя.

Только к вечеру молодой Нордек отправился назад в Альтенгоф. Лев, провожавший его до ворот дачи, возвратился в гостиную. Княгини и графа там уже не было, только Ванда, стоявшая на балконе, смотрела вслед уезжавшему верхом Вольдемару.

– Господи, какое чудище этот Вольдемар! – воскликнула молодая графиня входившему двоюродному брату. – Лев, как только ты мог все время оставаться серьезным? Я совершенно скомкала свой платок, лишь бы скрыть смех, но теперь не могу больше удержаться, иначе задохнусь.

С этими словами Ванда упала в кресло и начала заразительно смеяться.

– Мы были подготовлены к оригинальности Вольдемара, – ответил Лев. – По правде говоря, я представлял его еще более резким и непривлекательным.

– О, ты узрел его сегодня в салонном одеянии, – продолжала издеваться Ванда, – я же, имевшая счастье видеть его во всей красе в лесу, не могу отделаться от угнетающего впечатления, которое производит этот дикарь, и до сих пор не могу без ужаса вспоминать об этой встрече!

– Ты должна еще рассказать мне об этом, – сказал Лев. – Значит, это Вольдемар провожал тебя третьего дня до Букового полуострова. Я догадался об этом из вашего разговора, но не понимаю, почему ты облекла это такой таинственностью.

– Да только для того, чтобы позлить тебя. Ты так кипятился, когда я говорила о своей встрече с незнакомцем, вероятно, предполагая, что меня проводил какой-нибудь кавалер; я оставила тебя в этом заблуждении, но теперь ты, наконец, увидел, что нет никакой опасности?

– Да, я это вижу, – со смехом согласился молодой человек, – но, тем не менее, он все-таки был настолько любезен, что соблаговолил проводить тебя.

– Я всю жизнь не забуду этих проводов. Представь себе, я вдруг потеряла тропинку, по которой так часто ходила; стараясь отыскать ее, я все дальше заходила в лес и очутилась в совершенно незнакомой местности. Я была в полном отчаянии, как вдруг послышался ужасный треск и передо мной предстала фигура, которую я сначала приняла за лешего; этот человек, казалось, вылез прямо из болота, был весь в тине и нес на плечах убитую серну, не обращая внимания на то, что струившаяся из нее кровь заливала всю его куртку.

– Ты, наверно, перепугалась? – насмешливо спросил Лев.

– Испугалась? Кажется, ты знаешь, что я не из пугливых. Другая на моем месте, вероятно, обратилась бы в бегство, я же спросила его, где дорога на Буковый полуостров. Однако,

несмотря на то, что я дважды повторила вопрос, ответа на него не последовало. Чудовище стояло как вкопанное, выпучив на меня глаза. Я повернулась, чтобы уйти. Тогда оно подскочило ко мне, указало направо и, по-видимому, собиралось проводить меня.

– И все это он объяснял знаками? – спросил Лев.

– Нет, он удостоил меня шестью или семью словами. В первую минуту нашего совместного путешествия я услышала: «Надо повернуть направо», а под конец: «Вот Буковый полуостров». Все остальное время царило молчание, которое я не решалась нарушить. Представь себе мое изумление, когда сегодня я увидела этого «лешего» в приемной тети и когда это «чудовище» было представлено мне в качестве «кузена Вольдемара». Правда, сегодня он изображал салонного кавалера и даже вел меня к столу, но, Боже, как он делал все это!.. Он, вероятно, впервые в жизни подал руку даме. А как он держался за столом! Прости меня, но твоему новому братцу место среди дикарей! И это – будущий владелец Вилицы!

Лев в основном разделял это мнение, но счел своей обязанностью стать на сторону брата.

– Вольдемар не виноват в том, что получил плохое воспитание; мама говорит, что опекун умышленно позволил ему так одичать.

– Одним словом, это – чудовище, – решила молодая особа, – и я торжественно заявляю, что если мне еще раз предо-

ставят такого кавалера, то я вовсе не выйду к столу!

Во время этого разговора платок Ванды упал и зацепился за ветку плюща, обвинявшего балкон; Лев заметил это и любезно наклонился, чтобы поднять его; при этом ему пришлось встать на колени; в этом положении он и передал платок двоюродной сестре. Вместо того чтобы поблагодарить его, Ванда громко рассмеялась. Молодой князь вскочил.

– Ты смеешься?

– О, не над тобой! Я представила себе, каким бы смешным был твой брат в такой позе!

– Вольдемар? Да, конечно! Но он никогда не станет на колени перед женщиной, а перед тобой тем более!

– Почему? Мне очень хотелось бы доказать тебе противное!

– Каким же образом? – со смехом спросил Лев.

– Тем, что я доведу его до этого!

– Ну, что же, испытай силу своего влияния на моем брате!

Ванда вскочила как ребенок, которому предстоит получить новую игрушку.

– Идет! На что мы будем держать пари?

– Но только это должно быть настоящее коленопреклонение, а не простая любезность, – заявил князь.

– Конечно! Ты смеешься? Вероятно, считаешь это невозможным? Ну, увидим, кто выиграет пари. Ты увидишь Вольдемара на коленях передо мной, прежде чем мы уедем отсюда. Только одно условие: ты не должен ничего говорить

ему. Если он узнает, что мы держали пари, я думаю, что вся необузданность его природы вырвется наружу.

– Я буду молчать, – Лев увлекся выдумкой Ванды.

Глава 6

Прошло несколько недель; лето подходило к концу, и в Альтенгофе жатва была в полном разгаре. Витольд, все утро пробывший в поле, вернулся домой усталым и собирался после обеда хорошенько отдохнуть. Располагаясь на отдых, он с недовольством, смешанным с изумлением, взглянул на своего воспитанника, стоявшего у окна и ожидавшего, пока ему подадут лошадь.

– Значит, ты все-таки хочешь в эту жару отправиться в Ц.? – спросил Витольд. – Да ты получишь солнечный удар. Только ты, кажется, больше не можешь жить без того, чтобы, по крайней мере, три или четыре раза в неделю не нанести визита своей мамаше.

– Не могу же я не подчиниться желанию мамы видеть меня. Теперь, когда мы живем так близко друг от друга, она имеет право требовать, чтобы я посещал ее почаще.

– Ну, она очень усердно пользуется этим правом. Хотел бы я знать, как это она сделала из тебя такого послушного сына. Я почти двадцать лет старался, но напрасно, а она обработала тебя за один день. Впрочем, она испокон веков умела властвовать.

– Ты лучше, чем кто-либо, знаешь, что я не позволю властвовать над собой, – раздражительно произнес Вольдемар, – мать пошла мне навстречу. Я не могу и не хочу оказы-

вать такое противодействие, как делал ты, когда я находился под твоей опекой.

– Тебе, вероятно, все время твердят, что ты уже вышел из-под нее, – прервал его приемный отец, – ты это очень часто повторяешь в последнее время, но совершенно напрасно. К сожалению, ты всегда делал лишь то, что хотел, и притом очень часто против моей воли, так что объявление тебя совершеннолетним является чистой формальностью, конечно, для меня, а не для Баратовских; они-то уже знают, что будут делать и почему постоянно напоминают тебе об этом.

– К чему эти вечные подозрения? – вспыхнул Вольдемар. – Что же, я должен отказаться от всякого общения с моими родными только потому, что ты относишься к ним враждебно?

– Мне хотелось бы, чтобы тебе пришлось как-нибудь на деле испытать нежность своих милых родственников! – насмешливо проговорил Витольд. – Они, конечно, не стали бы так нянчиться с тобой, если бы ты случайно не был владельцем Вилицы. Ну, не злись; мы достаточно часто бранились из-за этого в последнее время, и я не хочу сегодня снова портить себе послеобеденный отдых. Ведь пребывание на курорте когда-нибудь закончится, и мы избавимся от всей этой милой компании.

Наступило непродолжительное молчание. Вольдемар нетерпеливо ходил взад и вперед по комнате.

– Не понимаю, что делают в конюшне; я приказал оседлать

Нормана, но конюх, кажется, заснул с ним!

– Ты, по-видимому, очень торопишься ехать, – сухо ответил Витольд, – мне кажется, что в Ц. тебя опоили каким-то зельем, потому что ты больше нигде не находишь себе места и не можешь дожидаться, когда сядешь на лошадь.

Вольдемар ничего не ответил и, посвистывая, махал хлыстом.

– Надеюсь, княгиня снова вернется в Париж? – вдруг спросил Витольд.

– Не знаю. Еще не решено, где Лев закончит свое образование, а от этого будет зависеть местопребывание матери.

– Я хотел бы, чтобы он поступил в университет в Константинополе, а его мамаша отправилась вместе с ним в Турцию, – с досадой произнес Витольд. – Тогда, по крайней мере, мы не скоро увидели бы их. Этот молодой Баратовский, вероятно, представляет собой кладезь премудрости, потому что ты все время говоришь о его образовании.

– Он учился гораздо больше, чем я, – сердито ответил Вольдемар, – хотя на четыре года моложе меня.

– Должно быть, мать заставляла его учиться; у него, вероятно, был только один учитель, тогда как от тебя сбежало шестеро, а седьмой выдержал с трудом.

– А почему меня не заставляли учиться? Ты желаешь мне добра, но представить себе не можешь, как я чувствую себя, когда вижу, что Лев во всем опередил меня, и постоянно слышу о необходимости для него дальнейшего образования.

Но этому скоро будет конец – я тоже пойду в университет.

Витольд с испугу чуть не выронил подушку, которую как раз взбивал, чтобы лечь.

– В университет? – повторил он.

– Конечно. Доктор Фабиан уже давно говорил об этом.

– А ты все время решительно противился!

– Это было раньше, теперь я передумал. Лев на будущий год должен поступить в университет, и если он в восемнадцать лет достаточно созрел для этого, то мне и давно пора. Я вовсе не желаю всегда и во всем быть позади своего младшего брата. Завтра я поговорю об этом с доктором Фабианом, а теперь сам пойду в конюшню и посмотрю, оседлан ли, наконец, Норман. У меня лопнуло терпение от ожидания.

Говоря это, он взял со стола шляпу и стрелой вылетел из комнаты. Витольд остался сидеть на диване, держа в руках подушку, но о послеобеденном сне больше нечего было и думать.

– Что случилось с мальчишкой? Доктор, что с ним сделали? – гневно закричал он на доктора Фабиана, который, ничего не подозревая, входил в комнату.

– Я? – с испугом спросил тот. – Ничего.

– Ах, да я вовсе не о вас, – с досадой ответил помещик, – я говорил о компании Баратовских! С тех пор как Вольдемар попал к ним в руки, с ним нет никакого сладу. Подумать только, он хочет в университет!

– Неужели? – радостно воскликнул доктор.

– Небось, вы очень рады этому, – проворчал Витольд, – вам, вероятно, доставляет громадное удовольствие, что вы уедете отсюда, а я останусь один-одинешенек в Альтенгофе.

– Вы ведь знаете, что я все время ратовал за университет, – стал защищаться наставник. – К сожалению, меня не слушали, и если княгиня, действительно, убедила в этом Вольдемара, то я могу только благословлять ее влияние.

– Черт бы побрал это влияние! – воскликнул помещик, швыряя на середину комнаты злополучную подушку. – Вот погодите, мы увидим, что тут кроется. Что-нибудь да случилось с мальчишкой; он ходит как во сне и на все отвечает невпопад. Я во что бы то ни стало должен узнать, в чем тут дело, и вы должны помочь мне, доктор. В следующий раз вы тоже поедете в Ц.

– Ни за что на свете! Что я буду там делать?

– Наблюдать, а затем докладывать мне. Сам я не могу отправиться туда, потому что от встречи с княгиней произойдет беда, но вы – нейтральная сторона и как раз подходящий человек.

– Да я вовсе не знаю, как и взяться за это, – воскликнул Фабиан. – Ведь вам известно, как я теряюсь и робею с чужими; да и Вольдемар никогда не согласится, чтобы я сопровождал его.

– Ничего не хочу слушать! – наставительным тоном перебил его Витольд, – вы должны отправиться в Ц.! Вы ведь единственный человек, к которому я питаю доверие! Неуже-

ли вы не хотите помочь мне?

Тут Витольд разразился таким градом упреков, просьб и доказательств, что бедный доктор был совершенно сбит с толку и наконец обещал исполнить то, о чем его просили.

Во дворе послышался стук копыт. Вольдемар уже сидел на лошади; пришпорив коня и даже не взглянув на окна, он вылетел за ворота.

– Помчался, – полусердито, полувосторженно проговорил Витольд. – Взгляните, как он сидит на лошади!.. Как сидит! А ведь не шутка справиться с Норманом.

– Вольдемар имеет страсть ездить только на молодых, горячих лошадях, – боязливо произнес наставник. – Не понимаю, почему он выбрал именно Нормана; из всей конюшни это самая упрямая и дикая лошадь.

– Вот именно потому! Однако подойдите сюда! Надо обдумать вашу миссию; вы должны выполнить ее очень дипломатично.

С этими словами Витольд взял наставника за руку и привлек к дивану; бедный Фабиан терпеливо подчинился и только жалобно произнес:

– Я – дипломат, господин Витольд? Помилуй, Бог!

Семья Баратовских с самого начала не принимала участия в курортной жизни, а в последнее время сторонилась ее еще больше. Вольдемар при своих частых посещениях постоянно заставлял их одних. Граф Моринский уехал уже через несколько дней. Он хотел, было увезти с собой и дочь,

но княгиня убедила его, что пребывание на морском берегу необходимо для здоровья Ванды, и он возвратился в Раковиц один.

Молодой Нордек всю дорогу мчался в Ц. во весь карьер и вошел в комнату княгини, разгоряченный и запыленный. Несмотря на то, что мать и сын виделись теперь часто, в их отношениях не было никакой сердечности; они не могли перешагнуть пропасть, лежавшую между ними. Их взаимное приветствие было так же холодно, как и при первом свидании.

– Ты ищешь Льва и Ванду? – спросила княгиня, – они уже на берегу и ждут тебя там. Вы, кажется, договорились поехать кататься под парусами?

– Да, я пойду к ним, – и Вольдемар поспешно повернулся к двери, но мать удержала его.

– Удели мне несколько минут. Я должна поговорить с тобой.

– Нельзя ли потом? Я хотел бы сначала...

– Мне необходимо поговорить с тобой наедине, – перебила его княгиня, – ты еще успеешь накататься. Я думаю, вы можете отложить эту прогулку на четверть часа.

Нордек был явно недоволен такой отсрочкой прогулки и с большой неохотой принял приглашение сесть.

– Наше пребывание в Ц. заканчивается, – начала княгиня, – мы скоро должны будем подумать об отъезде.

– Уже? – воскликнул Вольдемар, испугавшись. – Но сен-

тябрь обещает быть прекрасным. Почему ты не хочешь провести его здесь?

– Не могу сделать этого из-за Ванды; брат и так очень неохотно согласился оставить ее здесь; за это я обещала сама привезти ее в Раковиц.

– Раковиц, кажется, находится недалеко от Вилицы?

– Да, вдвое ближе, чем Альтенгоф.

Молодой человек молчал и нетерпеливо посматривал в окно, выходящее на берег моря, которое, казалось, необычайно интересовало его.

– Да, кстати, раз мы уже заговорили о Вилице, – непринужденно заметила княгиня. – Скажи мне, ведь теперь, по достижении совершеннолетия, ты, конечно, сам будешь управлять своими имениями? Когда ты думаешь переехать туда?

– Мой отъезд был назначен на будущую весну, – рассеянно проговорил Вольдемар, все еще смотревший в окно. – Зимой я хотел еще пробыть у дяди; но теперь, вероятно, все изменится, так как я собираюсь поступать в университет.

– Это решение я могу только одобрить; я никогда не скрывала от тебя, что нахожу воспитание, данное тебе твоим опекуном, слишком односторонним.

– Я все-таки хотел бы раньше побывать в Вилице, – проговорил Вольдемар, – так как с детства не был там. Ты, вероятно, долго пробудешь в Раковице?

– Не знаю, в настоящее время я в любом случае приму

предложение брата приютить у себя меня и сына, а дальше будет видно, долго ли нам придется пользоваться его благодеянием.

– Приютить... благодеяние... что это значит, мама?

Губы княгини слегка вздрогнули, но ее лицо оставалось совершенно спокойным, когда она ответила:

– До сих пор я от всех скрывала наши отношения и предполагаю поступать так и в будущем; перед тобой я не могу, да и не хочу делать из этого тайну. Да, я вынуждена искать пристанища у брата. Как ты знаешь, я последовала за своим вторым мужем в изгнание и десять лет разделяла его с ним; все это поглотило наше состояние; все наши доходы исчерпаны. Ты, конечно, понимаешь, чего мне стоит открыть это тебе, и что я никогда не сделала бы этого, если бы речь шла обо мне одной. Но Лев только начинает жизнь; я не боюсь, что он будет терпеть бедность и лишения, но боюсь унижения, которого он не вынесет. Судьба вручила тебе громадное состояние, ты можешь неограниченно распоряжаться им. Вольдемар, я поручаю будущее твоего брата твоему великодушию.

– И это ты говоришь мне только сегодня? Почему я раньше не знал этого? – горячо воскликнул Вольдемар.

– А что бы ты ответил мне, если бы я при первом свидании сделала тебе такое открытие?

Вольдемар опустил глаза; он помнил тот оскорбительный тон, которым спросил мать, что она от него хочет.

– Ты не знаешь меня, – поспешно ответил он. – Несмотря

ни на что, я никогда не допустил бы, чтобы ты искала помощи у других, а не у меня. Да неужели я, владелец Вилицы, допустил бы, чтобы моя мать и брат от кого-нибудь зависели! Ты ошибаешься во мне, мама... подобного недоверия я не заслужил!

– Это недоверие относилось не к тебе, а к тому влиянию, под которым ты находился до сих пор. Я даже не знаю, имеешь ли ты возможность предоставить нам пристанище в твоих владениях.

Этот укол не замедлил произвести свое действие.

– Мне кажется, я достаточно доказал тебе, что в состоянии оградить свою самостоятельность, – отрывисто произнес Нордек. – Скажи, что я должен сделать? Я на все согласен.

– Мы можем принять от тебя помощь лишь в том случае, если она не будет для нас унижительной. Ты – владелец Вилицы; разве не было бы совершенно естественно, если бы твой брат и я приехали к тебе погостить.

Вольдемар опешил. Слово «Вилица» возбудило в нем прежнее недоверие и подозрение; все предостережения опекуна сбывались.

Мать заметила это и мастерски устранила это препятствие.

– Пребывание там желательно мне лишь ввиду близости к Раковицу; я могла бы тогда часто видеться с Вандой.

Близость Раковица и его обитателей! Это решило все. Щеки молодого человека вспыхнули, когда он ответил:

– Распоряжайся как тебе угодно! Я со всем согласен. Я поеду в Вилицу, хотя и ненадолго, но, во всяком случае, провожу тебя.

– Благодарю тебя за себя и за Льва.

Благодарность была, безусловно, искренней, но в ней не было ни малейшей сердечности. Так же холодно Вольдемар ответил:

– Пожалуйста, мама, ты конфузишь меня. Дело решено, и теперь я могу, наконец, отправиться на берег моря.

Он, по-видимому, стремился, во что бы то ни стало избежать дальнейших разговоров, и мать, больше не удерживая его, принялась за начатое письмо.

Оно было только что окончено, и княгиня собиралась запечатать его, как вдруг в комнату вошел Лев с нахмуренным лбом и плотно сжатыми губами.

Мать с удивлением посмотрела на него.

– Что с тобой, Лев? Почему ты один? Разве Вольдемар не нашел тебя и Ванды?

– Нашел! – взволнованно произнес Лев, – он пришел к нам с четверть часа тому назад.

– А где же он теперь?

– Он поехал с Вандой на лодке.

– Ты знаешь, я не люблю этого, – недовольно произнесла княгиня. – Если я доверяю Ванду тебе, так это – совсем другое дело: вы вместе выросли, Вольдемар же ей вовсе не так близок. Отчего же ты не поехал с ними?

– Потому что не желаю вечно изображать лишнего.

– Я уже говорила тебе о том, как смотрю на все твои ревнивые выходки. Ты опять начинаешь?

– Мама, неужели же ты не видишь, что Вольдемар любит твою племянницу, боготворит ее?

– А что делаешь ты? – спросила мать, откидываясь на спинку кресла, – абсолютно то же самое. Не станете же вы требовать, чтобы я серьезно относилась к этим мальчишеским увлечениям. Ты и Вольдемар находитесь как раз в таком возрасте, когда все молодые люди непременно имеют какой-нибудь идеал. Ванда – единственная девушка, которую вы хорошо знаете. К счастью, она еще ребенок и смеется над вами обоими. Твоему брату к тому же вовсе не мешает поучиться ухаживать за дамами, это ему очень полезно.

– Хотелось бы мне, чтобы ты таким тоном поговорила с Вольдемаром, – подавляя раздражение, возразил Лев, – он не стал бы выслушивать это так спокойно, как я.

– Я и от него не стала бы скрывать, что считаю это юношеской глупостью. Если через пять лет ты или Вольдемар будете говорить мне о своей любви к Ванде, тогда я придам значение вашему чувству; теперь же вы свободно можете изображать рыцарей своей двоюродной сестры, конечно, с тем условием, чтобы между вами дело не доходило до ссор.

– До этого уже дошло, – заявил Лев, – у меня вышло очень серьезное столкновение с Вольдемаром, и потому я отказался от поездки. Я вообще не допущу, чтобы он всецело овла-

девал обществом Ванды, не стану терпеть его повелительный тон и постараюсь при первом удобном случае показать ему это.

– Ты этого не сделаешь, – перебила его мать. – Теперь я больше чем когда-либо придаю значение хорошим отношениям между вами, потому что мы с Вольдемаром поедем в Вилицу.

– В Вилицу? И я должен быть там его гостем и, быть может, подчиняться ему? Ни за что! Я не хочу ничем быть обязанным Вольдемару, и если бы даже от этого пострадало все мое будущее, не желаю ничего от него принимать!

Лоб княгини нахмурился, когда она ответила:

– Если ты из-за пустого каприза хочешь погубить все свое будущее, то еще существую я, чтобы не допустить этого; наше пребывание в Вилице необходимо по некоторым высшим соображениям, и я вовсе не намерена допускать, чтобы мои планы были разрушены благодаря твоей ребяческой ревности. Мы поедем в Вилицу, и ты будешь любезен со своим братом... Я требую повиновения, Лев!

Молодой князь хорошо знал этот тон; ему было известно, что в тех случаях, когда мать прибегала к нему, она непременно настаивала на своем.

– Впрочем, я позабочусь о том, чтобы в будущем не было повода к столкновениям, – продолжала она. – Через неделю мы уедем, и когда Ванда будет у отца, вы все равно не будете видеться так часто. Эта прогулка наедине с Вольдемаром

будет последней.

С этими словами она позвонила и приказала вошедшему Павлу отнести письмо. Последнее сообщало графу Моринскому о скором отъезде княгини и подготавливало его к тому, что бывшая владелица Вилицы недолго будет пользоваться его гостеприимством, а в скором времени снова поселится в этом поместье.

Глава 7

Лодка, в которой находились Вольдемар и Ванда, летела на всех парусах; море сегодня было довольно беспокойным, и брызги, высоко взлетая, вихрем обдавали катавшихся, но это, по-видимому, мало их трогало.

– Лев, вероятно, нажалуется на нас тете, – сказала Ванда, которой быстрый ход лодки явно доставлял большое наслаждение, – он ушел совсем разозленный. Но вы были очень нелюбезны с ним, Вольдемар.

– Я никому не позволю управлять рулем, когда нахожусь в лодке, – властно проговорил молодой человек.

– А если бы за руль захотела сестра я?

Вольдемар, ни слова не говоря, встал, уступая Ванде свое место у руля; девушка расхохоталась.

– Я только так спросила; катание не доставит мне ни малейшего удовольствия, если мне придется все время следить за рулем.

Вольдемар снова молча взялся за управление лодкой.

– Куда мы, собственно, направляемся? – после некоторого молчания спросила Ванда.

– К Буковому полуострову; ведь так было условлено.

– Не будет ли это слишком далеко?

– Дует попутный ветер, так что мы через полчаса будем там. Вы ведь хотели оттуда посмотреть на солнечный закат.

Ванда больше не противоречила, хотя нею овладело какое-то неопределенное жуткое предчувствие. Она впервые оказалась наедине с Вольдемаром. Несмотря на свою молодость, графиня, давно угадала, что именно привлекало молодого Нордека в Ц... Он не умел притворяться, и его глаза говорили красноречивее всяких слов. Ей льстило его безмолвное обожание, и ее забавляло, что это поклонение страшно злило Льва; тем не менее, Вольдемар не нравился ей, и она находила его нелюбезным и скучным.

Когда лодка подошла к берегу возле Букового полуострова, Ванда, не дожидаясь помощи своего спутника, выпрыгнула на мягкий белый песок и, сняв шляпу, опустилась на большой, поросший мхом, камень. Молодая девушка была прелестна в своем легком белом платье, украшенном в знак траура по князю Баратовскому черными бантами.

Вольдемар, разместившийся возле нее на гигантских корнях развесистого бука, был, очевидно, того же мнения; он не сводил с нее глаз, не произносил ни слова и как бы пробудился ото сна, когда Ванда обратилась к нему со словами:

– Посмотрите, какое красивое освещение! Море как будто горит с той стороны.

Вольдемар равнодушно посмотрел в указанном направлении.

– Да ведь там погрузилась в воду Винета.

– Что погрузилось в воду? – быстро оборачиваясь, переспросила молодая девушка.

– Винета... Разве вы ничего не слышали об этом? Это – здешняя легенда; я думал, вы знаете ее.

– Нет. Расскажите!

– Я плохой рассказчик, – ответил Вольдемар, – спросите наших рыбаков, они расскажут вам лучше и подробнее, чем я.

– Но я хочу слышать это из ваших уст, – настаивала Ванда, – а потому рассказывайте!

На лбу Вольдемара появились складки; приказание звучало очень повелительно.

– Вы этого хотите? – довольно резко повторил он. Ванда прекрасно видела, что ее тон был ему неприятен, но не менее столь же решительно повторила:

– Да, хочу!

Складки на лбу молодого человека стали еще глубже. Снова наступило одно из тех мгновений, когда он упорно противился чарам, опутывавшим его, но тут его взгляд встретился с темными глазами, которые, казалось, превращали это приказание в просьбу; все его сопротивление улетучилось, морщины на лбу разгладились, и он улыбнулся.

– Ну, хорошо, я расскажу кратко и сухо, как умею. Винета была, по преданию, древней крепостью, столицей народа, владевшего морем и берегами; со всех стран света в нее стекались несметные сокровища, и по роскоши и богатству с ней не мог сравниться ни один город. Однако высокомерие и грехи жителей Винеты навлекли на нее гнев Божий, и она

была поглощена морем. Наши рыбаки уверяют, что в том месте, где берег отступает так далеко, Винета в неприкосновенности покоится на морском дне и что под водой видны купола и башни и слышен колокольный звон. По преданию, иногда город снова поднимается из морской глубин и избранные могут его видеть...

– Какая красивая легенда! – перебила его Ванда, – вы не находите?

– Не знаю, я никогда об этом не думал.

– Да ведь вы вовсе не понимаете поэзии! – с отчаянием воскликнула молодая девушка, – это ужасно!

Нордек был совершенно подавлен.

– Вы, действительно, находите это таким ужасным? Но меня никто никогда не учил понимать поэзию. В доме моего дяди эта область совершенно неизвестна, а мои учителя преподавали мне только сухие научные предметы... я только теперь начинаю понимать, что на свете существует поэзия.

Последние слова были произнесены Вольдемаром почти мечтательно, он откинул волосы, низко спадавшие ему на лоб, и прислонился к стволу бука. Ванда при этом заметила, что этот высокий лоб, обычно скрытый «львиной гривой», замечательно облагораживал некрасивое лицо молодого Нордека. На левом виске ясно выделялась очень своеобразная синяя жилка, которой молодая графиня также никогда не замечала раньше.

– Знаете, Вольдемар, какое я только что сделала откры-

тие? – кокетливо спросила она.

– Ну-с? – спросил он, не меняя положения.

– У вас точно такая же синяя жилка на виске, как у тети.

– Неужели? В таком случае это единственное, что у меня есть от матери.

– Да у вас нет ни малейшего сходства с ней, – простодушно ответила Ванда, – а Лев – вылитый ее портрет.

– Лев! – с ударением произнес Вольдемар, – так то – Лев!

Это совсем другое дело.

– Почему? Разве младший брат должен иметь какие-нибудь преимущества?

– Почему бы и нет? Он уже имеет то преимущество, что пользуется любовью матери. Я думаю, этого вполне достаточно.

– Вольдемар! – укоризненно воскликнула молодая графиня.

– Разве для вас это ново? – мрачно спросил он. – Я думал, ни для кого не является тайной, какие у меня отношения с матерью; она принуждает себя быть любезной со мной, но не может преодолеть внутреннюю неприязнь ко мне, как и я тоже; значит, нам обоим решительно не в чем упрекать себя.

Ванда молчала; подобный оборот разговора был ей очень неприятен. Но Вольдемар, не замечая этого, продолжал:

– Княгиня Баратовская и я всегда будем чужими друг другу. Вы себе представить не можете, Ванда, чего мне стоит переступить порог этого дома! Это настоящая пытка, и я нико-

гда не думал, что буду в состоянии так терпеливо выносить ее.

– Но зачем же вы это делаете? – неосторожно воскликнула Ванда, – ведь вас же никто не заставляет!

Нордек посмотрел на нее. Ответ так ясно выразался в его глазах, что молодая девушка вспыхнула до корней волос.

– Вы несправедливы к тете, – поспешно ответила она, чтобы скрыть свое смущение. – Она, несомненно, должна любить своего сына.

– О, конечно! Я уверен, что она очень любит Льва, но с какой стати она станет любить меня, а я – ее? С первых лет жизни я лишился отца и матери и воспитывался в чужом доме. Дядя был добр ко мне и по-своему любит меня, но не мог предоставить мне другую жизнь, кроме той, которую вел сам; в том возрасте, когда другие дети учатся любить, мне внушали недоверие и подозрение, от которых я до сих пор не могу отделаться. А вы, Ванда, еще хотите, чтобы я понимал поэзию!

Последние слова прозвучали горьким упреком, а за ними скрывалась глухая жалоба. Ванда широко открытыми глазами смотрела на спутника, которого сегодня совершенно не узнавала, она впервые подумала о том, какое безотрадное было у Вольдемара детство, и как одинок был этот молодой наследник, о богатстве которого она так много слышала.

– Ведь вы хотели посмотреть на закат солнца! – произнес Вольдемар совершенно другим тоном, вдруг оборвав свою

речь и подымаясь с места. — Кажется, сегодня он великолепен.

Облака, собравшиеся на горизонте, были уже залиты пурпурным сиянием, и солнце погружалось в море, которое изумительно сверкало, как бы принимая последний привет заходящего светила. Потоки света и блеска разливались по волнам, но там, в другой стороне, где находилась Винета, они горели темно-алым сиянием; в их извилинах как бы сверкало жидкое золото, а на них плясали тысячи ярких искр.

В старых легендах все-таки заключается нечто отличающее их от простых суеверий, и можно быть современным человеком и все же переживать такие часы, когда оживают все эти сказки.

Эти легенды ведь созданы людьми, и их вечные загадки до наших дней покоятся в их сердцах.

Конечно, не каждому открывается это строго замкнутое теперь сказочное царство, но молодые люди, сидевшие на Буковом полуострове, вероятно, принадлежали к избранным, так как явственно ощущали чары, которые незаметно, но властно опутывали их, и ни тот, ни другая не имели силы и мужества бороться с ними.

Над их головами шелестели буки, а у их ног еще сильнее шумело море. Волна за волной катилась к берегу; белая пена на их гребнях на мгновение вздымалась, чтобы сейчас же разбиться о берег. Это была старая мелодия моря, тот напев, сотканный из воя ветра и шума волн, который своей вечной

юностью пленяет все сердца. Он говорят о мечтательной, залитой солнцем морской тиши, о вестниках бури, со всеми ее ужасами и бедами, о вечном волнении и жизни, и каждая волна доносит свой собственный звук к берегу, а каждое даже малейшее дуновение ветра созвучно ему.

Вольдемар и его юная спутница, вероятно, понимали этот язык, потому что прислушивались к нему молча, затаив дыхание. Из глубины моря до них доносились звуки колоколов, проникавшие в их сердца, вызывая печаль и тоску, но вместе с тем и предчувствие бесконечного счастья! Над волнами же поднимался яркий призрак; он витал над морем, расплываясь в лучах солнца, сверкающий и ясный; это был целый мир неведомых, неисчерпаемых сокровищ, залитых дивным волшебным светом, старый чудесный город Винета.

Раскаленный шар солнца теперь как бы уже коснулся своим лучистым краем волн; погружаясь все глубже и глубже, он исчезал из глаз, на горизонте в последний раз вспыхнуло его сияние, а после этого все медленно исчезло, и даже темно-красный отблеск, лежавший на воде, начал постепенно бледнеть.

Ванда и Вольдемар, как очарованные, затаив дыхание, молча любовались этим зрелищем.

– Солнце зашло, – тихо проговорила молодая девушка, проводя рукой по лбу, – пора возвращаться.

– Возвращаться? – как во сне повторил Вольдемар, – уже? Молодая девушка быстро встала, как бы желая отделаться

от какого-то пугавшего ее ощущения.

– Уже скоро начнет темнеть, а мы непременно должны быть в Ц. до наступления сумерек, иначе тетя ни за что не простит нам этой самовольной прогулки.

– В ответе буду я, но если вы желаете, вернуться...

– Я прошу об этом.

Молодой человек пошел к лодке, но вдруг остановился.

– Вы скоро уедете, Ванда, через несколько дней? Да?

Этот вопрос был произнесен очень взволнованным тоном.

Молодая графиня, очевидно, подметила это, и в ее голосе тоже не было обычной непринужденности, когда она ответила:

– Да, я скоро должна уехать к отцу; он очень соскучился по мне.

– Моя мать и Лев поедут в Вилицу... – Вольдемар запнулся, – был разговор о том, чтобы я их сопровождал... могу ли я сделать это?

– Почему вы спрашиваете об этом меня? – спросила Ванда с несвойственным ей смущением, – ведь это зависит только от вас!..

– Я спрашиваю вас, Ванда, вас одну, можно ли мне приехать в Вилицу?

– Да, – вырвалось у Ванды, но в следующую же минуту она испугалась, так как Вольдемар порывисто схватил ее за руку.

Графиня чувствовала, какое значение он придает этому «да», и это буквально ошеломило ее. Ею вдруг овладел страх. Заметив ее испуг, Вольдемар тихо спросил:

– Я опять был слишком нетерпелив? Вы не должны сегодня сердиться на меня; я не мог перенести мысль о вашем отъезде. Теперь я знаю, что могу снова видиться с вами, и буду терпеливо ждать того времени, когда мы будем в Вилице.

Ванда ничего не ответила. Молодые люди молча направились к лодке. Вольдемар свернул паруса, взялся за весла, и маленькое суденышко стрелой помчалось по волнам, озаренным слабым розовым отблеском.

Глава 8

Выполнение дипломатической миссии, для которой Витольд избрал доктора Фабиана, было вовсе не таким простым. Для того, чтобы иметь возможность узнать, что, собственно, делается в Ц., доктор, конечно, должен был попасть в дом княгини Баратовской, а это могло произойти только при содействии Вольдемара. Витольд ломал себе голову над тем, как бы изложить все дело своему упрямому воспитаннику, чтобы с первых же слов не наткнуться на решительное «нет». Но тут ему совершенно неожиданно помог случай. Княгиня выразила желание лично познакомиться с воспитателем сына. Витольд обеими руками ухватился за эту возможность, и впервые в жизни нашел желание княгини Ядвиги разумным. Он тотчас же напомнил Фабиану его обещание. Последний, все еще надеявшийся, что вся эта затея рухнет благодаря сопротивлению его воспитанника, должен был согласиться на следующий же день отправиться с Вольдемаром в Ц.

Приехав к Баратовским, они застали в гостиной только Ванду, и Фабиан представился ей, правда, очень смущенно, но все же вполне сносно. Молодая графиня, заметив его робость, не могла устоять, чтобы не подтрунить над ним.

– Значит, вы – наставник моего кузена Вольдемара. Выражаю вам свое полное сочувствие и от всей души жалею вас.

Фабиан испуганно посмотрел на нее, потом на Вольдемара, но последний, по-видимому, ничего не слышал, так как на его лице не было заметно ни малейших следов негодования.

– То есть... как это? – пробормотал доктор.

– Я думаю, очень нелегкая задача воспитывать господина Нордека, – спокойно продолжала Ванда, от души потешавшаяся над смущением, вызванным ее словами.

Фабиан со страхом посмотрел на Вольдемара; он знал, что тот не терпит никаких подтруниваний, но молодой человек, к его удивлению, совершенно спокойно опирался рукой на кресло графини Моринской, и на его губах даже мелькнула улыбка, когда он нагнулся к ней и спросил:

– Вы думаете, что я так несносен?

– Конечно! – объявила Ванда, – ведь не далее как третьего дня во время спора из-за руля я имела удовольствие видеть, как вы злитесь.

– Но ведь не на вас! – с упреком произнес Вольдемар.

Фабиан выпустил из рук шляпу. Что за тон раздался из уст его необузданного воспитанника и что означал взгляд, который сопровождал его? Перед глазами бедного Фабиана все завертелось. Несмотря на свою полную неопытность в любовных делах, он начал понимать, «в чем тут, собственно, дело». Так вот почему Вольдемар так быстро примирился с матерью, вот почему он в любую погоду мчался в Ц., и вот где таилась причина его перемены. Витольда, несомненно,

хватит удар, когда он узнает всю эту историю. «Дипломатическая миссия», правда, была выполнена в первые же полчаса, но ее результат нагнал такой смертельный ужас на «дипломата», что он забыл все на свете и, вероятно, выдал бы себя, если бы в эту минуту не вошла княгиня Баратовская.

У княгини было немало причин познакомиться с воспитателем сына, который должен был сопровождать его при поездке в университет. Понятно, в течение первых же десяти минут она убедилась в том, что со стороны безобидного Фабиана нечего опасаться какой-либо враждебности и что даже наоборот он может пригодиться ей, сам того не подозревая. Вследствие этого она снисходительно удостоила его своей милостивой благосклонности и вполне одобрила то смирение, с которым он отнесся к этому снисхождению; его робость и смущение в ее присутствии она нашла вполне естественными и соблаговолила вступить с ним в продолжительную беседу.

С появлением матери Вольдемар снова, как обычно, замолчал. Он почти не принимал участия в общем разговоре и сказал княгине лишь несколько слов. Она тотчас же встала и вышла с ним на балкон.

– Ты хотел поговорить со мной наедине? – спросила она.

– Да! Я хотел сказать тебе, что не имею возможности проводить тебя и Льва в Вилицу, как было условлено.

– Почему? Возникли какие-то препятствия?

– Да, – с недовольством ответил Вольдемар. – Выясни-

лось, что для утверждения моего совершеннолетия нужно выполнить еще некоторые формальности, требующие моего присутствия. Ни дядя Витольд, ни я до сих пор не подумали об этом. Мне придется остаться на некоторое время.

– В таком случае мы тоже отложим свой отъезд, – сказала княгиня, – но я должна буду отправить Ванду в Раковиц одну.

– Ни в коем случае, – решительно заявил Вольдемар, – я уже написал в Вилицу, что ты приедешь на будущей неделе и чтобы в замке были сделаны необходимые приготовления.

– А ты?

– Я приеду, как только буду свободен. Во всяком случае, до отъезда в университет я пробуду с вами несколько недель.

– Еще один вопрос, – серьезно спросила княгиня, – твоему бывшему опекуну известно это решение?

– Нет. Я говорил только о своем пребывании в Вилице.

– Значит, тебе придется отвечать перед ним за наше пребывание там?

– Я беру это на себя, – коротко произнес Вольдемар. – Впрочем, я сообщил управляющему, чтобы он до моего приезда был всецело в твоём распоряжении; все твои приказания будут исполняться беспрекословно.

– Значит, мы можем наверняка ожидать тебя? – спросила княгиня. – Что касается Льва...

– Он все еще дуется на меня из-за нашей ссоры, – перебил ее Вольдемар, – он очень демонстративно ушел к морю,

чтобы не встречаться со мной.

Княгиня нахмурилась; Лев получил приказание приветливо относиться к брату и, тем не менее, выказывал строптивость, которая теперь была вовсе некстати.

– Лев очень вспыльчив и неблагоприятен, – ответила она, – я позабочусь о том, чтобы он первый протянул тебе руку примирения.

– Не надо, – холодно отклонил Вольдемар, – лучше мы сами решим этот вопрос, не беспокойся!

Они снова вошли в гостиную, где Ванда тем временем конфузила Фабиана. Княгиня выручила его и, желая подробно обсудить план занятий своего сына, увела доктора в свою комнату.

– Бедный доктор, – сказала Ванда, глядя ему вслед, – мне кажется, Вольдемар, что вы в данном случае полностью поменялись ролями. Вы не питаете никакого почтения к вашему учителю, тогда как он очень боится вас.

Вольдемар не стал оспаривать это справедливое замечание, а только ответил:

– Вы находите, что доктор Фабиан представляет собой такую личность, которая может внушить почтение?

– Нет, но он, кажется, очень добродушен и терпелив...

Молодой человек сделал презрительную гримасу.

– Может быть, но это такие черты, которые я совершенно не умею ценить.

– Вас надо тиранить, для того чтобы внушить почтение? –

с лукавым взглядом спросила Ванда.

Вольдемар придвинул кресло и опустился рядом с ней.

– Это зависит от того, кто будет тиранить. В Альтенгофе я никому, даже дяде Витольду, не советовал бы пробовать, да и здесь допущу это только с одной стороны.

– Не знаю, – ответила Ванда, – я не хотела бы и пробовать.

Вольдемар ничего не ответил; по-видимому, он был занят совершенно другими мыслями.

– Разве третьего дня вы не нашли, что на Буковом полуострове было прекрасно? – вдруг спросил он.

Девушка слегка покраснела, но ответила прежним шаловливым тоном:

– Я нахожу, что это место, несмотря на красоту, таит в себе что-то жуткое. Что же касается вашей легенды, то я не стану больше слушать ее при заходе солнца, а то, пожалуй, начнешь верить в эти старые сказки.

– Да, – тихо ответил Вольдемар, – вы упрекали меня в том, что я не мог понять поэзию в этой легенде... теперь я тоже научился понимать ее.

Ванда молчала. Она снова боролась с тем смущением, которое было знакомо ей лишь с третьего дня.

Вольдемар тщетно ожидал ответа; ее молчание причиняло ему страдание, а потому он снова заговорил:

– Я только что сообщил матери, что не могу немедленно поехать в Вилицу; я приеду только через три-четыре недели.

– Ведь это очень небольшой срок, – проговорила Ванда.

– Небольшой? Да? Это целая вечность! Вы, вероятно, понятия не имеете о том, чего мне стоит остаться здесь, тогда, как вы уедете! Я обещал вам подождать, пока мы будем в Виллице, но теперь пройдет, может быть, месяц, пока мы снова увидимся. До тех пор я не могу молчать, я не буду в силах вынести то, что вы все время будете находиться в обществе Льва, не будучи уверен, что вы принадлежите мне, только одному мне.

Это признание вырвалось у Нордека так неожиданно и так страстно, что молодая графиня не успела предупредить его. Он схватил ее руку и держал так же крепко, как тогда, на Буковом полуострове.

– Вы давно должны были знать, Ванда, что влекло меня сюда, и вы не отталкивали меня, значит, я могу, наконец, высказаться. Я знаю, что у меня нет данных, чтобы вам нравиться, и что я не такой, как другие, но я приобрету все это. Ведь только ради вас я решил поступить в университет. Ванда, я был одинок в детстве, вы знаете, что у меня не было матери, мне не хватало любви и ласки. Я не мог стать таким как Лев, но любить я могу, быть может, еще горячее, еще лучше, чем он! Вы единственное существо, которое я любил в своей жизни... одно ваше слово заставит меня забыть все мое безотрадное прошлое. Скажи мне это слово, Ванда, дай мне, по крайней мере, надежду, что я когда-нибудь услышу его, но не говори «нет», потому что я этого не перенесу.

Вольдемар опустил на колени, но молодая графиня и не

думало теперь радоваться этому триумфу, которого так желала в своем детском легкомыслии. Она мысленно осыпала себя упреками, и в ее душе невольно возник вопрос: «Что я наделала!».

– Встаньте, Вольдемар! – дрожащим от испуга голосом проговорила она, – прошу вас.

– Только тогда, когда я услышу из твоих уст «да».

– Я не могу... не теперь... встаньте!

Однако Нордек не вставал. В эту минуту дверь из столовой открылась, и вошел Лев; в течение нескольких секунд он стоял как вкопанный, но затем у него вырвалось восклицание:

– А, так все-таки!

Вольдемар вскочил; его глаза сверкали от ярости.

– Что тебе здесь надо? – крикнул он брату.

Лев был бледен от внутреннего волнения, но тон, которым был произнесен вопрос, заставил его вспыхнуть. Он быстрыми шагами подошел к Вольдемару и с горящими глазами произнес:

– Ты, кажется, находишь мое присутствие здесь лишним? А между тем я мог бы объяснить тебе только что происшедшую сцену!..

– Лев, замолчи! – полупросительным, полуповелительным тоном воскликнула Ванда.

Однако ревность заставила молодого князя забыть все.

– Я не стану молчать, – возразил он, – я дал слово ничего

не говорить до окончания пари, теперь же собственными глазами видел, чем оно кончилось, Сколько раз я просил тебя оставить эту игру, ты знала, что она мне неприятна! Неужели же я должен теперь допустить, чтобы Вольдемар с триумфом указал мне на дверь? Тебе удалось довести его до того, что он встал перед тобой на колени, но пусть же он узнает правду!

Вольдемар при слове «пари» сильно вздрогнул, но все же остался неподвижно стоять, судорожно ухватившись за спинку кресла. Его глаза со своеобразным выражением были устремлены на молодую графиню, и он совершенно упавшим голосом произнес:

– Что... что это значит?

Ванда виновато опустила голову. Лев также почувствовал, что зашел слишком далеко.

– Что это значит? – повторил Вольдемар, подходя вплотную к молодой девушке, – Лев говорит о каком-то пари, об игре. Отвечайте мне, Ванда! Я верю вам, только вам одной... скажите мне, что все это ложь.

– Значит, по-твоему, я лжец? – вспыхнул Лев.

Брат не слушал его; молчание молодой графини говорило ему достаточно; он не нуждался больше в подтверждении. С этим открытием чары разрушились, и снова пробудились вся необузданность и дикость его натуры.

– Я хочу получить ответ! – с яростью крикнул он. – Значит, я, действительно, был только игрушкой, которой вы забавлялись ради каприза? Вы смеялись и издевались надо

мною, тогда как я... вы ответите, мне, Ванда, сейчас же ответите.

Он не окончил, но в его тоне и взгляде выражалась такая угроза, что Лев подошел к Ванде, чтобы защитить ее.

Однако ярость Вольдемара вернула ей самообладание.

– Я не допущу, чтобы мне делали выговор в таком тоне, – заявила она.

Звук ее голоса, видимо, заставил молодого Нордека опомниться; его кулаки разжались, но он так плотно сжал губы, словно они не должны были произносить больше ни одного слова. Его грудь тяжело вздымалась от того ужасного усилия, которое он приложил, чтобы подавить свой гнев. Вольдемар покачнулся и ухватился за кресло.

– Что с тобой, Вольдемар? – спросил пораженный Лев. – Если бы я знал, что это так подействует на тебя, то молчал бы.

Вольдемар выпрямился, молча отстранил брата и повернулся, чтобы уйти, вся краска сбежала с его лица.

В эту минуту в комнату вошла княгиня в сопровождении Фабиана. Громкие голоса, доносившиеся до ее комнаты, возвестили ей, что в гостиной творится что-то необычайное. Однако в первую минуту ее появление не было замечено. Тонном ребенка, осознавшего свою вину, Ванда крикнула вслед уходившему Нордеку:

– Вольдемар!

– Вы желаете еще что-то сказать мне, графиня?

Ванда вздрогнула; этот тон ледяного презрения впервые коснулся ее слуха, и яркая краска, залившая ее шею, доказывала, как глубоко он задел ее. Однако в тот же момент княгиня заступила дорогу своему сыну, спрашивая:

– Что случилось? Куда ты идешь, Вольдемар?

– Прочь отсюда, – глухо ответил тот, не поднимая глаз.

– Объясни же мне...

– Не могу. Пусти меня, я не могу оставаться, – и, отстранив мать, Вольдемар выбежал из комнаты.

– В таком случае я буду вынуждена обратиться к вам за объяснением, – обратилась княгиня к остальным. – Оставайтесь, господин Фабиан, – продолжала она, когда доктор, испуганно стоявший все это время у дверей, собрался последовать за своим воспитанником. – Несомненно, здесь произошло какое-то недоразумение, и я попрошу вас объяснить его моему сыну. Что случилось? Я хочу это знать.

Ванда вместо ответа бросилась на диван и залилась горькими слезами. Лев подошел к матери и вполголоса стал рассказывать ей о случившемся. При каждом его слове лицо княгини становилось все мрачнее, и ей стоило большого труда сохранить внешнее спокойствие, когда она, наконец, обратилась к Фабиану и проговорила:

– Как я и предполагала, простое недоразумение и больше ничего! Подтрунивание моей племянницы и младшего сына дало Вольдемару повод почувствовать себя оскорбленным. Прошу вас сказать ему, что я очень сожалею об этом и ожи-

даю от него, что он не придаст значения глупости этих детей.

Последние слова она произнесла с особым ударением.

– Я думаю, мне следовало бы отыскать своего воспитанника, – отважился заметить Фабиан.

– Конечно, сделайте это, – согласилась княгиня, которой очень хотелось теперь удалить этого нежелательного свидетеля семейной сцены. – До свиданья! Я твердо рассчитываю, что вы скоро опять приедете к нам в сопровождении Вольдемара.

Она очень милостиво произнесла последние слова и с улыбкой отпустила доктора, но как только дверь за ним закрылась, быстро подошла к Ванде и Льву; ее лицо предвещало страшную бурю.

Фабиан тем временем узнал от Павла, что молодой господин Нордек вскочил на коня и умчался; поэтому ему ничего не оставалось, как тоже отправиться в Альтенгоф. Однако тут он узнал, что Вольдемар еще не вернулся. Фабиан начал беспокоиться – конец сцены, которую он видел, поведение Вольдемара и выражение его лица дали ему повод заподозрить что-то неладное. Прошел весь день, а молодой человек не возвращался. Фабиан был очень рад отсутствию хозяина дома, уехавшего в ближайший город, так что можно было пока избежать расспросов.

Наступил вечер, но ни управляющий, ездивший в лес, ни работники, возвратившиеся с поля, нигде не видели молодого барина. Тревога заставила Фабиана выйти из дому; он

направился по дороге, ведущей в Альтенгоф. На некотором расстоянии от нее находился широкий ров, на дне которого торчали большие острые камни. С моста, перекинутого через него, открывался вид на окрестные поля. Фабиан в отчаянии стал на мосту, не зная, что делать, как вдруг вдали увидел всадника, скакавшего во весь опор. Доктор облегченно вздохнул и, обрадованный тем, что его опасения оказались напрасными, пошел вдоль рва навстречу приближавшемуся Вольдемару.

– Слава Богу, что вы приехали! – воскликнул он, – я так беспокоился за вас!

Вольдемар, увидев своего учителя, задержал лошадь.

– Почему? – холодно спросил он, – разве я ребенок, что с меня нельзя спускать глаз?

Несмотря на деланное спокойствие, в его голосе прозвучало что-то такое, что снова возбудило улегшуюся, было тревогу доктора. Он увидел, что несчастная лошадь вся в пене, но всадник не выказывал никаких признаков утомления и, вместо того, чтобы направиться к мосту, собирался перескочить через ров.

– Ради Бога! – воскликнул Фабиан, – вы не станете делать подобного безумия! Вы ведь знаете, что Норман никогда не брал этого рва.

– Ну, так он возьмет его сегодня! – заявил Вольдемар, всаживая шпоры в бока коня.

Норман взвился на дыбы и бросился в сторону, вероятно,

почувствовав, что у него не хватит сил перескочить ров.

– Послушайте! – стал просить Фабиан, подходя ближе, несмотря на свой страх перед конем. – Вы хотите добиться невозможного! Вы ведь разобьете себе голову о камни на дне рва.

Вместо ответа Вольдемар снова пришпорил своего Нормана.

– Уйдите с дороги! – крикнул он, – я хочу перескочить ров... говорю вам, прочь с дороги!

Дикий, сдавленный голос выдал Фабиану душевное состояние молодого человека, и он, обычно робкий, под влиянием страха схватил коня за узду. Но в эту минуту на упрямое животное обрушился сильнейший удар хлыста; конь встал на дыбы и стал бить передними ногами. Одновременно с этим до слуха всадника долетел слабый крик; он поспешно отдернул коня, но было слишком поздно. Фабиан уже лежал на земле, и Вольдемар, соскочив с лошади, увидел своего наставника, залитого кровью и распростертого без всяких признаков жизни.

Глава 9

Обитатели Альтенгофа прожили неделю, полную забот и треволнений. Витольд, вернувшись в тот вечер домой, застал весь дом в большом волнении. Фабиан, все еще не приходя в сознание, окровавленный, лежал в своей комнате, тогда как Вольдемар, с лицом, испугавшим его приемного отца еще больше, чем вид раненого, старался остановить кровотечение. Молодой человек то и дело твердил Витольду, что виноват во всем он. Приехавший вскоре врач признал рану на голове больного, причиненную, вероятно, копытом, очень серьезной. Сильная потеря крови и слабое телосложение раненого заставляли опасаться самого худшего. Витольд, не знавший, что такое болезнь, уверял, что ни за какие сокровища мира не согласится больше переживать такие дни. И только сегодня, когда он сидел у постели больного, его лицо впервые имело свое обычное добродушное и беззаботное выражение.

– Ну, самое худшее, значит, мы, слава Богу, пережили, – сказал он. – А теперь, доктор, сделайте мне одолжение и приведите Вольдемара в чувство, – и он указал на своего приемного сына, смотревшего в окно. – Теперь вы можете вертеть им как угодно, а то молодчик совсем зачахнет у меня от всей этой несчастной истории.

У Фабиана был еще очень болезненный вид, а на его лбу виднелась широкая белая повязка, тем не менее, он уже си-

дел на постели; он спросил довольно твердым голосом:

– Что же должен сделать Вольдемар?

– Быть благоразумным, – произнес Витольд с сердцем, – и благодарить Бога, что все окончилось благополучно; он ведь так изводится, как будто у него на совести действительно лежит убийство. Я не могу больше видеть, как он целыми днями ходит с таким лицом и часами не говорит ни слова.

– Да ведь я не раз уверял Вольдемара, что во всем виноват сам; я был так неосторожен, что схватил лошадь под уздцы, и она меня опрокинула.

– Вы схватили Нормана под уздцы? – вне себя от изумления воскликнул Витольд, – вы, обходивший каждую лошадь десятой дорогой и никогда, не решавшийся даже приблизиться к этому дикому животному! Как это вам пришло в голову?

Фабиан посмотрел на своего воспитанника и кротко ответил:

– Я боялся несчастья.

– Которое, без сомнения, и случилось бы, – dokonчил Витольд. – Вольдемар в тот вечер был, вероятно, не в своем уме; скакать через ров в том месте на загнанной до полусмерти лошади, да еще в сумерки! Так вот, отчитайте его хорошенько; вам теперь разрешено говорить, а вас он послушается.

С этими словами он встал и вышел из комнаты.

Оставшиеся несколько минут молчали, затем Фабиан спросил:

– Вы слышали, Вольдемар, что мне поручено?

Молодой человек, до тех пор молча и безучастно стоявший у окна, повернулся и, подойдя к постели, произнес:

– Не слушайте дяди, со мной ровно ничего не случилось.

Доктор Фабиан взял за руку своего воспитанника.

– Господин Витольд думает, что вы все еще упрекаете себя за происшедшее несчастье; но теперь, когда опасность миновала, этого не может быть; я боюсь, что тут кроется что-то другое. До сих пор я не решался коснуться этого вопроса; я вижу, что он и теперь причиняет вам боль. Может быть, мне лучше замолчать?

Из груди Вольдемара вырвался глубокий вздох.

– Нет, я и без того должен поблагодарить вас за то, что вы скрыли от дяди правду. Он до смерти замучил бы меня своими вопросами. Мое душевное состояние в тот вечер чуть не стоило вам жизни. Перед вами я не буду отрицать того, что вы и так уже знаете.

– Я ничего не знаю и могу только строить предположения на основании той сцены, которую видел. Скажите ради Бога, что тогда произошло.

– Ребячество! – с горечью произнес Вольдемар, – глупость, которая вовсе не стоит того, чтобы к ней относились серьезно; так, по крайней мере, третьего дня написала мне моя мать. Но я отнесся к этой «глупости» так серьезно, что она стоила мне нескольких лет жизни, быть может, самых лучших.

– Вы любите графиню Моринскую? – тихо спросил Фабиан.

– Я любил ее; это прошло. Теперь я знаю, что она вела со мной низкую игру. Я покончил с ней и со своей любовью.

Фабиан покачал головой, тогда как его тревожный взгляд был обращен на лицо молодого человека.

– Покончили? Вы еще далеко не покончили. Разве я не вижу, как тяжело вы страдаете до сих пор?

– Все пройдет. Если я это перенес, то сумею и окончательно побороть. Еще одна просьба: не говорите об этом ничего ни с дядей, ни со мной. Я поборю эту слабость, но говорить об этом не могу, даже с вами. Дайте мне одному справиться.

Дрожащие губы Вольдемара выдавали, какое мучение доставляло ему прикосновение к этой ране.

– Я буду молчать, – ответил Фабиан, – в будущем вы больше никогда не услышите об этом ни слова.

– В будущем? – повторил Вольдемар, – разве вы хотите остаться у меня? Я предполагал, что вы покинете нас сразу после выздоровления. Неужели вы согласитесь и дальше терпеть возле себя ученика, так зло отплатившего вам за все ваши заботы о нем?

– Да разве я не знаю, что вы перенесли у моей постели больше, чем я сам? Моя болезнь одно хорошее все-таки принесла с собой: я приобрел убеждение, которого, простите, раньше не имел. Теперь я знаю, что у вас есть сердце.

Вольдемар, казалось, совершенно не слышал последних

слов и мрачно смотрел перед собой.

– В одном дядя прав, – вдруг сказал он, – каким образом вы, именно вы решились схватить Нормана под уздцы?

– Страх за вас сделал меня храбрым... я знал, что вы искали смерти, что вы желали этого падения, знал, что оно будет для вас смертельным, если не удержу вас насильно. Тут я забыл о своей обычной робости и схватил лошадь под уздцы.

Вольдемар с изумлением смотрел на говорившего.

– Значит, это был не несчастный случай, не простая неосторожность с вашей стороны? Вы знали об опасности, которой подвергались? Разве моя жизнь имеет для вас какое-нибудь значение? Мне кажется, до меня никому нет дела!

– Никому? А вашему приемному отцу?

– Дяде? Может быть, но он – единственный.

– Кажется, я доказал вам, что он не единственный, – с легким упреком произнес Фабиан.

– А я вовсе не заслужил этого. Но поверьте мне, я получил урок, которого не забуду всю жизнь. Вам не придется больше жаловаться на меня.

Их разговор был нарушен приходом Витольда.

– А вот и я опять! – произнес он входя. – Вольдемар, тебе придется спуститься; приехал молодой князь Баратовский.

– Лев? – с удивлением спросил Вольдемар.

– Да, он хочет видеть тебя; я, конечно, буду там лишним и лучше посижу с доктором.

Молодой человек вышел из комнаты, тогда как Витольд снова занял свое прежнее место у постели больного.

При входе в угловую комнату Вольдемар застал там брата, ожидавшего его. Лев пошел ему навстречу и проговорил поспешно, как бы желая отделаться от неприятной необходимости:

– Мое посещение удивляет тебя, но ты уже целую неделю не был у нас и даже не ответил на мамино письмо; мне не оставалось ничего другого как приехать к тебе.

Нетрудно было заметить, что молодой человек при этом посещении действовал не по собственному побуждению. Его поклон и все манеры носили вынужденный характер.

– Ты пришел по приказанию мамы? – спросил Вольдемар. Лев покраснел; ему было хорошо известно, какую борьбу пришлось выдержать княгине, прежде чем она добилась этого визита.

– Да, – наконец ответил он.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось совершить поступок, который ты, конечно, считаешь унижительным для себя. Если бы я знал это, то избавил бы тебя от него.

Лев с изумлением посмотрел на брата; тон Вольдемара был для него новостью. Наконец он произнес:

– Мама находит, что тебя оскорбили в нашем доме, а потому я должен сделать первый шаг к примирению. Я убедился в том, что она права. Надеюсь, ты веришь, что без такого убеждения я не сделал бы этого шага.

– Я верю тебе, – последовал короткий, но решительный ответ.

– Ну, в таком случае не осложняй мне моего извинения! – воскликнул Лев, протягивая руку, но брат отстранил ее.

– Я не могу принять твое извинение. Ни твоя мать, ни ты не виноваты в оскорблении, которое было нанесено мне в вашем доме; оно уже забыто, не будем говорить о нем.

Изумление Льва возрастало с каждой минутой; он никак не ожидал подобного холодного спокойствия, так как сам был свидетелем ужасного волнения Вольдемара; а ведь с того дня прошла всего неделя. Поэтому он произнес с неприговорным изумлением:

– Я не думал, что ты так скоро забудешь...

– Оставим это! – перебил его брат. – Надеюсь, мама, конечно, не ожидает, чтобы я попрощался с ней лично; она поймет, что этой осенью я не могу приехать в Вилицу, как мы условились. Может быть, будущей осенью...

Молодой князь с мрачным видом отступил назад.

– Ты, видимо, полагаешь, что после этой размолвки и после той ледяной холодности, которую я встретил с твоей стороны, мы не можем быть твоими гостями?

– Ошибаешься; о какой бы то ни было, размолвке между нами не может быть и речи. Да и какое отношение может иметь вся эта история к вашему пребыванию в моем имении? Ты всегда противился этому плану, но почему?

– Потому что считаю его унижительным; а то, что раньше

для меня было неприятным, теперь стало прямо невозможным. Пусть мама решает, что угодно, нога моя...

Вольдемар положил руку на рукав брата.

– Не говори так! Дело тут вовсе не в тебе. Я предложил матери поселиться в Вилице; она согласилась; при данных обстоятельствах это было моей обязанностью. К тому же ты поедешь в университет, и только на каникулы будешь приезжать в Вилицу, чтобы видеться с матерью; наконец, с тем, что она считает совместимым со своей гордостью, ты можешь смело примириться.

– Я оскорбил тебя и теперь осознаю это; ты не можешь требовать, чтобы я все получил из твоих рук.

– Ты меня не оскорбил, – серьезно проговорил Вольдемар, – наоборот, ты один был правдив по отношению ко мне, и если в тот момент это и огорчило меня, то теперь я только благодарен тебе. Тебе следовало бы только заговорить раньше. Но, конечно, я не могу требовать от тебя, чтобы ты был доносчиком. Всякая вражда между нами кончена.

В душе Льва происходила борьба между упрямством и стыдом. Он приготовился к бурной сцене с братом и теперь совершенно растерялся. Молодой князь был еще слишком плохим знатоком людей, чтобы даже подозревать, что скрывалось под этим непонятным спокойствием Вольдемара и чего оно тому стоило. Он принимал его за чистую монету. Однако Лев все же заметил старания брата, чтобы происшедший случай не отразился на княгине и не лишил их возмож-

ности поселиться в его имени. Сам Лев при подобных обстоятельствах, быть может, был бы неспособен на такое великодушие, но, тем не менее, он глубоко чувствовал его.

– Обещай мне проводить маму в Вилицу, – серьезно продолжал Вольдемар, – и если ты думаешь, что обидел меня, то я требую от тебя этой услуги в качестве залога нашего примирения.

– Значит, ты не хочешь сам попроситься с мамой, – после паузы спросил Лев, опустив голову. – Это огорчит ее.

Вольдемар с горькой улыбкой ответил:

– Она примирится с этим. Прощай, Лев! Я очень рад, что видел тебя.

Молодой князь несколько мгновений смотрел на брата и затем вдруг обнял его шею руками. Вольдемар принял это объятие, но не ответил на него.

– Прощай! – Лев был обескуражен холодностью брата.

Несколько минут спустя коляска, в которой сидел молодой Баратовский, снова выехала со двора, а Вольдемар вернулся в свою комнату. Кто увидел бы его теперь с подергивающимися губами и мрачным, неподвижным взглядом, тот убедился бы, чего стоили ему холодность и спокойствие, проявленные по отношению ко Льву. Минута, когда его юношеские идеалы были низвергнуты, оставила в нем глубокий след на всю жизнь и навсегда лишила его доверия к людям.

Глава 10

Замок Вилица со всеми прилегающими к нему владениями находился недалеко от границы; большая часть этих владений была сдана различным арендаторам еще покойным Нордеком. Главные богатства поместья состояли в громадных лесах, покрывавших почти треть всех земель, и они то главным образом и давали те громадные доходы, которые приносили эти имения.

Опекун Вольдемара, унаследовавшего Вилицу, оставил все существовавшие при Нордеке порядки без изменения. Молодой Нордек мало интересовался своими владениями; сейчас же после своего совершеннолетия он отправился в университет, затем долго путешествовал и годами не заглядывал в Вилицу, где жила теперь вдова прежнего владельца, княгиня Баратовская. Все доходы с этого имения молодой хозяин предоставил в ее полное распоряжение. Это несколько не обеднило богатого наследника, и было вполне достаточно княгине и ее сыну, чтобы они могли жить «сообразно своему положению».

Было начало октября; осеннее солнце ярко освещало гостиную княгини, большую, немного мрачную комнату, где в данную минуту находились сама княгиня и ее брат, граф Моринский; он заметно постарел, между тем как на холодном, все еще прекрасном лице его сестры годы не оставили

почти никаких следов.

Между княгиней и графом шел оживленный разговор.

– Не понимаю, почему тебя так поразило это известие, – проговорила она, – мы давно должны были ожидать этого. Меня всегда удивляло, почему Вольдемар так долго и так настойчиво избегает посещений своих поместий.

– Вот именно потому я и удивился, – подхватил граф, – он до сих пор упорно избегал Вилицы, и вдруг приезжает теперь. Что ему здесь надо?

– Что же другое, кроме охоты, может привлекать его? Ты ведь знаешь, что он унаследовал эту страсть от отца.

– Возможно, но он не мог избрать более неудобное время для своего приезда. Именно теперь важно, чтобы ты осталась неограниченной хозяйкой Вилицы. Раковиц находится слишком далеко от границы; мы должны сохранить Вилицу в своем распоряжении.

– Я знаю это, – заявила княгиня, – и позабочусь обо всем. Ты прав, это посещение очень некстати, но не могу же я запретить сыну приехать в свое собственное имение. Мы только должны быть более осторожны.

– Одной осторожности мало; нужно прекратить все наше дело на то время, пока Вольдемар будет здесь, а это невозможно.

– Этого и не нужно; он по целым дням и ночам будет пропадать в лесу, так что не обратит внимания на то, что творится в замке.

– Ну, кто знает? Ведь прошло уже четыре года с тех пор, как ты видела сына. Впрочем, ты уже тогда умела делать с ним что хотела; надеюсь, это удастся тебе и теперь.

– Я думаю, – со спокойной уверенностью проговорила княгиня. – Да это и не так трудно, как ты думаешь; его упрямство является лучшим орудием для того, чтобы повлиять на него. Если ему каждый день повторять, что он – неограниченный хозяин в Вилице, то ему и в голову не придет на самом деле быть им. Мы можем быть спокойны.

– Он приедет один? – задумчиво спросил граф.

– Нет, со своим бывшим воспитателем. Это безобиднейший человек на свете; относительно этого доктора Фабиана совершенно нечего беспокоиться; притом он не имеет ровно никакого влияния на Вольдемара.

– Дело, конечно, главным образом в Вольдемаре, но если ты думаешь, что с его стороны нечего бояться...

– Я думала, – перебила его сестра – что управляющий уже приучил тебя к осторожности!

– Да этот Франк и весь его дом занимаются форменным шпионством, – запальчиво воскликнул Моринский. – Не понимаю, Ядвига, как ты до сих пор не нашла возможности освободиться от этой неудобной личности?

– Не беспокойся, Бронислав, управляющий на днях уходит. Раньше я не могла ничего предпринять против него, так как он безупречно служит уже двадцать лет, и у меня не было никакого повода для его увольнения. Поэтому я предпо-

чла довести его до того, что он сам отказался; мне особенно важно, что этот отказ последовал именно с его стороны, тем более теперь, когда приезжает Вольдемар.

– Давно пора, – с видимым удовольствием произнес граф. – Этот Франк начал становиться опасным. К сожалению, придется еще ждать.

– Ну, вероятно, недолго, раз он решил уйти... Как, Лев, ты уже вернулся с прогулки?

Последние слова относились к молодому князю, только что вошедшему в комнату.

– Ванда не хотела дольше оставаться в парке, – ответил он. – Я помешал вашему разговору?

Граф Моринский встал.

– Мы закончили; я только что узнал о предстоящем приезде твоего брата, и мы обсуждали его последствия; одним из них будет то, что мы должны будем сократить свое пребывание здесь; мы останемся только завтра, на предстоящее празднество, а затем вернемся в Раковиц еще до прибытия Вольдемара. Неудобно, если он застанет нас здесь.

– Почему же? – спокойно спросила княгиня. – Из-за былого ребячества? Да неужели кто-либо еще будет вспоминать о нем? Я считаю самым целесообразным забыть эту историю. Если Ванда встретит Вольдемара совершенно непринужденно, как своего двоюродного брата, то и он вряд ли станет вспоминать, что когда-то питал к ней юношеское обожание.

– Может быть, это было бы самое лучшее, – проговорил

граф, поворачиваясь, чтобы уйти, – во всяком случае, я поговорю об этом с Вандой.

Лев против обыкновения не принял никакого участия в разговоре и, когда дядя вышел из комнаты, молча занял его место. Княгиня тотчас же заметила, что сын не в духе, хотя он и старался скрыть это, и промолвила:

– Ваша прогулка окончилась очень скоро... А где Ванда?

– Вероятно, в своей комнате.

– Вероятно? Между вами опять что-то произошло? Не старайся скрыть от меня; твое лицо достаточно ясно выражает это; да к тому же я знаю, что ты сам не уйдешь от Ванды, если она не прогонит тебя.

– Да, она находит особенное удовольствие прогонять меня, – с нескрываемой досадой ответил Лев.

– Ты слишком часто мучаешь ее своей совершенно необоснованной ревностью. Я убеждена, что сегодня это опять было причиной вашей ссоры. Впрочем, я несколько не оправдываю и Ванду; отец своей безграничной нежностью избаловал ее, она привыкла во всем поступать по-своему, а ты, к сожалению, тоже всегда уступаешь ей.

– Уверяю тебя, мама, что сегодня я далеко не был уступчивым по отношению к Ванде, – раздраженно ответил Лев.

Княгиня пожала плечами.

– Сегодня – может быть, а завтра ты снова будешь стоять перед ней на коленях и умолять о прощении. Сколько раз я должна объяснять тебе, что таким образом ты не внушишь

этой гордой и своенравной девушке того уважения, которым во что бы то ни стало должен пользоваться ее будущий супруг.

– Я неспособен на такие холодные расчеты, – с горячностью воскликнул Лев. – Когда я люблю, когда я боготворю, то не могу вечно раздумывать о том, достойно ли мое поведение будущего супруга.

– Тогда и не жалуйся, – холодно ответила княгиня. – Насколько я знаю Ванду, она никогда не будет любить человека, беспрекословно подчиняющегося ей. Такая натура, как ее, хочет, чтобы ее любовь брали силой, а ты до сих пор не сумел сделать этого.

– Да я вообще еще не имею прав на любовь Ванды; мне все еще не разрешают открыто называть ее своей невестой; наш союз все откладывают, – отвернувшись и надувшись, произнес Лев.

– Потому что теперь не время думать о свадьбе, – решительно прервала его мать, – потому что теперь тебе предстоят другие, более серьезные задачи, чем поклонение молодой жене. Заслужи себе раньше невесту; удобных для этого случаев будет предостаточно. Да, кстати, дядя недоволен тобой. Неужели я должна напоминать тебе, что ты должен безоговорочно повиноваться ему как старшему родственнику и влиятельному лицу. Вместо этого ты доставляешь ему совершенно ненужные неприятности и вместе с несколькими сверстниками составляешь оппозицию. Что это значит?

На лице Льва появилось выражение упрямого своенравия, когда он ответил:

– Мы больше не дети и пользуемся правом иметь свое собственное мнение. Я только высказал его, больше ничего. Ты сама постоянно повторяешь мне, что мое происхождение и имя дают мне право быть лидером, а дядя заставляет меня довольствоваться положением подчиненного.

– Потому что не может поручить что-нибудь важное такому неуравновешенному молодому человеку как ты. Он дал мне слово, что когда наступит решительный момент, князь Баратовский займет подобающее ему место... мы оба надеемся, что ты проявишь себя достойным этого.

– Разве вы в этом сомневаетесь? – вскочил Лев.

– В твоём мужестве – конечно, нет. Но тебе не хватает рассудительности, и я боюсь, что ты никогда не приобретешь ее, потому что у тебя отцовский характер; но все-таки ты – и мой сын и что-нибудь да унаследовал от меня. Я поручилась за тебя брату; твоё дело – оправдать это поручительство.

В этих словах было столько материнской гордости, что растроганный Лев бросился ей на грудь.

Княгиня улыбнулась, и, обняв сына, нежно проговорила:

– Зачем мне повторять, какие надежды я возлагаю на твоё будущее. Ты всегда был моим единственным сыном и всем для меня!

– Твоим единственным? А мой брат?

– Вольдемар! – княгиня выпрямилась; при этом имени вся

нежность исчезла с ее лица, которое снова приняло серьезное и строгое выражение, и она продолжала жестким, холодным тоном: – Да, я и забыла о нем. Судьба сделала его владельцем Вилицы, и мы должны с ним примириться.

Глава 11

Управляющий имением в Вилице жил недалеко от господского замка. Красивый дом, окружавшие его хозяйственные постройки и порядок, царивший во дворе, в значительной степени отличались от того, что привыкли встречать в соседних имениях, и хозяйство Вилицы во всей окрестности считалось образцовым. Положение же управляющего, как в отношении получаемого содержания, так и по условию жизни было таково, что ему мог позавидовать любой помещик.

Уже вечерело. Длинный ряд окон первого этажа замка начал освещаться; сегодня у княгини должно было состояться большое празднество. В гостиной управляющего еще не была зажжена лампа, но двое мужчин, находившихся в ней, казалось, были так поглощены своим разговором, что вовсе не замечали сгущавшейся темноты. Старший из них был в самом расцвете сил, с открытым, сильно загоревшим лицом. По внешности же младшего можно было заключить, что он не является местным жителем; его маленькая фигура в самом модном костюме представляла собой комический контраст с его напыщенной важностью.

– Так и будет, – сказал старший, – я уйду. Уже третьего дня я заявил княгине, что доставляю ей это удовольствие, и уезжаю из Вилицы; она уже давным-давно добивается этого.

Более молодой собеседник покачал головой.

– Замечательная, но вместе с тем в высшей степени опасная женщина. Говорю вам, господин Франк, эта княгиня Баратовская представляет собой опасность для всей нашей округи.

– Еще чего! – с досадой воскликнул управляющий, – вот для Вилицы она, действительно, опасна; она забрала всю власть в свои руки, я для нее был последним камнем преткновения, а теперь она убрала с дороги и его. Я терпел, пока мог, и пока был жив старый господин Витольд, было еще сносно; тогда княгиня не решалась трогать меня. Но теперь я уйду.

– Да ведь это же – несчастье для Вилицы! – воскликнул молодой человек. – Вы были единственным, кто еще смел оказывать некоторое сопротивление княгине и чьего зоркого глаза она побаивалась. А теперь здесь будет полное раздолье для всяких подпольных интриг. Мы, правительственные чиновники, – он с особым ударением произнес эти слова, – прекрасно знаем, что значит, когда такие громадные владения, как Вилица, да еще лежащие так близко от границы, будут находиться под управлением княгини Баратовской.

– Да, за эти четыре года она достигла многого, – с горечью произнес управляющий. – Ей удалось устроить так, что вся аренда попала в руки ее земляков. Моего будущего заместителя я тоже знаю. Это пьяница, который погубит Вилицу, но зато националист чистейшей воды.

– Эх, если бы господин Нордек как-нибудь заглянул сю-

да! – проговорил ассессор. – Ведь он, вероятно, не имеет понятия о том, что здесь делается.

– Наш молодой хозяин? Ему никогда не было никакого дела до Вилицы! Я думал, что по достижении совершеннолетия он приедет сюда на продолжительное время, но вместо этого он прислал свою мамашу; мы даже не имеем с ним прямых связей, а по всем делам обращаемся к его поверенному. Впрочем, перед уходом я решил испытать последнее средство и написал ему самому, причем открыл ему глаза на все, что здесь творится. Я отправил это письмо уже месяц тому назад, но, представьте, даже не получил ответа. Нет, тут не на что надеяться. Но что же это? Я в своей досаде совсем забыл, что мы сидим впотьмах. Не понимаю, почему Гретхен не несет лампы? Она, вероятно, не знает, что вы здесь?

– Знает, – с некоторым раздражением произнес ассессор. – Когда я въехал во двор, ваша дочь стояла в сенях, но только она не дала мне времени даже поклониться, а сейчас же побежала вверх по лестнице на чердак.

На лице Франка выразилось легкое смущение.

– Вы, вероятно, ошиблись? Нет? Мне очень жаль, но в таком случае я при всем желании не могу вам помочь.

– Не можете помочь? – с живостью воскликнул ассессор. – Да ведь авторитет отца неограничен, и если вы скажете вашей дочери: «Я хочу...».

– Этого я не сделаю ни в коем случае, – со спокойной решительностью произнес Франк. – Вы знаете, я ничего не

имею против вас и вашего сватовства, потому что думаю, что вы искренне любите мою дочь. Получить ее согласие – это уже ваше дело, и я не стану вмешиваться. Впрочем, мне кажется, что у вас на это очень мало шансов.

– Вы ошибаетесь, – сказал ассессор, – безусловно, ошибаетесь; будьте спокойны, я получу согласие.

– Буду очень рад, – ответил управляющий, обрывая разговор, потому что та, о которой шла речь, вошла в комнату с лампой в руках.

Маргарите было около двадцати лет, но ее далеко нельзя было назвать нежным созданием, зато она являлась олицетворением молодости и здоровья. Озаренная ярким светом лампы, она была прелестна со своим свежим розовым личиком, ясными голубыми глазами и густыми белокурыми косами, венком уложенными на голове. Вполне понятно, что, увидев ее, ассессор совершенно забыл о ее коварном бегстве «на чердак» и поспешно вскочил, чтобы приветствовать избранницу своего сердца.

– Добрый вечер, господин ассессор! – произнесла молодая девушка, довольно холодно отвечая на приветствие. – Так, значит, это вы приехали? Я это и предположить не могла, потому что вы были только в воскресенье.

– На этот раз я приехал по служебным делам, – ответил ассессор, – меня привело сюда поручение большой важности, которое было доверено мне и которое задержит меня в этих краях на несколько дней. Я позволил себе воспользовать-

ся гостеприимством вашего батюшки. Нам, правительственным чиновникам, теперь приходится плохо; повсюду брожение, революционные стремления. Весь округ представляет собой один громадный заговор.

– Об этом вам нечего говорить *нам*, – сухо заметил управляющий, – в Вилице мы знаем это лучше вас.

– Да, Вилица и есть самый очаг заговора. В Раковице заговорщики не смеют так открыто вести игру – там граф Моринский хоть немного стесняется, здесь же ему очень удобно.

– Да и к тому же здесь благоприятные условия, – добавил Франк, – все лес, а все лесничество поставлены княгиней.

– Мы все это знаем, – уверил ассессор с таким лицом, как будто он был всеведущим, – все, говорю вам, но ничего не можем поделать, потому что у нас нет прямых доказательств. При малейшем приближении кого-нибудь из наших все как сквозь землю проваливаются. Моя миссия связана с этим, и так как полицейская власть здесь в ваших руках, то мне придется обратиться к вам за помощью.

– Если это необходимо. Вы знаете, я очень неохотно занимаюсь подобным делами, хотя меня в замке и считают шпионом за то, что я не закрываю глаз и строго преследую всякое недовольство среди своих подчиненных.

– Это необходимо. Речь идет о двух очень опасных субъектах, которые шатаются под разными предлогами в этих краях и которых необходимо захватить. Когда я ехал сюда,

то видел двух очень подозрительных индивидов. Они шли пешком.

– Да разве это может дать повод к подозрению? – расхохоталась Маргарита. – У них, вероятно, не было денег, чтобы ехать на почтовых.

– Простите, у них было вполне достаточно денег, так как они проехали мимо меня даже в экипаже, но на последней станции вышли из него и очень подозрительным образом расспрашивали мельчайшие подробности о Вилице. Они отказались от провожатого и направились туда пешком прямо через поле. К сожалению, я прибыл на станцию, когда они уже уехали оттуда, и наступившая темнота помешала моим дальнейшим розыскам, но завтра я с утра займусь ими. Во всяком случае, они недалеко.

– Может быть, даже там, – проговорила Гретхен, указывая на ярко освещенные окна замка, – у княгини сегодня большое конспиративное собрание.

– Конспиративное собрание? Как, что? Вы это точно знаете? Я накрою их... я...

Управляющий со смехом усадил его.

– Не давайте же морочить себя; это просто выдумка Маргариты.

– Папа, но ведь ты же сам говорил, что у них в замке недаром теперь устраивается праздник за праздником, – заметила молодая девушка.

– Я и не отрицаю этого. Эти балы и охоты являются са-

мым удобным предлогом для того, чтобы в Вилице собирались всевозможные люди, тем более что большинство гостей остается ночевать.

Ассессор с напряженным вниманием слушал эти столь интересные для него сообщения. К сожалению, они были прерваны, так как управляющему доложили, что заболела одна из лучших верховых лошадей, и он ушел. Молодые люди остались одни; Маргарите это было, по-видимому, не особенно приятно, ассессор же был очень доволен и решил воспользоваться удобным случаем.

– Господин Франк сообщил мне, что собирается покинуть свой пост, – начал он. – Эта новость поразила бы меня как громом, если бы я сам собирался надолго остаться в Л.

– Разве вы собираетесь уезжать? – с удивлением спросила молодая девушка.

– Я ожидаю повышения по службе, а это, как правило, сопряжено с переводом в другое место.

– Вы, кажется, уже давно ожидаете его, – заметила Маргарита.

– Потому что у меня не было случая отличиться. Теперь же я получил важное поручение, и если удачно выполню его, то, безусловно, получу повышение. – Он бросил многозначительный взгляд на молодую девушку, но та упорно молчала. Поэтому он снова заговорил: – Тогда, вероятно, состоится и мой перевод в столицу, у меня там есть влиятельные родственники. Вы еще не знаете столицы... – и тут ассессор в

ярких красках начал описывать все прелести столичной жизни, а затем с пафосом продолжал: – Но, несмотря на все это, я буду, чувствовать себя одиноким и заброшенным, потому, что мое сердце останется здесь.

После этих слов ассессор сделал большую паузу и встал, с явным намерением опуститься на колени. Молодая девушка струсила и тоже вскочила.

– Простите, мне кажется, входная дверь захлопнулась на засов, и папа не попадет домой, когда вернется. Надо открыть ее, – и с этими словами она выпорхнула из комнаты.

Озадаченный ассессор так и остался стоять с согнутыми коленями.

Предлог, которым воспользовалась девушка, не был ею выдуман. Большая входная дверь, закрытая неопытным человеком, действительно, с большим шумом захлопнулась на засов. Маргарита, стрелой вылетевшая из комнаты, со всего размаха распахнула дверь в коридор, при этом раздался слабый крик; какой-то человек отскочил назад и, вероятно, упал бы, если бы его не подхватил его спутник.

– Боже мой, что случилось? – с испугом воскликнула Маргарита.

– Тысячу раз прошу извинить, – крайне вежливо ответил робкий голос.

Молодая девушка с изумлением посмотрела на человека, который так вежливо извинялся за то, что его ударили дверью. Но не успела она что-либо ответить, как подошел вто-

рой незнакомец и обратился прямо к ней:

– Мы хотим видеть господина Франка; нам сказали, что он дома.

– Папы сейчас нет, но он скоро придет, – проговорила Гретхен, которой это неожиданное посещение принесло большое облегчение, избавляя от необходимости занимать ассессора до возвращения отца. В силу этого же она ввела посетителей не в кабинет, как обычно, а прямо в гостиную, и, обращаясь к ассессору, с изумлением смотревшему на вошедших, произнесла в виде пояснения:

– Эти господа желают видеть папу.

Вслед за тем Маргарита вызвалась уведомить отца и вышла. Послав прислугу за управляющим, она собиралась вернуться в комнату, но, к величайшему ее изумлению, в коридоре появился ассессор и деловито спросил, послано ли за господином Франком. Молодая девушка ответила утвердительно. Ассессор подошел к ней вплотную и шепотом произнес:

– Это – они... оба подозрительных субъекта. Они в западне. Я приму свои меры и, в крайнем случае, арестую их. Прежде всего, следует запереть дверь, чтобы они не могли убежать, – и он, действительно, запер дверь и опустил ключ в карман.

– Что вы выдумали? – запротестовала Маргарита. – Папа не сможет попасть в дом, когда вернется.

– Мы поставим у двери служанку и дадим ей ключ, – про-

шептал ассессор, – она откроет, как только придет господин Франк, и тотчас же позовет работников. Неизвестно, сдадутся ли эти преступники добровольно.

Маргарита отнеслась к его словам с большим недоверием.

– У вас нет полицейского глаза, – авторитетно заявил ассессор. – Говорю вам, у них самые типичные физиономии заговорщиков. Я допрошу их, пока вернется господин Франк. Конечно, это очень опасно, но что делать, когда долг повелевает! А теперь разрешите мне действовать.

Он позвал служанку и, дав ей соответствующие указания, вернулся в гостиную. Маргарита последовала за ним. Оба незнакомца, очевидно, и не подозревали о той грозе, которая собиралась над их головами; младший из них, скрестив на груди руки, ходил взад и вперед по комнате, а старший спокойно расположился в кресле.

– Я еще не представился вам, господа, – начал ассессор пока еще в вежливом тоне, – губернский ассессор Губерт из Л.

Очевидно, это были не новички в своем преступном деле, потому что они даже не побледнели, услышав эти слова. Старший приподнялся со своего места и, молча, но очень вежливо поклонившись, снова сел, младший же только слегка кивнул головой и небрежно проговорил:

– Очень приятно.

– Могу ли я со своей стороны узнать ваши имена, милостивые государи? – продолжал Губерт.

– К чему это? – равнодушно ответил молодой незнакомец.

– Я желаю их знать.

– Очень сожалею, но мы не желаем называть их.

Ассессор кивнул головой, как бы желая сказать: «Я так и знал», и с ударением произнес:

– Я служу в полицейском управлении А.

– Завидное положение! – произнес незнакомец, окидывая Губерта равнодушным взглядом.

Последний просто опешил; даже упоминание о полиции не вызвало у этих закоренелых преступников никакого страха. Однако он знал, как заставить их заговорить.

– Часа два тому назад мимо меня в коляске проехали вы?

На этот раз младший совсем не ответил, а старший вежливо заговорил:

– Совершенно верно; мы тоже заметили ваш экипаж.

– Однако вы вышли на последней станции и, избегая большой дороги, пошли через поле.

Ассессор с самым грозным видом произносил свои обвинения, и на этот раз они возымели некоторое действие. Старший из заговорщиков забеспокоился, но младший, которого «полицейский глаз» ассессора тотчас же признал более опасным, быстро подошел к своему спутнику и успокаивающе положил руку на спинку кресла.

– Кроме того, когда стало прохладно, мы надели пальто и забыли на станции пару перчаток, – произнес он с нескрываемой иронией. – Может быть, к вашим наблюдениям вы прибавите и эти интересные сведения.

– Таким тоном не говорят с представителем власти!

Незнакомец пожал плечами и отвернулся к окну.

Губерт воспылал гневом: так как управляющий мог вернуться каждую минуту, то он решил отбросить всякую осторожность и продолжал повышенным тоном:

– Извольте назвать мне свои имена и предъявить документы. Я требую этого и настаиваю на этом. Одним словом, вы внушаете мне подозрение.

Это, наконец, подействовало. Старший господин обнаружил все признаки страха.

– Господи, помилуй! – произнес он.

– Ага, наконец-то вы начинаете осознавать свою вину! – торжествовал Губерт. – Вы вздрогнули, я видел это, не отрицайте! Еще раз повторяю, ваши имена!

– Кто же мы, по-вашему? – спросил молодой человек.

– Заговорщики и государственные изменники!

– И государственные изменники! Ну да, конечно, тут одно обычно дополняет другое.

Ассессор от подобной дерзости совсем опешил.

– Я в последний раз требую, чтобы вы назвали свои имена и предъявили документы! – воскликнул он. – Вы отказываетесь? Знаете ли вы, что этим вы еще усугубляете свою вину! Полицейское управление в Л...

– Вероятно, находится в очень плачевном состоянии, если вы являетесь его представителем, – докончил молодой незнакомец.

Это было чересчур. Оскорбленный вскочил как ужаленный.

– Это неслыханно! Вы оскорбляете в моем лице правительство. Я арестую вас и отправлю в Л.

Губерт, как разъяренный петух, подскочил к своему противнику, но тот без всякой церемонии отстранил его; это было только одно движение сильной руки, однако ассессор, как мячик, полетел на диван.

– Караул! – вне себя закричал он, – покушение на мою особу; Маргарита, позовите своего отца!..

– Лучше принесите стакан воды и вылейте ее на голову этого господина! – сказал незнакомец. – Ему это необходимо.

Молодая девушка не успела исполнить эти столь разноречивые поручения, так как в соседней комнате послышались торопливые шаги, и вошел управляющий, который, к своему удивлению, увидел меры, принятые у дверей, и услышал громкие голоса в гостиной. Ассессор еще барахтался на диване и старался встать на ноги.

– Господин Франк! – воскликнул он, – охраняйте выход и позовите работников! Вы ведаете полицейским надзором в Вилице и должны помочь мне! Я арестую этих двух субъектов именем...

Тут голос его сорвался, но после отчаянного усилия ему удалось встать.

Молодой незнакомец подошел к управляющему:

– Господин Франк, ведая по моему поручению полицейским надзором в Вилице, вы, вероятно, не выдадите своего собственного хозяина?

– Кого? – воскликнул управляющий отскакивая.

Незнакомец вынул из кармана бумагу и подал ее Франку.

– Я приехал совершенно неожиданно, и вы вряд ли узнаете меня после десяти лет; это письмо, которое вы сами написали мне несколько недель тому назад, может послужить удостоверением моей личности.

Франк бросил беглый взгляд на письмо, а затем посмотрел на лицо стоявшего перед ним молодого человека и спросил:

– Господин Нордек?

– Вольдемар Нордек, – подтвердил тот, – которого при первых же шагах, сделанных им по своей земле, собираются арестовать в качестве какого-то «субъекта». Действительно, приятное приветствие!

Он посмотрел в направлении дивана, где сидел ассессор, от изумления превратившийся в соляной столб.

– Какое досадное недоразумение, – в крайнем смущении произнес управляющий. – Мне очень жаль, что оно произошло в моем доме. Господин ассессор, вероятно, крайне сожалеет...

Бедный ассессор! Он был совсем уничтожен, и у него не было даже сил извиниться. К его счастью, Вольдемар не обращал больше на него никакого внимания; он представил Франку своего спутника.

– Доктор Фабиан, мой друг и наставник. Мы увидели, что замок освещен, и узнали, что сегодня там большое празднество. Я совершенно незнаком с гостями моей матери, а потому мы предпочли зайти сюда и пробыть здесь до отъезда гостей. Кроме того, я должен поговорить с вами относительно вашего письма, которое получил всего несколько дней тому назад, так как был в отъезде. Можем ли мы без посторонних побеседовать с полчаса?

Франк отворил дверь в кабинет.

– Прошу вас пройти сюда.

Вольдемар, выходя из комнаты, обернулся.

– Пожалуйста, подождите меня здесь, господин доктор. Надеюсь, вам не грозит больше опасность быть арестованным в качестве заговорщика. Я скоро вернусь.

Он слегка поклонился молодой девушке, совершенно игнорируя ассессора, и в сопровождении управляющего вышел из комнаты.

– Господин ассессор, – вполголоса произнесла Маргарита, – поздравляю вас с повышением!

– Сударыня! – простонал ассессор.

– Ведь у меня нет «полицейского глаза»! Кто бы мог подумать, что у нашего хозяина столь ясно выраженная физиономия заговорщика!

Ассессор не мог больше выносить насмешки из этих уст и, пробормотав какое-то извинение, поспешно вышел из комнаты.

Глава 12

Большая часть гостей, оставшихся ночевать в вилицком замке, уехала ранним утром следующего дня; только граф Моринский с дочерью находились еще в Вилице. Так как молодой хозяин застал их там, то вежливость требовала, чтобы они приветствовали его; однако граф Моринский счел необходимым предоставить своего племянника в первые часы свидания исключительно матери, да и Ванда совершенно не торопилась предъявлять свои родственные права.

Княгиня была одна с обоими сыновьями: она сидела на своем обычном месте в зеленой гостиной; Вольдемар расположился напротив, тогда, как Лев стоял возле кресла брата; по внешнему облику это была совсем мирная семейная картина.

– Я никак не могу простить тебе этого, Вольдемар, – укоризненным тоном произнесла княгиня. – Остановиться у управляющего! Как будто замок каждую данную минуту не находится в полном твоём распоряжении и как будто для меня не было бы радостью представить тебя моим гостям!

– Право, я вовсе не был расположен тотчас же по приезде вступать в совершенно чуждый мне круг, у меня было далеко не такое настроение.

– Ты все еще питаешь прежнюю антипатию ко всему, что называется обществом? Тогда нам придется сократить наши

приемы.

– Только не ради меня. Я очень прошу тебя не обращать на меня внимания в этом отношении и извинить, если я не слишком часто буду появляться в твоих салонах.

Княгиня улыбнулась; эта нелюбовь Вольдемара к обществу, которую она давно знала, вполне соответствовала ее желаниям.

– И ты, действительно, привез с собой своего бывшего учителя? – весело заговорил Лев. – Удивляюсь твоему поступку, Вольдемар! Я был рад, когда смог отделаться от своего ментора, и ни в коем случае не стал бы брать его с собой в университет и путешествовать с ним.

Холодность, которую молодой Нордек обычно выказывал при разговоре с матерью, совершенно исчезала в обращении с братом.

– Ты не должен смотреть на господина Фабиана как на простого учителя; он давно оставил эту профессию и теперь всецело посвятил себя истории; душой и телом он всегда был ученым, и только нужда заставила его стать «ментором».

– Это заметно, – проговорила княгиня. – Он всегда отличался сухостью и педантичностью ученого.

– Разве ты была недовольна его отчетами, которые он аккуратно посылал тебе в первое время моего пребывания в университете? – спокойно спросил Вольдемар. – Он не знал, что, собственно, ты желала знать, а потому я посоветовал ему писать подробнее о моих занятиях.

Княгиня опешила.

– Ты, кажется, знаешь все подробности нашей переписки и даже отчасти... придавал ей известное направление?

– У доктора Фабиана нет от меня тайн, а я со своей стороны находил вполне естественным, что тебя интересуют мои занятия, – ответил Вольдемар так равнодушно, что подозрения матери относительно того, что ее тогдашний план был открыт, тотчас же исчезли.

– Лев очень радуется тому, что будет иметь возможность служить тебе гидом во время твоих охотничьих экскурсий в окрестностях Вилицы, – сказала княгиня, чтобы переменить разговор.

Нордек посмотрел на брата, все еще стоявшего возле его кресла, и произнес:

– Боюсь только, что мы совершенно по-разному понимаем охоту. Ты и на охоте остаешься элегантным кавалером, могущим прямо из леса показаться в гостиной, со мной же ты должен будешь гоняться за дичью, не разбирая дороги; не знаю, понравится ли тебе это?

– Ну, в наших польских лесах дело обстоит посерьезнее, чем в спокойных рощах Альтенгофа; ты сам скоро увидишь, возможно ли при встречах с волками иметь «салонный вид». Я часто предпринимаю довольно смелые прогулки, и так как Ванда тоже страстно любит охоту... ты ведь знаешь, что она в Вилице?

Этот вопрос был задан совершенно неожиданно, тем не

менее, Вольдемар очень спокойно ответил:

– Графиня Моринская? Да, я об этом слышал.

– Графиня Моринская! – с упреком повторила княгиня. – Ведь это – твоя двоюродная сестра, да к тому же она вскорости станет тебе еще ближе. Лев, ты, вероятно, не станешь скрывать от брата то, что для посторонних еще является тайной?

– Конечно, нет! – быстро подхватил князь. – Ты, Вольдемар, само собой разумеется, узнаешь, что Ванда... моя невеста.

При этих словах Лев с напряженным вниманием посмотрел на брата; княгиня в течение нескольких секунд тоже пристально смотрела на его лицо, но на нем не было заметно ни малейших признаков волнения; черты Вольдемара остались неподвижны, и он не изменил даже своей удобной, слегка небрежной позы.

– Твоя невеста? – произнес он. – Вот как?

– Это, кажется, нисколько не удивляет тебя?

– Нет, – холодно ответил Вольдемар, – я ведь знаю, что ты всегда был равнодушен к двоюродной сестре и что ни мама, ни граф Моринский не станут противиться этому браку. Желаю тебе счастья, Лев!

Последний с искренней сердечностью пожал протянутую ему руку, хотя ему было все-таки неприятно касаться этого вопроса. Княгиня тоже предпочла не разбирать его более подробно и перешла на другую тему:

– Ты еще сегодня увидишь Ванду и ее отца, мы часто с ними видимся. Но, прежде всего, как тебе нравится Вилица? Ты не сдержал слова; тогда, в Ц., ты обещал приехать весной, а вот прошло целых четыре года, пока ты, наконец, решил побывать здесь.

– Я все собирался и не мог собраться, – Вольдемар встал и подошел к окну. – Ты права – Вилица стала мне совершенно чужой, и я должен буду на днях опять осмотреть все владения, для того чтобы поближе познакомиться с ними.

Княгиня насторожилась.

– Все владения? Не думаю, чтобы они представляли для тебя интерес, не говоря, конечно, о лесах, которые имеют громадную прелесть для охотника. Что же касается остального, то управляющий может сделать тебе подробный доклад. Он, вероятно, уже сказал тебе, что хочет уйти?

Этот вопрос был брошен совершенно между прочим, и ничто не выдавало того напряжения, с которым ожидали ответ.

– Да, – ответил Вольдемар, глядя в окно, – он уходит весной.

– Мне очень жаль, что ты теряешь такого хорошего служащего, тем более что я являюсь косвенной причиной его ухода. Во многих отношениях его трудно будет заменить; к сожалению, он слишком привык к постоянному отсутствию хозяина, и не признает никакого авторитета; мне пришлось несколько раз напоминать ему, что замок и княгиня Бара-

товская ему не подчинены. Мне кажется, что он не прочь остаться, если ты разрешишь ему по-прежнему разыгрывать роль неограниченного властелина. Все, конечно, зависит от тебя, и я всецело подчиняюсь твоему решению.

Молодой Нордек сделал отрицательное движение.

– Я только вчера приехал и ничего не знаю. Если Франк хочет уходить, то я не буду его удерживать, и если причиной его ухода, действительно, являются недоразумения с замком, то ты, надеюсь, не думаешь, что я приму сторону управляющего, чтобы обличать свою мать.

Княгиня вздохнула свободнее; она все-таки была не совсем спокойна за Франка.

– Я знала, что могу рассчитывать на тебя, – заявила она, вполне удовлетворенная этим первым свиданием с сыном. Все вполне соответствовало ее желаниям. – Я хотела... А, вот и ты, Бронислав, – обратилась она к брату, который как раз входил в комнату под руку с дочерью.

Вольдемар при последних словах княгини также обернулся. По-видимому, он был все-таки поражен тем, что увидел; он знал только шестнадцатилетнюю девочку, а эта Ванда была совершенно незнакома ему. «Она обещает стать красивой», говорила когда-то княгиня про свою племянницу и, очевидно, сама не ожидала, насколько оправдается ее предсказание, особенно красивы были большие темные глаза, красоту которых графиня Моринская прекрасно сознавала и умела ею пользоваться.

– Вольдемар, вы удивили всю Вилицу своим приездом, – проговорил граф, – и с первого же момента застаете в своем доме гостей. Мы, собственно, хотели уехать уже сегодня, но, узнав, что вы здесь, решили остаться, чтобы приветствовать вас.

– Конечно, кузен Вольдемар, – подтвердила Ванда, обворожительно улыбаясь, и с самой грациозной непринужденностью протянула ему руку.

Нордек поклонился своей прекрасной кухне очень официально. Он, по-видимому, не заметил протянутой руки и не услышал любезного родственного обращения, так как, не ответив на него ни слова, обратился к Моринскому:

– Надеюсь, вы уезжаете не из-за меня, граф! Пока я – тоже гость моей матери, и мы в одинаковом положении.

Граф был очень приятно удивлен подобной вежливостью, которой, вероятно, не ожидал от своего племянника, и ответил очень любезно, тогда как Ванда молчала, плотно сжав губы. Она сочла подходящим встретить молодого родственника со всей непринужденностью светской дамы, чтобы великодушно избавить его от неприятных воспоминаний, и вдруг увидела, что ее великодушие отвергнуто. Ледяной взгляд, с холодным равнодушием скользнувший по ней, доказал девушке, что Вольдемар забыл свое прежнее чувство к ней, но не простил обиды и теперь мстит за нее.

Разговор вскоре стал общим, так как княгиня и Лев тоже приняли в нем участие. В темах недостатка не было: говори-

ли о путешествиях Вольдемара, о его неожиданном приезде и т. д.

Так как была осень, то разговор вскоре коснулся охоты, являвшейся любимым развлечением всех окрестных помещиков, в котором принимали участие и дамы. В связи с охотой Лев упомянул о громадной коллекции оружия покойного Нордека и с большой похвалой отозвался о находящихся в ней ружьях. Граф Моринский начал возражать, Вольдемар же стал на сторону брата. Разгорелся спор, для разрешения которого мужчины направились в зал, где висело оружие, чтобы осмотреть, а затем испытать ружья.

– Вольдемар все тот же, – сказала княгиня, глядя ему вслед, – он проявляет интерес только тогда, когда дело касается охоты; все остальное ему безразлично. Как по-твоему, Ванда, он изменился?

– Да, – ответила девушка, – он стал каким-то слишком спокойным.

– Слава Богу, теперь его можно показать людям, без страха быть смешным и можно не бояться бешеной вспышки при самом пустом разговоре. Но с окружающими он, вероятно, все тот же, и при первой же небрежности конюха по отношению к лошадям, без сомнения, снова проявится вся дикость его нрава. Уже один его приезд – настоящая нордекская штука, – с недовольством продолжала княгиня. – Мало того, что он с последней станции пришел пешком, как какой-нибудь бродяга, так нет, увидев замок освещенным и узнав, что там

гости, он отправился к управляющему из страха, что его сейчас же потащат к гостям. Только поздно вечером он пришел в замок, и, назвав себя Павлу, велел проводить его в отведенные для него комнаты, причем строго-настрого запретил беспокоить меня. Я, конечно, через пять минут знала о его приезде, но, считаясь с его строгим приказом, должна была сегодня утром сделать вид, что мне ничего неизвестно.

– Благодаря чему мы были вынуждены остаться, – нетерпеливо заметила Ванда, – но я надеюсь, что папа скоро вернется, и мы сможем уехать.

– Не сейчас же. Оставайтесь хоть обедать.

– Нет, милая тетя, я попрошу папу сейчас же велеть запрягать. Неужели ты думаешь, что мне доставляет удовольствие видеть, как господин Вольдемар Нордек совершенно не замечает меня? Он с упорством, достойным удивления, избегал отвечать мне и ни разу не обратился ко мне ни с одним словом.

– Ну, при первой встрече ты можешь разрешить ему эту маленькую месть. Это скоро сгладится. Как ты находишь его внешность? Мне кажется, он изменился к лучшему.

– Я нахожу, что он так же несимпатичен, как и раньше, но, несмотря на это, – не знаю почему, – может быть, потому, что у него теперь лоб не закрыт волосами, – его наружность по сравнению с внешностью Льва не теряет теперь так много как раньше.

Княгиня молчала; только что, когда братья стояли рядом,

она сделала то же самое открытие. Несмотря на бесспорную красоту младшего, на которую старший не мог иметь никакой претензии, Вольдемар все же не подвергался опасности быть отодвинутым на задний план. Мать была вынуждена признать это.

– Такие богатырские фигуры всегда имеют преимущество, – заметила она, – они импонируют при первом взгляде; но это и все, у них никогда не следует искать характера или ума.

– Ты в этом уверена? – как-то странно спросила Ванда.

Вероятно, княгиня нашла этот вопрос праздным и совершенно ненужным и с изумлением посмотрела на племянницу.

– Нам обеим известно, каким целям еще должна послужить Вилица, – продолжала молодая девушка, подавив раздражение, – и ты, вероятно, согласишься, что было бы очень неудобно и опасно, если бы твоему сыну вдруг вздумалось проявлять «ум». Будь осторожна! Мне вовсе не нравится спокойствие Вольдемара и, главным образом, его лоб.

– Дитя мое, – со спокойной рассудительностью ответила тетка, – предоставь мне судить о характере моего сына. Неужели ты думаешь, что в твои двадцать лет ты обладаешь более богатым жизненным опытом, чем я? Это – Нордек, и этим все сказано.

– И этим ты ограничила свое суждение о нем. Весьма возможно, что он представляет во всем точную копию своего

отца, но лоб с резко очерченной синей жилкой на виске у него твой. Неужели ты считаешь, что он когда-нибудь не покажет, чьей матери он сын?

– Нет, – резко ответила княгиня. – То, что можно было унаследовать от меня, всецело досталось одному Льву. Не глупи, Ванда; не понимаю, как ты на основании того, что Вольдемар все еще злится на тебя, могла сделать вывод, что у него есть характер! По-моему, это доказывает как раз противное. Другой на его месте был бы благодарен за то, что ты хотела помочь ему избежать неприятных воспоминаний, и с такой же непринужденностью отнесся бы к невесте своего брата.

– Вольдемар уже знает?

– Конечно! Ведь Лев сообщил ему это.

– А как он воспринял это известие?

– С безграничным равнодушием. Он очень быстро покончил со своим юношеским увлечением тобой, но до сих пор с мальчишечьим упорством цепляется за мнимую «обиду». Неужели же ты хочешь, чтобы я после этого считала, что у него есть «характер»?

Ванда с нескрываемым раздражением поднялась с места.

– Вовсе нет, но я не хочу иметь дело с его упорством, а потому ты нас извинишь, милая тетя, если мы покинем Вилицу. Я, во всяком случае, ни за что не останусь, а папа, вероятно, не захочет отпустить меня одну, так что через час мы уедем.

Все возражения княгини были тщетны; ей пришлось только лишний раз убедиться, что ее племянница не хуже нее самой умела поставить на своем, и полчаса спустя был подан экипаж, который увез графа и его дочь в Раковиц.

Глава 13

После приезда молодого хозяина прошло несколько недель, но в Вилице не произошло никаких существенных перемен. Его присутствие почти не было заметно; как и предвидела княгиня, его очень редко можно было видеть в замке, так как он целыми днями бродил по лесу. Страсть к охоте, казалось, снова овладела им с прежней силой и оттесняла все остальное на задний план. Даже за столом Вольдемар появлялся очень редко; охотясь, он забирался обычно так далеко, что бывал вынужден зайти к какому-нибудь арендатору или лесничему; домой он возвращался поздно, проводил вечера в своей комнате вместе с Фабианом и появлялся в салоне своей матери только в необходимых случаях.

Лев уже с первых дней отказался сопровождать брата, потому что, действительно, оказалось, что они совершенно по-разному относились к охоте. Молодой князь был здесь, как и во всем остальном, горяч, смел, но невыдержан. Он отстреливал все, что ему попадалось под руку, презирал все препятствия и находил большое удовольствие, когда охота принимала опасный характер. Вольдемар же, наоборот, с неутомимой выдержкой мог целыми днями преследовать дичь, которую себе наметил, забывая об отдыхе и еде. Лев очень быстро стал находить все это утомительным, скучным и неудобным, а, заметив, что брат предпочитает уединение,

с удовольствием предоставил его самому себе.

Собственно говоря, о какой-нибудь совместной жизни Вольдемара с матерью и братом не могло быть и речи, хотя они ежедневно виделись и говорили друг с другом. Молодой Нордек был все таким же необщительным, как и раньше, а его замкнутость еще больше усилилась. Княгиня была очень довольна, что он вполне оправдал ее предположения и даже оказался податливее, чем ожидали; так, например, он даже согласился нанести визит в Раковиц; благодаря этому общение между обоими замками стало оживленнее, чем когда-либо, и граф Моринский очень часто приезжал с дочерью в Вилицу. Единственно, что иногда сердило княгиню, это отношения между ее старшим сыном и Вандой, которые оставались холодными, принужденными и даже враждебными. Однажды она попробовала выступить посредницей, но безуспешно, и, наконец, отказалась от мысли «исправить» этих упрямец; да, в общем, это не имело никакого значения, так как по отношению к самому графу Моринскому Вольдемар проявлял такую любезность и предупредительность, на какую только была способна его неприветливая натура.

Ввиду стоявшей хорошей погоды в Вилице снова была назначена охота, на которую собирались обычно все окрестные помещики. На разосланные приглашения и на этот раз были получены утвердительные ответы, и собравшееся общество, состоявшее исключительно из окрестного польского дворянства, было даже многочисленнее чем всегда. Княгине было

очень приятно, что в данном случае ей не приходилось считаться с желаниями сына. Вольдемар до сих пор не был знаком ни с кем из окрестных жителей, а также избегал знакомства с чиновниками и офицерами, квартировавшими в Л., чего так боялась княгиня. В этих кругах решили, что молодой Нордек примкнул к Баратовским и всецело находится во власти своей матери, старательно отстраняющей всякий чуждый элемент.

На этот раз общество выехало на охоту очень поздно, так как с утра стоял такой густой туман, что в нескольких шагах нельзя было ничего различить. Пришлось изменить программу дня, завтракать дома, а не в лесу, как предполагалось, и выехать только около полудня, когда погода прояснилась.

Мужчины и молодые дамы, также принимавшие участие в охоте, собираясь выехать, прощались с княгиней, стоявшей вместе со Львом посередине зала. Тот, кому было незнакомо действительное положение дел, без сомнения, принял бы молодого князя за хозяина Вилицы, так как он являлся центром внимания всего общества, тогда как Вольдемар одиноко стоял около окна, разговаривая с Фабианом, который не принял участия в охоте и остался в замке.

Поведение молодого хозяина никого не удивляло, так как он всегда добровольно выбирал второстепенную роль и, по видимому, сам считал себя гостем своей матери; поэтому все скоро привыкли не обращать на него внимания. С ним веж-

ливо здоровались и прощались, внимательно слушали, когда он снисходил до участия в разговоре, и даже приносили ему жертву, разговаривая в его присутствии по-немецки.

– Только, пожалуйста, Лев, не скажи так безумно, – предостерегала княгиня, обнимая младшего сына. – Ты и Ванда всегда состязаетесь во всевозможных отчаянных выходках. На этот раз я серьезно прошу об осторожности. – Затем она обернулась к подошедшему к ней старшему сыну и с холодной любезностью протянула ему руку. – До свидания, Вольдемар, сегодня ты, вероятно, в своей родной стихии?

– Вовсе нет, подобная парадная охота, когда весь лес наполнен загонщиками и охотниками, не в моем духе.

– Вольдемар доволен только тогда, когда он наедине со своим любимым ружьем, – со смехом произнес Лев. – Я подозреваю, что ты умышленно потащил меня в самую густую чащу и водил по самым непроходимым болотам, чтобы поскорее отделаться от меня. Я вовсе не неженка, но в данном случае мне было вполне достаточно тех лишений и трудностей, которые я испытал, и которые ты называешь «удовольствием».

– Я же с первого дня сказал тебе, что наши вкусы в данном случае расходятся, – равнодушно проговорил Вольдемар, когда они вместе сходили с лестницы.

Часть общества уже собралась на большой лужайке перед замком; граф Моринский с дочерью также находились там. Все мужчины любовались великолепной лошадью Нордека,

присланной ему только третьего дня, и единогласно решили, что в этом отношении у него очень хороший вкус.

– Чудный конь! – сказал граф, похлопывая животное по шее. – Вольдемар, неужели это тот же самый Норман, на котором вы ездили тогда в Ц.? Павел чуть не умирал со страха всякий раз, когда ему приходилось держать его, так как он никого не подпускал к себе, а теперь он стал таким кротким.

Вольдемар, только что вышедший из замка вместе со своим братом, подошел к этой группе.

– Норман был тогда еще очень молод, – ответил он, – и только первый год ходил под седлом. С тех пор он должен был привыкнуть к спокойствию, так как и я тоже отучился от безумной скачки. Что же касается кротости, то спросите Льва: он почувствовал ее вчера, когда хотел сесть на Нормана.

– Черт, а не лошадь! – с досадой воскликнул Лев, – ты, вероятно, специально выдрессировал его так, чтобы он начал бесноваться, как только кто-нибудь чужой захочет вдеть ногу в стремя. Но я все-таки заставлю его слушаться.

– Оставь это! Норман слушается только меня, ты его не усмиришь, я думал, что ты уже вчера убедился в этом.

Яркая краска залила лицо молодого князя; он поймал взгляд Ванды, повелительно требовавшей от него, чтобы он опроверг утверждение своего брата; однако возражения не последовало, но этот взгляд все-таки задел Льва и был, вероятно, причиной запальчивости, с которой он ответил:

– Если тебе доставляет удовольствие так дрессировать свою лошадь, чтобы она не давала никому садиться на нее, то это – твое дело, своего Вальяна я не обучал таким штукам, – и он указал на прекрасного рыжего жеребца, которого конюх держал под уздцы. – Но ты, вероятно, тоже не справишься с ним, как и я с твоим Норманом? Не хочешь ли попробовать?

– Нет, – спокойно ответил Вольдемар, – твоя лошадь иногда очень непослушна и капризна; ты разрешаешь ей различные выходки, которых я не допускаю. Мне пришлось бы проучить ее, а это – твой любимец; я знаю, как ты к нему привязан.

– Но ведь это была бы только проба, господин Нордек, – вмешалась Ванда (она уже после первой встречи отбросила «кузена Вольдемара»). – Мне кажется, что вы ездите верхом почти так же хорошо, как и Лев.

Ни один мускул не дрогнул на лице Вольдемара при этом выпаде со стороны молодой графини; он оставался совершенно спокойным.

– Вы очень добры, графиня Моринская, – ответил он.

– О, я вовсе не хотела обидеть вас, – заявила Ванда тоном, который был еще оскорбительнее, чем перед тем ее «почти». – Я была уверена, что немцы ездят довольно хорошо, но все-таки они не могут сравниться с нашими наездниками.

Нордек, ничего не ответив на это, обратился к брату:

– Не уступишь ли ты мне сегодня своего Вальяна?

– Согласен, – с горящими глазами ответил Лев.

– Не делайте этого, Вольдемар! – вмешался Моринский, которому вся эта история была, по-видимому, неприятна. – Вы были совершенно правы: лошадь непослушна и с большим норовом; самому лучшему всаднику, не привыкшему к ней, ни за что не справиться с ней; она обязательно вас сбросит.

– Ну, попробовать все-таки можно, – бросила Ванда, – конечно, если господин Нордек не боится подвергнуться опасности.

– Не беспокойтесь, – ответил Вольдемар графу, бросившему недовольный взгляд на дочь, – я сяду на лошадь; видите, графиня Моринская непременно желает... видеть меня сброшенным. Пойдем, Лев!

– Помилуй, Ванда, – шепнул Моринский дочери, – между тобой и Вольдемаром возгорается настоящая вражда; ты все время дразнишь его.

Молодая графиня раздраженно ударяла хлыстом по складкам своей бархатной амазонки.

– Ошибаешься, папа, этот Нордек никому, а тем более мне, не позволит дразнить себя.

– Так зачем же ты все время нападаешь?

Ванда ничего не ответила; отец был прав, она не упускала ни единого случая, чтобы не подразнить брата.

Другие гости также насторожились; они знали Нордека как хорошего наездника, но считали вполне установленным, что он не сможет тягаться с молодым князем.

Оба брата уже стояли около Вальяна; стройная, горячая лошадь нетерпеливо взрывала копытами землю и своим беспокойством доставляла много хлопот конюху. Лев взял поводья и сам держал коня, пока его брат садился на него. Его глаза светились глубоким удовлетворением, он знал своего Вальяна; отпустив его, он отошел в сторону.

Действительно, лошадь, почувствовав, что повод в чужих руках, сейчас же начала проявлять свой нрав. Она становилась на дыбы, била ногами и всеми силами старалась сбросить всадника; однако тот сидел как пригвожденный, оказывая порывистой страстности коня спокойное, но энергичное сопротивление, и тот, наконец, покорился своей судьбе. Но этим покорность Вальяна и ограничилась; несмотря на все старания Вольдемара, он не двигался с места и только все больше и больше горячился. Терпение всадника истощилось, он поднял хлыст и с силой ударил упрямое животное. Эта непривычная строгость привела избалованного коня в бешенство. Он сделал такой прыжок, что все стоявшие рядом отскочили в сторону, и затем стрелой помчался через лужайку по большой аллее, ведущей к замку. Эта скачка представляла собой ожесточенную борьбу между конем и всадником. Вальян делал все возможное, чтобы выбить его из седла, и если Вольдемар оставался в нем, то лишь с опасностью для своей жизни.

– Лев, положи конец всему этому! – с беспокойством сказал Моринский своему племяннику, – Вальян успокоится,

если ты подойдешь к нему. Уговори брата сойти, иначе может произойти несчастье.

Лев, скрестив руки на груди, смотрел на эту борьбу, не обнаруживая никакого намерения вмешиваться в нее, и холодно ответил, что если он умышленно бесит лошадь, то пусть и терпит последствия этого; он же знает, что она не выносит строгости.

В эту минуту Вольдемар возвратился; он остался в седле, и ему даже удалось вынудить лошадь держаться известного направления, но о покорности не могло быть и речи, так как Вальян быстрыми неожиданными поворотами все еще старался сбросить всадника. В ответ на это последний так безжалостно работал хлыстом и шпорами, что Лев вышел из себя. Он оставался совершенно спокойным, когда опасность угрожала брату, но не мог видеть плохого обращения со своим любимцем.

– Вольдемар, перестань! – гневно воскликнул он, – ты испортишь мне лошадь. Мы все видели, что Вальян не сбросил тебя. Оставь, наконец, его в покое.

– Сначала я научу его послушанию!

В голосе Вольдемара слышалась дикая ярость, и слова Льва возымели лишь то действие, что он при втором круге стал обращаться с лошадью еще безжалостнее, чем раньше. При третьем круге она, наконец, покорилась воле всадника и послушно остановилась около замка.

Нордек соскочил на землю: его окружили мужчины;

в комплиментах и похвалах его искусству недостатка не было; один Лев не произносил ни слова; он молча гладил дрожащую, потную лошадь, на блестящей шерсти которой выступили капли крови – это были следы шпор Вольдемара.

– Вы проявили громадную волю. Вальян, наверное, не скоро забудет эту скачку, – с усилием произнес Моринский.

Вольдемар уже овладел своим волнением, и о нем свидетельствовала только вздущаяся жилка на виске, когда он возразил:

– Да ведь я должен был оправдать слова графини Моринской, что езжу верхом почти так же хорошо, как и Лев.

Ванда стояла возле молодого князя; ее лицо имело такое выражение, как будто она сама потерпела поражение, за которое должна была жестоко отомстить; ее темные глаза угрожающе сверкнули.

– Я очень сожалею, что из-за моих неосторожных слов бедный Вальян подвергся такому ужасному обращению, – задыхаясь, ответила она. – Благородное животное вовсе не привыкло к этому.

– А я не привык к такому сопротивлению, – резко ответил Вольдемар. – Не моя вина, что лошадь слушается только хлыста и шпор, а она должна была послушаться.

Лев положил конец этому разговору, очень громко и демонстративно приказав конюху отвести лошадь, которая «еле держится на ногах», в конюшню, окружить ее там заботливым уходом, а ему скорее оседлать и привести другую.

Граф Моринский подошел к племяннику и отвел его в сторону.

– Успокойся, Лев! – тихо, но внушительно произнес он, – не показывайся гостям с таким лицом! Ты, кажется, ищешь ссоры с братом?

– А почему бы и нет? – произнес молодой князь. – Разве он не выставил меня на посмешище всему обществу своим бестактным рассказом о Нормане? Разве он не загнал до полусмерти моего Вальяна? И все это только ради пустого хвастовства?

– Хвастовства? Опомнись! Ведь ты сам предложил ему попробовать сесть на лошадь; ведь он отказывался!

– Он хотел показать всем, что является прекрасным наездником, тогда как тут все дело в грубой силе. Как будто кто-нибудь отнимает у него это! Говорю тебе, дядя, если он еще раз поставит меня в такое глупое положение, то мое терпение лопнет, будь он хоть десять раз хозяином Вилицы.

– Будь осторожней! – предостерегающе заметил граф. – Ты и Ванда привыкли считаться исключительно с личными побуждениями. Как только дело касается Вольдемара, я не могу добиться от вас ни малейшей сдержанности.

– Ванда хоть имеет возможность открыто показывать свою неприязнь, – проворчал Лев, – тогда как я...

Привели оседланную лошадь, и все отправились в путь. К счастью, охота держала братьев на отдалении друг от друга, иначе раздражение Льва все-таки могло бы стать причиной

какого-нибудь столкновения.

Вольдемар был вполне прав, питая нелюбовь к «парадной охоте». Весь лес был наполнен загонщиками и охотниками; последние в элегантных костюмах скакали возле своих дам на горячих изящных лошадях, за ними неся целый штат слуг, трубивших в рога, и с громким лаем мчались собаки.

Туман рассеялся, и погода не оставляла желать ничего лучшего. Само собой разумеется, общество стремилось навестить упущенное, и, несмотря на то, что короткий ноябрьский день уже склонялся к вечеру, не думало заканчивать охоту, которая была очень удачной.

На небольшом расстоянии от домика лесничего, который был назначен сборным пунктом, расстилалась большая лужайка, как бы затерявшаяся в чаще. Под одним из деревьев, далеко простиравших свои ветви над этой лужайкой, стояла Ванда Моринская. Ее уединение было, очевидно, добровольным – она не могла заблудиться, потому что шум охоты был слышен по всему лесу, к тому же лесничество, где молодая графиня, по-видимому, оставила свою лошадь, было совсем близко. Прислонившись к стволу, она пристально смотрела в воду и, по-видимому, не замечала окружающей обстановки. Ее мысли витали где-то далеко, она, казалось, боролась с каким-то неприятным чувством, но по глубокой складке на лбу и капризно надутым губкам можно было заключить, что это чувство было не так-то легко побороть. Шум охоты все больше и больше удалялся и, наконец, в лесу наступила

полная тишина.

Уже довольно много времени Ванда стояла совершенно неподвижно, как вдруг совсем близко от нее послышался шорох. Молодая девушка с недовольством обернулась, желая узнать причину шума; в этот момент кусты раздвинулись, и из них появился Вольдемар. Увидев графиню, он несколько опешил; неожиданная встреча была ему, по-видимому, так же неприятна, как и ей, но отступить было уже поздно. Поэтому он слегка поклонился и произнес:

– Я не предполагал, что вы не участвуете в охоте. Вы ведь известны как неумолимая охотница.

– Я могу ответить вам тем же. Почему именно вы не участвуете в последнем загоне?

– С меня вполне достаточно. Шум и суета подобной охоты лишают меня всякого удовольствия, мне не хватает лесной тишины и уединения.

Это было именно то, чего недоставало Ванде, и чего она искала здесь, но она, конечно, не хотела сознаваться в этом и спросила:

– Вы из лесничества?

– Нет, я только отправил туда своего Нормана. Охота, вероятно, скоро кончится и на обратном пути пройдет здесь, да и место сбора недалеко отсюда.

– А что мы будем делать до тех пор?

– Будем ждать, – лаконично ответил Вольдемар, снимая ружье.

Это «будем ждать» было произнесено так уверенно, как будто он не сомневался, что Ванда останется здесь. Складка на лбу молодой графини стала еще глубже; ей очень хотелось сейчас же вернуться в лесничество, но она тут же решила, что Вольдемар должен сам уступить ей место, где так непрошено нарушил ее уединение. Однако молодой Нордек, по-видимому, вовсе не собирался уходить; он прислонил ружье к дереву и, скрестив руки, осматривал местность.

Молодая графиня мрачно смотрела на его лицо, как бы желая что-то в нем разгадать. Он, видимо, почувствовал этот взгляд, так как неожиданно повернулся к ней и равнодушно проговорил:

– В подобном осеннем пейзаже все-таки есть что-то тоскливое.

– Но, тем не менее, он имеет свою поэзию. Вы этого не находите?

– Я? – резко спросил он. – Я никогда ничего не понимал в поэзии; ведь вы, кажется, знаете это, графиня.

– Да, я знаю это, – таким же тоном ответила она. – Но бывают моменты, когда она невольно приходит к каждому.

– Романтическим натурам – может быть, нашему же брату приходится стараться прожить свой век без поэзии, терпеть так или иначе.

– Как спокойно вы это говорите! Кажется, раньше терпение было вам не свойственно. Я нахожу, что вы очень изменились в этом отношении.

– Нельзя же всю жизнь оставаться необузданным мальчишкой. Или вы думаете, что я не могу забыть мальчишеские глупости?

Ванда закусила губы; он прекрасно доказал ей, что может забыть эти глупости.

– Я не сомневаюсь в этом, – холодно промолвила она, – и считаю даже, что вы способны на многое другое, чего не находите нужным показывать.

Вольдемар насторожился и в течение нескольких мгновений пристально и испытующе смотрел на молодую девушку, но затем спокойно ответил:

– В таком случае ваш взгляд противоречит мнению всей Вилицы, где все довольно единогласно считают меня совершенно безвредным.

– Потому что вы непременно хотите показать себя таким. Я этому не верю.

– Вы очень добры, – с нескрываемой иронией произнес Вольдемар, – но я нахожу жестоким с вашей стороны отнимать у меня единственную заслугу, которую я имею в глазах моей матери и брата – быть безобидным и незначительным.

– Если бы тетя слышала тон, которым вы говорите это, то она, вероятно, изменила бы свое мнение, – заявила Ванда, задетая насмешкой. – До сих пор мои взгляды не встречали поддержки.

– Так оно и останется, – заметил Вольдемар. – Меня считают неутомимым охотником, а с сегодняшнего дня, может

быть, станут признавать и неплохим всадником, и ничем больше.

– Разве вы на самом деле охотитесь, когда целый день бродите с ружьем и ягдташем? – спросила молодая графиня, пристально посмотрев на Вольдемара.

– А что же я делаю, по-вашему?

– Не знаю, мне кажется, что вы производите очень основательную ревизию Вилицы. В ваших владениях нет ни одного лесничества, ни одной деревни, ни одного самого отдаленного хутора, в котором бы вы не побывали; вы посетили даже все фольварки³, отданные в аренду. Вы очень редко появляетесь в гостиных своей матери и играете в них лишь второстепенную роль, но из того, что там происходит, от вас не укрывается ни одно слово, ни один взгляд, одним словом – ничего. Вы, по-видимому, не обращаете никакого внимания на наше общество, а, тем не менее, нет ни одного человека, которого вы не осмотрели бы, и который не подвергся бы вашей критике.

Ванда высказала все это с уверенностью и определенностью, рассчитанной на то, чтобы привести Нордека в замешательство, и действительно, в данный момент он не знал, что ответить. Он стоял с мрачным лицом и сжатыми губами и явно боролся со своей досадой. Однако его не так-то легко было сбить с толку. Когда он снова поднял глаза, его лоб был еще нахмурен, но в голосе слышалась лишь язвительная

³ Фольварк (польск.) – отдельное поселение, усадьба, хутор.

насмешка:

– Вы совсем сконфузили меня, графиня, только что доказав мне, что с первого же дня моего пребывания здесь я был предметом вашего постоянного наблюдения и исключительного внимания; это, право, гораздо больше, чем я заслужил!

Ванда была вне себя; она бросила гневный взгляд на смельчака, решившегося с такой уверенностью отпарировать ее удар.

– Я нисколько не отрицаю, что наблюдала за вами, – гордо ответила она, – но вы, вероятно, сами знаете, господин Нордек, что интерес к вашей особе тут не играет совершенно никакой роли.

– Вы совершенно правы; я вовсе не предполагаю в вас никакого интереса к моей особе; от этого подозрения с моей стороны вы полностью гарантированы.

Ванда сделала вид, что не понимает его намека, но, тем не менее, старалась избегать его взгляда.

– Вы, по крайней мере, можете засвидетельствовать, что я была откровенна, – продолжала она, – ваше дело теперь подтвердить или опровергнуть мои наблюдения.

– А если я не желаю отвечать вам?

– Значит, я была права и серьезно постараюсь убедить тету, что ее сын вовсе не так безопасен, как она думает.

Насмешливая улыбка снова заиграла на губах Вольдемара, когда он ответил:

– Ваше мнение, может быть, имеет большое значение, гра-

финя, но, во всяком случае, вы – не дипломат, иначе были бы осторожнее в своих выражениях. «Безопасен»! Это слово наводит на размышления.

Молодая девушка невольно вздрогнула.

– Я только повторяю ваше собственное выражение, – сказала она, быстро овладев собой.

– А, это другое дело! А я уж подумал, что в Вилице творится что-то такое, чему мешает мое присутствие.

Ванда не ответила; она убедилась теперь, как была безгранично неосторожна. Разговор в этом направлении продолжать было нельзя, а потому она приняла быстрое решение и энергично разорвала сеть, которой опутала себя по собственной неосмотрительности!

– Оставьте насмешки! – сказала Ванда, в упор посмотрев на Нордека своими большими темными глазами. – Я ведь прекрасно знаю, что они относятся не к делу, о котором идет речь, а исключительно ко мне. Вы заставляете меня коснуться предмета, который я давно предала бы забвению, если бы вы постоянно не напоминали мне о нем. Оставим открытым вопрос о том, насколько подобное поведение является «рыцарским», но вы, вероятно, чувствуете так же хорошо, как и я, что оно поставило нас в положение, которое начинает становиться невыносимым. Я вас оскорбила, и вы до сегодняшнего дня не простили мне этого. Ну, хорошо... – она на мгновение остановилась и глубоко вздохнула, – я была права и теперь это признаю. Довольно вам этого?

Это было своеобразное извинение, а манера, с которой оно было произнесено, была еще своеобразнее. В ней выражалась вся гордость женщины, которая прекрасно осознает, что для нее не является унижением, если она снисходит просить прощения у человека за то, что сделала его игрушкой своего каприза. Однако ее слова произвели совершенно другое действие, чем она ожидала. Вольдемар отступил на шаг, и его глаза впились в ее лицо.

– Вот как! – медленно произнес он, выделяя каждое слово, – я не знал, что Вилица имеет такое важное значение для вашей партии.

– Вы думаете? – запальчиво, воскликнула графиня.

– Я думаю, что однажды я очень дорого заплатил за то, что являюсь владельцем этих имений, – перебил ее Нордек, причем по тону его голоса было слышно, что его терпение лопается, – тогда речь шла о том, чтобы приобрести Вилицу, теперь нужно во что бы то ни стало удержать ее. – Но только вы забыли, что я больше не прежний неопытный мальчик. Вы сами, графиня, открыли мне глаза, и теперь уж я буду держать их открытыми, даже не взирая на опасность получить упрек в «не рыцарских» поступках.

Ванда побледнела как смерть, ее рука судорожно мяла складки бархатной амазонки.

– Довольно! – сказала она, стараясь овладеть собой, – я вижу, вы не желаете примирения и, чтобы сделать его невозможным, прибегаете к оскорблению. Прекрасно! Я прини-

маю предложенную мне вражду!

– Ошибаетесь, – спокойнее ответил Вольдемар, – я не предлагаю вам вражды; это было бы совсем не «по-рыцарски» по отношению... к невесте моего брата.

Ванда вздрогнула; странно, это слово поразило ее как болезненный удар; она невольно опустила глаза.

– Я до сих пор не поздравил вас, – продолжал Вольдемар, – и прошу принять мое поздравление сегодня.

Ванда молча кивнула головой. Она сама не знала, что скривило ее уста.

Воцарилось молчание, только свист ветра и шелест сухих листьев нарушали тишину. Уже начало смеркаться, и со всех сторон на сырой лужайке поднимался густой туман, из которого как будто выплывали, сменяя друг друга, тысячи различных фигур и образов. В этом море тумана медленно вырисовывались старые буки, синие волны, из которых поднимался сказочный город с его несметными сокровищами, а из глубины моря мощно звучали волшебные колокола Винеты.

Молодой человек первым прервал молчание; он провел рукой по лбу и произнес:

– Не лучше ли нам вернуться в лесничество? Уже смеркается.

Ванда сразу же согласилась; она, во что бы то ни стало, хотела положить конец этому пребыванию наедине, так как больше не хотела видеть того, что ей мерещилось в море тумана.

Она подобрала свою амазонку, собираясь идти. Вольдемар вскинул ружье на плечо, но вдруг остановился.

– Я оскорбил вас своим подозрением; может быть, я был неправ. Но... будьте откровеннее... разве извинение, до которого вы снизились, относилось к Вольдемару Нордеку? Вернее, к владельцу Вилицы, с которым ищут примирения, чтобы он не обращал внимания на то, что творится в его владениях.

– Значит, вы знаете? – перебила его подавленная Ванда.

– Достаточно, чтобы снять с вас всякую заботу о том, что вы только что были неосторожны. Неужели же меня считают таким ограниченным и думают, что я один не буду знать того, о чем говорят даже в Л., а именно что Вилица является центром партийной деятельности, во главе которой стоит моя мать. Вы спокойно можете согласиться с тем, что уже знает вся окрестность и что было мне известно, прежде чем я приехал сюда.

Ванда молчала и тщетно старалась прочесть на лице Вольдемара, что именно ему известно.

– Не об этом речь, – снова начал он, – я просил дать ответ на мой вопрос. Был ли этот поступок добровольным или же... являлся исполнением возложенного поручения? Ванда, не негодуйте так, вы должны простить мне, если я недоверчиво отношусь к приветливости с вашей стороны.

Молодая графиня, наверное, сочла бы эти слова за новое оскорбление, если бы в них не было бы чего-то, что обезору-

живало ее. Голос Вольдемара звучал теперь как-то совсем иначе, и Ванда даже слегка вздрогнула, когда он в первый раз назвал ее по имени.

– Если моя тетка когда-то без моего ведома пользовалась мной для осуществления своих планов, упрекайте ее, а не меня, – тихо ответила Ванда, – я ни о чем не подозревала. Теперь же, – она гордо подняла голову, – я сама отвечаю за свои поступки, и то, что сделала – сделала по своему собственному усмотрению. Вы правы, извинение не относилось к Вольдемару Нордеку, так как он со времени своего приезда не давал мне повода искать или даже желать примирения с ним. Я хотела заставить владельца Вилицы поднять забрало; теперь мне этого больше не нужно. С сегодняшнего дня я знаю то, о чем до сих пор только подозревала. В вашем лице мы имеем озлобленного и беспомощного противника, который в решительный момент воспользуется своей властью, если бы ему даже пришлось попать все родственные узы.

– С кем же меня должны связывать эти узы? – мрачно спросил Вольдемар, – с матерью? Она теперь менее чем когда-либо может простить мне, что наследником богатств моего отца являюсь я, а не младший сын... Со Львом? Возможно, что между нами существует нечто вроде братской любви, но я не думаю, чтобы она оказалась прочной, в случае, если наши интересы столкнутся.

– Лев охотно относился бы к вам как к брату, если бы вы не сделали это невозможным, – перебила его Ванда. – Вы

всегда были неприступны, но раньше все же бывали минуты, когда он мог быть вам ближе. Теперь же он должен был бы поплатиться своей гордостью, если бы попытался разрушить ту ледяную холодность, которую вы проявляете по отношению ко всему, что окружает вас здесь. Было бы совершенно напрасно, если бы мать или брат с любовью пошли вам навстречу; они все равно не нашли бы в вашей душе отклика.

– Вы судите совершенно правильно и беспощадно, – медленно произнес Нордек. – Но спросили ли вы хоть раз, что сделало меня таким? Было время, когда я был другим, по крайней мере, по отношению к вам; когда вы могли управлять мной одним взглядом, одним словом, когда я терпеливо подчинялся даже вашим капризам. Вы могли сделать со мной многое, может быть – даже все. Что вы этого не хотели, что вы предпочитали моего брата, было, пожалуй, естественно... что бы вы стали делать со мной?! Но вы должны понять, что это произвело переворот в моей жизни. Теперь я считаю за счастье, что мои юношеские мечты были разрушены, а то моя мать, вероятно, захотела бы повторить драму, которая разыгралась много лет тому назад, когда один из Нордеков женился на Моринской. Может быть, вы подчинились бы этому семейному желанию, а меня постигла бы та же участь, что и моего отца. Судьба оградила нас от этого, и теперь все предано забвению; я хотел только напомнить вам, что вы не имеет никакого права упрекать меня в суровости. Разрешите теперь проводить вас до лесничества?

Ванда молча выразила свое согласие.

Они по-прежнему расстались врагами, но оба почувствовали, что борьба между ними приняла другое направление, хотя, быть может, не стала благодаря этому менее ожесточенной.

Глава 14

Обе комнаты, занимаемые Фабианом, окнами выходили в парк и были изолированы от остальных помещений замка. Когда княгиня приказала приготовить для сына комнаты своего умершего мужа, которые до тех пор пустовали, бывшему воспитателю была выделена маленькая, прилежавшая к ним комнатка, которая, на ее взгляд, была вполне подходящей для доктора. Однако Вольдемар сразу же после своего приезда нашел это помещение никуда не годным, велел открыть расположенные в другом конце замка комнаты для гостей и выбрал две из них для Фабиана, причем коридор сразу же был заперт, чтобы его не беспокоила беготня прислуги. Случилось так, что именно эти комнаты были специально подготовлены для графа Моринского и его дочери, которые нередко неделями жили в Вилице.

Узнав об этом, княгиня ни слова не сказала сыну, так как взяла себе за правило никогда не противоречить ему в мелочах. Она тотчас же велела приготовить для брата другое помещение, но результатом явилось то, что она очень немилостивыми глазами смотрела на невольную причину всего – Фабиана. Конечно, она не высказывала этого, потому что весь замок очень быстро узнал, что Вольдемар был очень требователен ко всему, что касалось Фабиана. Это была единственная сфера, в которой он проявлял свои хозяй-

ские права, благодаря чему все, начиная с княгини и кончая прислугой, очень внимательно относились к доктору. Да это было и нетрудно по отношению к скромному, тихому, всегда вежливому человеку. Фабиана видели очень мало; он редко выходил к столу, целыми днями сидел за книгами, а вечера проводил у своего бывшего воспитанника, с которым был, по-видимому, в очень хороших отношениях.

У Фабиана были гости, что являлось чрезвычайно редкостным событием. Рядом с ним на диване сидел не кто иной, как ассессор Губерт из Л., явившийся на этот раз, по-видимому, с совершенно миролюбивыми намерениями и без всяких мыслей об аресте. То печальное недоразумение и положило начало знакомству. Фабиан являлся единственным утешителем несчастного ассессора, когда это дело получило огласку. История о предполагавшемся аресте владельца Вилицы облетела весь город и стала известна в замке (Вольдемар сам рассказал ее княгине) и во всей окрестности. Бедный Губерт никуда не мог показаться, чтобы не подвергнуться насмешкам и не выслушать различных намеков. Он на следующий же день явился к Вольдемару с извинением, но не застал его, и тут-то Фабиан и проявил свое великодушие. Он принял совсем уничтоженного Губерта, утешил его по мере сил и взялся передать его извинение Вольдемару.

Губерт вбил себе в голову во что бы то ни стало исправить все это недоразумение и доказать всем свой необычайный ум. Он решил непременно изловить каких-нибудь на-

стоящих заговорщиков, и главное внимание было обращено на Вилицу, неблагонадежность которой была хорошо известна в Л.

Обо всем этом ассессор, само собой разумеется, и не заикнулся Фабиану. Последний, конечно, не должен был заметить, что визит Губерта был главным образом вызван его горячим желанием проникнуть в замок, и надо было также найти подходящий предлог для этого визита, так как ассессор встречался с Фабианом у управляющего и мог говорить с ним там.

– У меня к вам большая просьба, доктор, – начал Губерт после различных приветствий и предисловий. – Не согласитесь ли вы сделать небольшое одолжение, собственно, не для меня, а для семьи Франка? В качестве бывшего наставника господина Нордека вы, вероятно, владеете французским языком?

– Да, я говорю по-французски, но в последние годы не имел практики. Господин Нордек не любит этого языка, а здесь из вежливости к нему говорят только по-немецки.

– Да, да, вот именно практики-то и не хватает дочери господина Франка; она очень мило говорила по-французски, когда несколько лет тому назад вернулась из пансиона, но здесь, в деревне, все больше забывает этот язык. Поэтому я хотел бы просить вас иногда почитать или поговорить с этой молодой особой, чем вы меня крайне обяжете.

– Вас, господин ассессор? – с изумлением спросил Фаби-

ан. – Должен сознаться, меня несколько удивляет, что подобное предложение исходит от вас, а не от господина Франка или самой барышни.

– Это имеет свои причины, – с достоинством проговорил Губерт. – Может быть, вы уже заметили, да я и не делаю из этого никакой тайны, что имею известные намерения и желания, которым в ближайшем будущем, по всей вероятности, суждено будет осуществиться. Одним словом... я считаю фрейлейн Франк своей будущей невестой.

Доктор быстро наклонился, чтобы поднять лист бумаги, лежавший на полу, долго рассматривал его, хотя на нем ничего не было написано, и, наконец, сухо произнес:

– Поздравляю вас...

– О, пока я еще не могу принять поздравление, – самодовольно улыбнулся ассессор, – мы еще не объяснились, хотя я смело могу рассчитывать на ее согласие. Откровенно говоря, я хочу подождать повышения, которое надеюсь скоро получить. Надо вам сказать, госпожа Франк – очень хорошая партия.

– Неужели?

– Прекрасная партия. Управляющий, без сомнения, очень богатый человек; Маргарита и ее брат, который учится теперь в сельскохозяйственном институте, единственные дети; я могу рассчитывать на хорошее приданое, а в будущем – на значительное наследство. Да, кстати, эта молодая особа прелестна, и я ее обожаю.

– Кстати! – проговорил доктор очень тихо, но с совершенно несвойственной ему злобой.

Ассессор не слышал этого и с важностью продолжал:

– Франк ничего не жалел для образования своих детей. Его дочь воспитывалась в одном из лучших пансионатов П-а и, к моему большому удовольствию, обучалась там всевозможным наукам. Вы, конечно, понимаете, что мне в моем будущем положении необходима образованная жена, а потому я уже теперь хочу позаботиться о том, чтобы музыка и французский язык не были забыты. Поэтому, если вы будете так добры...

– С удовольствием, если господин Франк и его дочь желают этого, – сдавленным голосом проговорил Фабиан.

– Конечно, желают, но, собственно говоря, это я рассчитывал на вашу любезность, – объяснил Губерт, очевидно, очень гордившийся этой идеей. – Когда фрейлейн Франк на днях жаловалась, что совершенно забудет французский язык, управляющему пришла мысль пригласить учителя из города! Подумайте только, молодого француза, который с первого же урока начнет ухаживать за своей ученицей. У Франка голова забита только хозяйством, и он больше ни о чем не думает; но я был осторожнее и ни за что не хотел, чтобы этот галантный француз постоянно вертелся возле молодой девушки. Более пожилой господин, как вы...

– Мне тридцать семь лет, – прервал его доктор.

– О, дело не в этом, – улыбнулся Губерт, – за вас я ни-

сколько не беспокоюсь, но, право, я думал, что вы старше! Скажите, пожалуйста, зачем вы, собственно, привезли с собой столько книг? Можно посмотреть, что вы изучаете?

Губерт встал и хотел подойти к письменному столу, но Фабиан был проворнее и поспешно накрыл газетой лежавшие там книги.

– Это так, любительские работы по истории, – проговорил он, сильно покраснев.

– А, исторические! – повторил асессора – Тогда вы, вероятно, знаете известного ученого в этой области профессора Шварца? Это мой дядя. Он читает лекции в И-ском университете, где учился господин Нордек.

– Да, имею удовольствие, – смущенно произнес Фабиан, бросая быстрый взгляд на газету.

– Ну, конечно! – воскликнул асессор, – ведь мой дядя – знаменитость; мы все имеем основание гордиться этим родством.

Доктор все еще охранял свой письменный стол, как будто желая оградить его от покушений асессора. Хотя тот был слишком поглощен своим знаменитым дядюшкой, чтобы интересоваться столом какого-то домашнего учителя, однако счел своей обязанностью сказать ему любезность.

– Очень похвально, что вы увлекаетесь подобными занятиями, – снисходительно заметил он. – Боюсь только, что здесь, в замке, вам мало приходится заниматься, потому что слишком шумно; постоянно ходят взад и вперед различные

личности. Не правда ли?

– Может быть, – ответил Фабиан, не подозревая маневра Губерта, – но я ничего не замечаю. Вольдемар выбрал для меня самые тихие комнаты, потому что знает мои наклонности.

– Конечно, конечно! – Губерт подошел к окну. – Но я думал, что такое старинное здание, которому несколько сот лет, с исторической точки зрения представляет для вас интерес. Все эти залы, лестницы и коридоры! А какие погреба! Вы уже были в погребах?

– В погребах? – с крайним изумлением спросил доктор. – Нет! Что же я буду там делать?

– Я непременно пошел бы туда; я с большой любовью отношусь к таким старинным сводчатым помещениям и вообще ко всякой редкости. Кстати... громадная коллекция оружия покойного господина Нордека еще цела?

– Спросите его сына, – Фабиан пожал плечами. – Должен сознаться, я ни разу не был в оружейных залах.

– Они, вероятно, расположены в другой половине замка? По описанию Франка они мрачны и неприветливы, как вообще вся Вилица. Разве вы не слышали, как здесь бродят привидения? Вы и ночью не замечали ничего необычайного?

– Ночью я сплю, – спокойно ответил доктор.

Ассессор поднял глаза к небу; этот человек, которого судьба привела в замок, ничего не слышал и не видел, что делается вокруг него! Губерт убедился, что он ничего не добьется.

ся, а потому, сказав еще несколько любезностей, простился и вышел.

Ассессор медленно пошел по коридору; теперь он был один в этом «гнезде заговорщиков», которое среди бела дня, конечно, имело совершенно мирный и благонадежный вид. Но Губерта нельзя было провести этим видом. Вот какая-то дверь; она показалась ему подозрительной, не попробовать ли нажать на ручку? Может быть, здесь скрыт потайной ход и находится разгадка всей тайны? В крайнем случае, можно сослаться на ошибку.

Вдруг дверь отворилась, и из нее вышел Вольдемар Нордек. Праведный Боже! Губерт чуть второй раз не наскочил на самого хозяина. Один взгляд сквозь щелку убедил его, что это его спальня.

Вольдемар, холодно поклонившись, прошел мимо в комнату Фабиана. Эта встреча и появившийся в коридоре слуга отняли у Губерта охоту к дальнейшим открытиям, и ему ничего больше не оставалось, как отправиться восвояси.

Вольдемар тем временем вошел к своему наставнику, который сидел за письменным столом, приводя в порядок книги и стараясь спрятать их от любопытных глаз ассессора. Молодой хозяин подошел к столу.

– Какие новости? – спросил он. – Вы получили письма и газеты из У... Я видел это, когда посылал вам почту.

– Ах, Вольдемар, – с тоской произнес Фабиан, – зачем вы заставили меня опубликовать мои работы? Я все время про-

тивился этому, но вы не давали мне покоя, пока книга не вышла.

– Да какая же польза от нее миру, если она будет лежать запертой в письменном столе! Но что же случилось? Ведь ваша «История германистики»⁴ была встречена в высшей степени благоприятно? Ведь профессор Вебер одобрил ее, а мне кажется, его имя и мнение имеют большой вес.

– И я так думал, – ответил совершенно подавленный доктор. – Я был так доволен и так гордился похвалой из его уст, но именно это-то и дало повод профессору Шварцу – вы ведь знаете его – совершенно неслыханным образом обрушиться на мою книгу. Вот прочитайте! – и он протянул Нордеку газету.

Тот взял ее, спокойно прочитал и воскликнул:

– Очень милые дерзости! Особенно конец: «Как мы слышали, эта новая знаменитость, открытая профессором Вебером, длительное время была домашним учителем у сына одного из наших помещиков, однако его воспитание дало далеко не блестящие результаты...» – Вольдемар бросил газету на стол. – Бедный доктор, как часто вам приходится отвечать за то, что вы воспитывали такое чудовище, как я! В обществе вам ни за что не простят «домашнего учителя», если вы будете даже профессором.

– Помилуй, Бог, кто думает об этом, – со страхом воскликнул доктор, испуганный этим предположением. – Во всяком

⁴ Германистика – совокупность наук, изучающих германские языки и культуры.

случае, не я. Меня ужасно огорчает, что на меня нападают за то, что я написал скромное, строго научное сочинение, которое никого не затрагивает, никого не оскорбляет...

– И которое так прекрасно, – перебил его Вольдемар. – Я думаю, вы уже убедились в этом после того, как Вебер так энергично встал на вашу сторону. Ведь это признанный авторитет.

– Шварц – тоже авторитет.

– Да, но он известен своей нетерпимостью. И надо же было вам писать о германизме! Это ведь его специальность. Но не падайте, пожалуйста, так духом. Это недостойно вновь открытой знаменитости. Да, вот что: я только что встретил здесь гениального ассессора из Л., он выходил от вас; у управляющего я его тоже поминутно вижу. Что ему нужно здесь, в Вилице?

Фабиан смущенно посмотрел в пол.

– Не знаю, но мне кажется, что его постоянное пребывание в доме управляющего имеет личные основания. У меня он был с визитом.

– И вы, конечно, очень любезно его приняли! Доктор, вы истинный христианин; если вас ударят по одной щеке, то вы подставите другую. Я думаю, вы, ни минуты не задумываясь, оказали бы самую дружескую услугу профессору Шварцу. Берегитесь этого ассессора! Он, вероятно, опять гоняется за заговорщиками и при всей своей глупости может случайно напасть на настоящего. Здесь, в Вилице, это немудрено.

Последние слова были произнесены таким тоном, что доктор, державший в руке том своей «Истории германистики», поспешно положил его на стол.

– Вы сделали неприятное открытие? – спросил он. – Еще более неприятное, чем ожидали? Я так и думал, хотя вы мне об этом не говорили.

Вольдемар сел и подпер голову рукой.

– Вы знаете, я не люблю говорить о неприятностях, с которыми еще не справился, да, кроме того, мне нужно было еще время, чтобы сориентироваться. Кто мог поручиться, что управляющий не представляет мне всего в таком виде ради собственной выгоды, что он не преувеличивает или не искажает фактов? В таких вещах можно полагаться только на самого себя. К сожалению, каждое слово Франка подтвердилось. Я не ожидал найти здесь такой хаос.

Фабиан совсем отодвинул в сторону свои книги и газеты и с тревожным участием следил за речью Вольдемара. Мрачное выражение лица последнего, казалось, беспокоило его.

– Дядя Витольд думал, что можно издали управлять этими владениями, – продолжал Вольдемар, – и, к сожалению, воспитал меня в том же убеждении. Я никогда не любил Вилицы и привык считать своей родиной Альтенгоф. Теперь это сказывается, и я окружен изменой на своей собственной земле. Княгиня – мне мать, она и Лев всецело зависят от меня, и вот именно это и связывает мне руки. Если я доведу дело до открытого разрыва, то им придется покинуть Вили-

цу. Их единственным пристанищем будет тогда Раковиц, а я не хочу подвергать брата такому унижению. Тем не менее, нужно положить конец тому, что творится в Вилице, в особенности же в замке. Вы ничего не знаете? Мне все известно, и теперь я должен поговорить с матерью.

Наступило продолжительное молчание. Фабиан не решался возражать; он знал, что подобное выражение лица Вольдемара означало, насколько серьезна обстановка. Наконец он подошел к своему бывшему воспитаннику и, положив руку на плечо, тихо спросил:

– Вольдемар, что произошло вчера на охоте?

– На охоте? Ничего! О чем вы?

– Да вы ведь вернулись в таком ужасном настроении. Правда, я слышал за столом некоторые намеки относительно ссоры между вами и князем Баратовским.

– Пустяки, – равнодушно произнес Вольдемар, – Лев был немножко обижен тем, что я не совсем нежно обошелся с его лошадью, но это не имеет значения и все улажено.

– Тогда было что-нибудь другое?

– Да, другое.

Снова наступило молчание; затем доктор начал снова:

– Вольдемар, почему вы всегда так замкнуты? Неужели вы непременно должны переносить и переживать все сами, один?

Нордек улыбнулся, но это была безотрадная улыбка.

– Вы должны принимать меня таким, каков я есть. К чему

так беспокоиться? Разве при всех неприятностях и заботах, которые валятся на меня, нет достаточных оснований быть не в духе?

– Это не то. Таким я видел вас только один раз, тогда, в Альтенгофе, когда...

– Доктор, избавьте, пожалуйста, меня от этих воспомина-ний! – прервал его Вольдемар так резко, что Фабиан неволь-но отшатнулся; однако молодой человек тотчас же снова овладел собой. – Мне очень жаль, что вам также приходится страдать от тех неприятностей, которые доставляет мне Ви-лица, – продолжал он гораздо более мягким тоном. – Вооб-ще было слишком эгоистично с моей стороны привезти вас сюда. Вам надо было остаться в У., пока бы здесь я не привел всего в порядок.

– Я ни в коем случае не оставил бы вас одного, – заявил Фабиан.

– Это я знаю! Ну, а теперь не мучайтесь больше моими заботами, а то я буду сожалеть, что был откровенен с вами; вам довольно и своих дел. Когда будете писать профессору Веберу, кланяйтесь ему от меня, а теперь прощайте!

Вольдемар ушел.

Фабиан со вздохом посмотрел ему вслед.

– Непроницаем и тверд, что скала, как только коснешься этого вопроса. А я ведь знаю, что он до сих пор не справился с ним!

Глава 15

Был вечер того же дня. В Вилице царила полная тишина в противоположность вчерашнему вечеру, когда весь замок был полон гостей. После возвращения с охоты состоялся грандиозный ужин; он затянулся далеко за полночь, и большинство гостей уехало только рано утром. Граф Моринский и Лев поехали на охоту к одному соседнему помещику и собирались вернуться лишь через несколько дней. Ванда осталась у тетки.

Обе дамы были в гостиной одни, занавеси были уже спущены и зажжены лампы. Княгиня сидела на диване, тогда как молодая графиня беспокойно ходила взад и вперед по комнате.

– Пожалуйста, Ванда, оставь меня в покое со своими предостережениями! – сказала тетка. – Повторяю тебе, твое мнение обусловлено исключительно твоей антипатией к Вольдемару. Разве он непременно должен быть врагом всем нам лишь потому, что ты постоянно воюешь с ним?

Ванда замедлила шаги и, бросив мрачный взгляд на говорившую, ответила:

– Может быть, тетя, тебе еще придется пожалеть о том, что ты только издеваешься над моими предостережениями, я же настаиваю на своем! Ты ошибаешься в сыне. Он вовсе не так слеп и равнодушен, как все вы думаете.

– Было бы гораздо лучше, если бы ты вместо всех этих слепых предсказаний коротко и ясно сказала мне, чего именно ты боишься? – спросила княгиня. – Я не придаю значения предположениям и требую доказательств. На чем ты основываешь свои подозрения? Что, собственно, сказал тебе Вольдемар, когда ты встретила с ним вчера в лесничестве?

Ванда молчала; эта встреча в лесу, а не в лесничестве, как она нашла нужным сказать своей тетке, собственно говоря, не могла служить доказательством ее утверждений. Наконец она ответила:

– Мы говорили очень мало, но этого было достаточно, чтобы убедить меня в том, что он знает гораздо больше, чем следует.

– Возможно, – с полным спокойствием ответила княгиня, – рано или поздно это должно было случиться. Я сомневаюсь, чтобы Вольдемар сам сделал эти наблюдения, ему, наверное, нашептали все это в доме управляющего, где он бывает гораздо чаще, чем следует. Он знает то, что известно Франку и что не составляет тайны и в Л... Больше он ничего сказать не мог, потому что мы приняли соответствующие меры. Впрочем, его поведение доказывает, что все это несколько не интересует его.

– Ты не желаешь слушать, – сказала Ванда, – так пусть будущее покажет тебе, кто из нас прав. Еще одна просьба, милая тетя: ты, вероятно, ничего не будешь иметь против, если я завтра же вернусь домой?

– Так скоро? Ведь было решено, что за тобой придет твой отец.

– Я осталась здесь лишь для того, чтобы наедине поговорить с тобой по этому поводу; как я вижу, это было сделано совершенно напрасно, а потому отпусти меня домой.

– Ты знаешь, дитя мое, как я рада видеть тебя, но скажу откровенно, что после сегодняшнего обеда я ничего не имею против твоего отъезда; ты и Вольдемар не обменялись ни словом, и мне пришлось все время втягивать в разговор доктора Фабиана, чтобы избежать неловкого положения. Поэтому, если ты и в будущем не сможешь побороть себя, то, право, лучше тебе уехать.

Несмотря на немилостивый тон, которым было дано это разрешение, молодая графиня вздохнула, как будто с нее свалилась большая тяжесть, а затем быстро произнесла:

– Тогда я извещу папу, что он найдет меня в Раковице и что ему незачем делать круг, заезжая в Вилицу. Ты разрешишь мне на несколько минут воспользоваться твоим письменным столом?

Княгиня сделала утвердительный жест рукой. На этот раз она, действительно, ничего не имела против отъезда племянницы, так как ей уже надоело постоянно примирять Ванду с Вольдемаром, чтобы не произошло какой-нибудь сцены или – чего доброго – окончательного разрыва.

Ванда прошла в прилегающий рабочий кабинет тетке, отделявшийся лишь спущенной портьерой, и села к письмен-

ному столу. Не успела она написать несколько слов, как в гостиной хлопнула дверь, и послышались быстрые, уверенные шаги; тотчас же вслед за этим раздался голос Вольдемара. Молодая графиня медленно положила перо; ее присутствие здесь не было замечено, и она не сочла нужным заявлять о нем; ни одно слово, произнесенное в соседней комнате, не могло быть ею пропущено.

Увидев входящего сына, княгиня удивленно подняла голову; он никогда не приходил к ней и всегда проводил вечера в своих комнатах, в обществе доктора Фабиана. Сегодня, по-видимому, был исключительный случай, так как он сел возле матери и начал говорить о вчерашней охоте.

В течение нескольких минут разговор вертелся вокруг незначительных предметов. Вольдемар взял лежавший на столе альбом с акварелями и начал его перелистывать.

– Ты уже слышал, что управляющий Франк собирается сам стать помещиком? – между прочим, заметила княгиня. – Вероятно, его место в Вилице было очень доходным; по крайней мере, насколько я знаю, когда Франк поступил сюда, у него не было никакого состояния.

– Да, но он в течение двадцати лет получал довольно солидное жалование, – ответил Вольдемар, не отрывая взгляда от альбома, – и, судя по его образу жизни, вряд ли тратил даже половину.

– Да, кроме того, он, без сомнения, не упускал случая нажиться. Но не в этом дело. Я хотела спросить тебя, нашел ли

ты ему замену?

– Нет.

– В таком случае я хочу сделать следующее предложение. Арендатор Яново хочет отказаться от аренды; вследствие различных несчастий он разорился и сейчас вынужден искать себе место. Я думаю, что он был бы прекрасным управляющим для Вилицы.

– А я этого не думаю, – очень спокойно ответил Вольдемар. – Этот человек целый день пьян и именно из-за своей нерадивости привел поместье в совершенно запущенное состояние.

– Кто тебе сказал это? Вероятно, Франк? – спросила княгиня, а так как ее сын молчал, то она продолжала слегка раздраженным тоном: – Я, конечно, не собираюсь оказывать на тебя давление при выборе служащих, но хотела бы в твоих же собственных интересах посоветовать тебе не верить клевете Франка; он интригует против арендатора, потому что тот, в качестве нового управляющего, не устраивает его.

– Вряд ли! – с прежним спокойствием ответил Вольдемар. – Франк ведь знает, что вместо него я не возьму никого. Я сам хочу взять на себя управление имениями.

– Ты сам? – воскликнула княгиня опешив. – Это для меня новость.

– Почему же? Ведь постоянно шла речь о том, что я когда-нибудь сам возьмусь за управление своими имениями; я достаточно знаком с сельским хозяйством; об этом позабо-

тился мой опекун. Мне, конечно, сначала будет трудно освоиться со здешними условиями, но до весны мне будет помогать Франк.

Нордек произнес все это таким равнодушным тоном, как будто говорил о том, что разумелось само собой, и был, по видимому, совершенно поглощен рассматриванием рисунков, так что не замечал растерянности своей матери, которая испытующе смотрела на него, но ничего не могла прочесть по его лицу.

– Странно, что ты никогда ни слова не говорил об этом! – наконец заметила она.

– Сначала я и не думал оставаться, но теперь вижу, что здесь не хватает хозяйского глаза; вообще мне надо поговорить с тобой, – добавил Вольдемар после небольшой паузы и, закрыв альбом, бросил его на стол.

Княгине впервые пришло в голову, что «предчувствие Ванды» было более верным, чем ее собственный взгляд. Она видела, что надвигается буря, и поспешила приготовиться встретить ее. Выражение ее лица не оставляло никакого сомнения, что Нордеку придется выдержать с ней ожесточенную борьбу.

– Говори, – холодно промолвила она, – я слушаю тебя.

Вольдемар, глядя на нее мрачным взглядом, произнес:

– Когда я четыре года назад предложил тебе поселиться в Вилице, то считал своим долгом создать условия тебе, моей матери, чтобы ты могла быть хозяйкой в замке, но име-

ния-то, как мне кажется, оставались моей собственностью?

– Разве кто-нибудь оспаривает это?

– Нет, но я теперь вижу, что значит оставлять их в течение нескольких лет на попечение Баратовских.

– Что это значит? – гордо воскликнула княгиня, поднявшись с места. – Уж не намерен ли ты обвинить меня в том, что управление именьями не соответствует твоим желаниям? Обвиняй своего опекуна в том, что он в течение стольких лет предоставлял хозяйничать здесь управляющим. Я давно видела всю беспорядочность здешнего хозяйства, но должна заявить тебе, что с выражением своего недовольства и упреками ты должен обращаться к своим подчиненным, а не ко мне.

– К моим подчиненным! – с горечью воскликнул Вольдемар. – К каким это? Мне кажется, что Франк здесь – единственный человек, признающий меня своим хозяином, остальные же состоят на службе у тебя.

– Ты бредишь, Вольдемар, – с рассчитанной язвительностью произнесла княгиня. – Я никогда не думала, что ты всецело находишься под влиянием управляющего, и серьезно прошу тебя отделаться от этого влияния, когда дело касается твоей матери...

– А я прошу тебя оставить свои прежние попытки уязвить меня, – прервал ее Нордек. – Раньше тебе удавалось таким путем подчинить меня своему влиянию, но теперь на меня это не подействует. Я молчал все время, потому что не до-

верял словам управляющего, и хотел убедиться во всем сам, теперь же спрашиваю тебя, кто сдал все земли в аренду полякам на самых невероятных условиях, кто заменил всех лесничих людьми, которые, может быть, прекрасно служат вашим интересам, но наполовину уменьшили доходы с моих лесов? Кто, наконец, поставил управляющего в такое положение, что ему не остается ничего другого, как уйти? Ты без сожаления принесла в жертву интересам своего рода моих служащих, мое состояние и, наконец, мое положение, так как все думают, что все совершается с моего согласия. Ты имела в виду только одну цель: подготовить Вилицу к восстанию.

Княгиня слушала молча, почти окаменев от изумления, которое увеличивалось с каждой минутой. Эти слова она слышала уже не первый раз; покойный Нордек делал ей точно такие же упреки, но они всегда сопровождались дикими выходками, на которые она отвечала лишь презрительной улыбкой. Если бы Вольдемар сделал ей такую же сцену, то княгиня нисколько не была бы изумлена: теперь же ее поразило то холодное спокойствие, с которым он высказывал ей доказательство за доказательством, обвинение за обвинением; она видела, что в нем все кипит, но он полностью владел собой.

Прошло несколько секунд, прежде чем княгиня ответила; гордость не позволяла ей что-либо скрывать или отрицать, да это было бы напрасно. Вольдемар, по-видимому, знал слишком много, и на его слепоту больше нечего было

рассчитывать; надо было изобрести что-нибудь новое.

– Ты преувеличиваешь, – наконец возразила она. – Неужели ты настолько боязлив и тебе кажется, что вся твоя Вилица объята революцией лишь потому, что я иногда пользовалась своим влиянием в пользу нескольких человек, которым покровительствую? Мне очень жаль, если они обманули мое доверие. Но ты же волен отпустить их, и я не понимаю, в чем, собственно, ты упрекаешь меня? Ты никогда не заботился о своих имениях, а потому я, как твоя мать, считала себя вправе взять бразды правления в свои руки. Ты знал, что я всегда стояла на стороне своей семьи и своего народа; я никогда не делала из этого тайны и, мне кажется, не обязана оправдываться в этом перед тобой. Ты не только сын своего отца, но и мой; в твоих жилах течет также и кровь Моринских.

Вольдемар сделал движение, как бы желая горячо протестовать против этого утверждения, но самообладание все же взяло верх, и он лишь резко ответил:

– Сейчас впервые в жизни ты допускаешь, что в моих жилах течет и твоя кровь, до сих пор ты видела и презирала во мне только Нордека. Конечно, ты не высказывала этого словами, но неужели ты думаешь, что я не понимаю взглядов? Я достаточно часто видел, с каким выражением ты смотрела на Льва! Когда ты была замужем за князем Баратовским, тебе было мало дела до меня; когда же обстоятельства заставили тебя обратиться ко мне, то ты прибегла к этому как к крайнему средству. Я не упрекаю тебя. Возможно, мой отец

очень много грешил против тебя, и ты не можешь любить его сына; поэтому не будем ссылаться на чувства и отношения, которых между нами никогда не существовало. В ближайшем будущем мне, вероятно, придется доказать тебе, что во мне нет ни одной капли крови Моринских. Ты передала ее своему Льву, я же сделан из другого теста.

– Я это вижу, – еле слышно ответила княгиня, – ты совсем не такой, как я представляла. Я тебя никогда не знала.

Нордек, казалось, не обратил внимания на эти слова и продолжал:

– Итак, ты теперь знаешь, что я сам буду управлять своими имениями. Теперь еще один вопрос: что это за совещание состоялось у тебя вчера после ужина и продолжалось до утра?

– Это касается только меня, – с ледяной холодностью ответила княгиня. – Надеюсь, что хоть в своих комнатах я еще хозяйка?

– Конечно, если речь идет о твоих личных интересах; партийных же совещаний я не допущу в Вилице. Здесь происходят ваши собрания, отсюда вы рассылаете свои приказы за границу; погреба замка набиты оружием – вы собрали здесь целый арсенал!

При последних словах княгиня побледнела как полотно, но выдержала и этот удар. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Почему же ты говоришь все это мне? Почему ты не

отправишься в Л., где с большим удовольствием примут твои открытия? Ты проявил такие прекрасные способности к шпионажу, что недалеко и до доноса!

– Мать!

Этот крик страшной ярости сорвался с уст молодого человека, а его кулак с сокрушающей силой обрушился на спинку кресла. Прежняя необузданность снова прорвалась и грозила увлечь за собой все самообладание, с таким трудом достигнутое за последние годы. Вольдемар дрожал всем телом, а выражение его лица было таким, что мать невольно поднесла руку к звонку, как бы желая позвать на помощь. Это движение образумило молодого Нордека. Он порывисто отвернулся и подошел к окну.

Прошло несколько томительных минут. Княгиня почувствовала, что зашла слишком далеко. Она видела, как ее сын борется со своей яростью, и чего ему стоила эта борьба, но видела также, что человек, умевший с такой железной энергией подавлять роковую наследственную черту отца – необузданную ярость, представляет собой противника, равного по силам ей.

Когда Вольдемар снова вернулся к ней, припадок бешенства уже прошел; его губы еще дрожали, но он произнес спокойно:

– Когда ты в Ц. предоставила будущее брата моему «великодушию», то я никак не думал, что последнее приведет меня к сегодняшней сцене. «Шпион»!.. только потому, что я

осмелился сорвать покрывало с того, что таится в моем замке! Я мог бы ответить тебе другим словом, которое звучит еще резче! Кто пользуется гостеприимством в Вилице, и кто его нарушил?

– Не будем спорить по этому поводу, – ответила княгиня, не поднимая глаз. – Я делала то, что считала своим долгом и обязанностью; было бы тщетно убеждать тебя в этом. Что ты думаешь делать?

Вольдемар помолчал в течение нескольких минут, а затем, понизив голос, но выделяя каждое слово, проговорил:

– Я завтра уезжаю по делам в Ц. и вернусь только через неделю. К этому времени Вилица будет очищена от всего, что теперь таится в ней, и все незаконные связи с замком должны быть прерваны. Перенеси все это в Раковиц или куда угодно, но мои владения должны быть совершенно освобождены от этого. После моего возвращения немедленно будет устроена вторая охота, на которой будут присутствовать губернатор и офицеры из Л. Надеюсь, ты не откажешься, в качестве хозяйки дома, написать свое имя рядом с моим на приглашениях.

– Нет, не напишу, – энергично ответила княгиня.

– Тогда я подпишу их один; гости будут приглашены в любом случае. Пусть в Л., наконец, узнают, к какой партии принадлежу я. Ты, конечно, имеешь возможность заболеть в назначенный день или поехать к своему брату; твое дело решить, будет ли удобно открыто показывать наш разрыв и тем

самым сделать его непоправимым. Теперь для нас обоих еще есть возможность забыть этот разговор. Я не стану напоминать тебе о нем, если увижу, что мои требования выполнены. Я ждал отъезда Льва, потому что его пылкий темперамент не выдержал бы подобной сцены. Он и граф Моринский скорее согласятся выслушать все, что я должен был сказать, от тебя.

– А если я не пожелаю исполнить требования, которые ты предъявляешь мне? – медленно спросила княгиня. – Если я противопоставлю твоему праву на наследство свои права? Я вдова твоего отца, который несправедливым, нелепым завещанием выгнал меня из владений, принадлежащих мне! Перед законами я, конечно, ничего не достигну, но мое убеждение говорит мне, что я не должна уступать тебе Вилицу. И я не уступлю. Княгиня Баратовская после всего того, что выслушала, должна была бы немедленно уйти отсюда со своим сыном, чтобы больше не возвращаться. Но теперь я говорю с тобой в качестве прежней владелицы Вилицы и как таковая предъявляю свои права. Берегись, Вольдемар!.. Для меня нетрудно поставить тебя перед необходимостью отказаться от своих слов или обречь меня, твою мать, и брата на погибель.

– Попробуй, – холодно ответил Вольдемар, – но я не отвечаю за последствия.

Мать и сын стояли друг против друга, и странно – как раз теперь бросалось в глаза громадное сходство между ними. На висках у обоих резко выступила синяя жилка, их лица

выражали непоколебимую решимость и железную волю. Теперь, когда между ними разгорелась борьба не на жизнь, а на смерть, они, казалось, впервые почувствовали, что были матерью и сыном.

Вольдемар подошел вплотную к княгине, и его рука тяжело легла на ее рукав.

– Моей матери я предоставляю свободный выход, – с удариением произнес он, – княгине же Баратовской запрещаю какую бы то ни было партийную деятельность в моих владениях, и если это будет продолжаться, и вы доведете меня до крайности, то я не остановлюсь ни перед чем, даже если мне придется всех вас...

Нордек вдруг замолчал, и мать почувствовала, что он вздрогнул и что его рука, как тисками сжимавшая ее руку, вдруг бессильно опустилась. Она с изумлением посмотрела по направлению его взгляда, который был прикован к двери кабинета. Там на пороге стояла Ванда.

В глазах княгини мелькнуло выражение торжества. Наконец-то она нашла уязвимую точку в сердце своего сына; в эту минуту он выдал себя.

– Ну-с, Вольдемар? – спросила она, и в ее голосе прозвучала легкая насмешка, – ты ведь не оскорблен тем, что Ванда была свидетельницей нашего разговора? Он имеет отношение и к ней. Значит, ты хочешь нас всех...

Вольдемар отступил шаг назад; он стоял теперь в тени, так что его лица не было видно.

– Так как графиня Моринская была свидетельницей нашего разговора, то он не требует пояснений; я больше ничего не могу добавить, – ответил он и обратился к матери: – Я уезжаю завтра рано утром. В твоём распоряжении неделя для решения; я остаюсь при своем мнении.

С этими словами он официально, как всегда, поклонился молодой графине и вышел.

Ванда, все еще стоявшая на пороге, вошла в комнату и, приблизившись к тетке, тихо проговорила:

– Теперь ты мне веришь?

Княгиня опустилась на диван; она не могла оторвать взгляд от двери, в которую вышел ее сын, и, казалось, была не в состоянии понять, что произошло.

– Я всегда судила о нем по его отцу, – произнесла она, как бы говоря сама с собой. – Мы все должны поплатиться за эту ошибку. Он показал мне... что не таков, как его отец.

– Он показал еще больше, – сказала Ванда, – а именно твою энергию, твою волю и даже твой взгляд и тон. Ты всегда гордилась тем, что Лев похож на тебя лицом; но твой характер всецело унаследовал старший брат.

В голосе молодой девушки слышалось что-то такое, что заставило княгиню насторожиться.

– А кто же научил именно тебя с такой уверенностью разгадать этот характер? – резко спросила она. – Уж не твоя ли неприязнь к нему заставила тебя видеть то, в чем ошибались мы все?

– Не знаю, – ответила Ванда, опуская глаза, – я с первого же дня почувствовала в нем врага.

– Ты права. Вольдемар сегодня впервые показал, что он – мой сын; но это значит также, что мать сможет бороться с ним. Неужели ты думаешь, что я испугаюсь его угроз? Посмотрим, дойдет ли он до крайних мер!

– Не рассчитывай на какую-нибудь уступчивость со стороны этого человека. Он пожертвует тобой, Львом и всеми, если найдет это нужным.

Княгиня испытующе посмотрела на взволнованное лицо племянницы и твердо ответила:

– Мною и Львом – может быть, но теперь я знаю, чем он не пожертвует, и в решительный момент воспользуюсь этим.

Ванда посмотрела на тетку, не понимая, о чем она говорит.

– Нам надо принять какое-нибудь решение, – продолжала княгиня. – Прежде всего, необходимо уведомить брата. Так как Вольдемар завтра уезжает, то твой отъезд отпадает; ты останешься здесь и вызовешь отца и Льва. Я сегодня же вечером отправлю твое письмо с нарочным, и завтра вечером они могут быть здесь.

Молодая графиня повиновалась. Она вернулась в кабинет и снова села за письменный стол, не подозревая, какую роль ей предназначила тетка. Княгиня не могла простить сыну, что он так решительно отказался признать в своих жилах кровь Моринских. Хорошо же, пусть он тогда потерпит по-

ражение от Моринской, хотя бы даже это была не его мать!

Глава 16

В гостиной управляющего перед раскрытой книгой сидели доктор Фабиан и Маргарита Франк; уроки французского языка, действительно, начались, но насколько серьезно и добросовестно относился к делу учитель, столько же легкомыслия проявляла ученица. Уже на первом уроке, состоявшемся несколько дней тому назад, она занималась тем, что задавала доктору всевозможные вопросы о его прошлом, о жизни в Альтенгофе и тому подобных вещах. Сегодня она, во что бы то ни стало, хотела знать, что, собственно, он изучает, и все больше припирала к стене бедного ученого, ни за что не хотевшего выдавать свою «Историю германистики».

– Не начнем ли мы, наконец, наш урок? – умоляюще произнес он. – Если мы будем продолжать таким же образом, как до сих пор, то сегодня ничего не сделаем; ведь вы все время говорите по-немецки.

– Ну кто теперь может думать о французском языке! – воскликнула Маргарита, нетерпеливо перелистывая одну страницу за другой. – У меня совершенно не то в голове. Жизнь в Вилице так тревожна!

– На мой взгляд, вовсе нет, – произнес доктор, терпеливо переворачивая страницы, чтобы найти место, где они остановились.

Молодая особа смирила его настоящим инквизиторским

ВЗГЛЯДОМ.

– Нет? Вы должны были бы лучше других знать, что, собственно, случилось в замке. Вы – друг господина Нордека. Что-то случилось, это не подлежит сомнению, потому что с тех пор, как он уехал, тут все завертелось, словно в колесе; посыльные так и летают между Раковицем и Вилицей. То граф Моринский здесь, то княгиня там. И что это за вещи приносят или уносят через парк? Вы ведь должны были заметить это, так как ваши окна выходят как раз в эту сторону.

Маргарита все время говорила по-немецки, и Фабиан невольно отвечал ей на том же языке. Теперь, услышав ее слова, он с беспокойством задвинулся на своем месте и произнес:

– Я ничего не знаю, право, не знаю!

– Папа тоже всегда так отвечает, когда я спрашиваю его, – ответила Маргарита. – Я вообще решительно не понимаю его теперь; он напустился на своего помощника, когда тот пришел с таким же докладом, и строго-настрого приказал ему не трогать парк. Ведь не может быть, чтобы папа тоже принимал участие в заговоре, а все очень похоже на это.

– Цель моего посещения, право, не будет достигнута, если вы постоянно будете заниматься подобными делами! – умоляюще воскликнул Фабиан. – Вот уже полчаса как я тут, а вы не прочитали еще ни одной страницы. Пожалуйста! – и он чуть не в десятый раз пододвинул Маргарите книгу.

Девушка с негодованием взяла ее, воскликнув:

– Хорошо же! Я вижу, что меня не хотят посвящать в тайну. Но я все разузнаю, и тогда все пожалеют, что так мало доверяли мне!

Тут она начала читать французское стихотворение, умышленно делая неверные ударения, что приводило ее учителя прямо в отчаяние.

Молодая девушка читала только вторую строфу, когда во двор въехал экипаж. В нем никого не было, но кучер, вероятно, уже не раз бывал здесь, потому что немедленно принялся распрягать лошадей. Сразу же после этого вошла служанка с докладом, что ассессор Губерт будет иметь честь посетить управляющего, что он только на минутку завернул по делу в деревню и послал вперед экипаж с просьбой разрешить ему и на этот раз воспользоваться гостеприимством господина Франка.

Тут не было ничего необычайного, так как ассессор часто ночевал в доме управляющего, когда ему приходилось бывать по делам в окрестностях Вилицы, а потому Маргарита тотчас же распорядилась, чтобы позаботились о кучере и лошадях и привели в порядок комнату для гостей.

– Когда придет ассессор, придется закончить наш урок, – с легкой досадой сказала она Фабиану. – Но он не будет долго мешать нам. Я вскользь упомяну о таинственных делах, творящихся в парке; он сейчас же побежит туда, чтобы встать где-нибудь за деревом, и мы от него избавимся.

– Ради Бога, не посылайте его туда! – с величайшим ужа-

сом воскликнул Фабиан. – Наоборот, во что бы то ни стало, удержите его от этого!

– Ах, вот как? А я-то думала, что вы ничего не знаете!.. Почему же вы вдруг так перепугались?

Фабиан сидел с опущенными глазами, как преступник, пойманный на месте преступления, и тщетно придумывал какую-нибудь отговорку, но ложь никак ему не удавалась. Наконец он поднял голову и, чистосердечно глядя в глаза молодой девушке, произнес:

– Я человек мирный и никогда не стараюсь проникнуть в чужие тайны. Я, право, не знаю, что творится в замке, но там что-то совершается, это я невольно заметил в последние дни. Господин Нордек только намекнул мне на это, но не подлежит сомнению, что тут кроется опасность.

– Ну не для нас же! – совершенно спокойно произнесла молодая девушка. – Что за беда, если ассессор накроет всю эту компанию? Господин Нордек уехал, значит, Губерт не захватит его, да и побоится после той истории; вы находитесь вне всяких подозрений, что же касается княгини и князя Льва...

– То это – мать и брат Вольдемара, – перебил ее Фабиан. – Неужели вы не понимаете, что каждый удар, направленный на них, отразится и на нем? Он – хозяин замка, и ему придется отвечать за все, что там происходит.

– Так и надо! – с горячностью воскликнула Маргарита. – Зачем он уезжает и предоставляет делать здесь все, что угод-

но! Зачем он заодно со своими родными?

– Вовсе нет, – возразил Фабиан, – наоборот, он противится всеми силами; цель его поездки... Ах, Боже мой, да не заставляйте меня говорить о таких вещах, ведь я вовсе не знаю, могу ли рассказывать вам! Я знаю только одно: Вольдемар хочет, во что бы то ни стало спасти мать и брата. Перед отъездом отсюда он взял с меня слово, что я не буду ничего видеть и слышать из того, что делается в Вилице. И вашему отцу он дал подобное же указание; я слышал, как он говорил ему: «Я возлагаю на вас ответственность, чтобы личность княгини осталась неприкосновенной до моего приезда». Теперь его нет, господина Франка тоже; надо же было непременно явиться этому Губерту, который во что бы то ни стало, хочет что-нибудь открыть и откроет, если предоставить ему свободу!

– Вот что значит скрывать что-нибудь от меня! – наставительно произнесла Маргарита. – Если бы мне доверяли, то я заблаговременно поссорилась бы с ассессором, и тогда он не явился бы сюда. Надо что-нибудь придумать!

– Пожалуйста, сделайте это! – попросил доктор, – вы же все можете сделать с ассессором! Удержите его! Он ни в коем случае не должен находиться сегодня вблизи замка!

Маргарита озабоченно покачала головой.

– Вы не знаете Губерта; если он нападет на какой-нибудь след, его не удержишь никакими силами. А он, наверное, что-нибудь да разузнает, если останется в Вилице, так как

каждый раз выпрашивает служащих. Поэтому он вовсе не должен оставаться здесь. Я знаю средство. Я разрешу ему сделать мне предложение, – он всякий раз начинает на эту тему, только я всегда обрываю разговор, – и потом преподнесу ему отказ. Он так обозлится, что опрометью помчится назад в Л.

– Нет, я ни в коем случае не допущу этого! – возразил доктор. – Что бы ни случилось, вы не должны жертвовать счастьем своей жизни.

– Да неужели вы думаете, что счастье моей жизни зависит от асессора Губерта? – с презрительной гримаской спросила Маргарита.

Фабиан, действительно, так думал, ведь он слышал из уст самого Губерта, что тот с уверенностью может рассчитывать на «да», но вполне понятное смущение удержало его от более подробного расследования.

– С такими вещами никогда не следует шутить, – укоризненно произнес он, – асессор рано или поздно узнает правду, это может глубоко оскорбить его и навсегда удалить от вас... Нет, ни за что!

Маргарита была несколько озадачена; она не понимала, как можно так серьезно отнестись к отказу, и ее очень мало трогало, что Губерт будет «навсегда удален» от нее. Однако упрек все же подействовал на нее.

– Тогда мне не остается ничего другого, как навести его на ложный след, – заявила она после некоторого раздумья. –

Но мы ведь с вами берем на себя большую ответственность. Впрочем, здесь, в Вилице, повсюду заговорщики, и мы тоже можем хоть один раз вступить в заговор, хотя, строго говоря, все же нехорошо препятствовать правительственному чиновнику в исполнении его обязанностей.

– Ассессор стремится только к осуществлению своих собственных честолюбивых замыслов, – воскликнул Фабиан, вдруг почувствовав себя героем. – Даю вам слово, что всем тайным делам здесь очень скоро придет конец. Я знаю это от самого Вольдемара, а он всегда держит свое слово.

– Прекрасно! В таком случае оставим заговор. Ассессор должен уехать и притом немедленно, а то он сейчас же примется за свои розыски. Вот он уже идет по двору. Предоставьте все мне и только поддакивайте. А теперь возьмемся за книжку.

Когда несколько минут спустя в комнату вошел ассессор, он услышал третью строфу французского стихотворения и был чрезвычайно доволен, что Фабиан сдержал слово. Он поздоровался, осведомился о Франке и занял предложенное ему место, чтобы рассказать самые последние новости из Л.

– Ваш бывший воспитанник удивил нас всех, – любезно начал он, обращаясь к Фабиану. – Известно ли вам, что господин Нордек, будучи проездом в городе, заехал к губернатору и нанес ему официальный визит?

– Да, об этом была речь.

– Его превосходительство был очень приятно тронут

этим, – продолжал Губерт. – Откровенно говоря, все надежды на возможное сближение уже были утрачены. Господин Нордек, как говорят, был чрезвычайно любезен, попросил губернатора принять участие в охоте, которая вскоре состоится в Вилице, и пригласил еще многих, что очень всех удивило.

– Губернатор принял приглашение? – спросила Маргарита.

– Конечно! Его превосходительство даже счел своей обязанностью поддержать молодого хозяина Вилицы. Право, вы очень обязали бы нас, если бы дали некоторые указания относительно образа мыслей господина Нордека.

– От доктора Фабиана вы ничего не узнаете; он еще более замкнут, чем сам господин Нордек, – перебила его Маргарита, которая сочла своей обязанностью прийти на помощь своему союзнику, так как видела, что он никак не может освоиться со своей ролью заговорщика. – Вы останетесь ужинать, господин Губерт? – добавила она. – А может, вы поедете в Яново?

– Почему именно туда? – спросил Губерт.

– Так... я думала... ходит так много слухов... особенно в последние дни. Я думала, вам поручено расследование этого дела.

Ассессор насторожился.

– Что же слышно? Пожалуйста, не скрывайте от меня ничего. Яново – тоже такое место, с которого нельзя спускать

глаз. Что вы знаете о нем?

Доктор незаметно отодвинул стул немного дальше – ему казалось, что он ужаснейший из всех преступников; Маргарита же проявила необычайный талант к интриге. Она ничего не рассказывала но, предоставив асессору расспрашивать себя, понемножку, с самым невинным видом, выложила ему все наблюдения, сделанные ею за последние дни, причем только перенесла место действия в Яново – большое соседнее имение, прилегавшее к Вилице. Удача этого плана превзошла все ожидания. Губерт тотчас же попался на эту удочку, пришел в лихорадочное возбуждение и вскочил.

– Извините, но я не могу ждать приезда господина Франка! – воскликнул он. – Я должен немедленно вернуться в Е.

– Неужели пешком? Да ведь туда больше получаса ходьбы.

– Я не хочу обращать на себя внимание, – таинственно прошептал Губерт. – Мой экипаж, во всяком случае, останется здесь; это гораздо лучше; все будут думать, что я здесь. До свиданья! Пожалуйста, не ждите меня к ужину! – И, наскоро простившись, он выбежал из комнаты.

– Теперь он отправился в Е., – с торжеством в голосе заявила Маргарита Фабиану, – чтобы взять с собой обоих жандармов, находящихся там, и с ними помчится прямо в Яново; там они, наверное, пробегают все трое до самой ночи, и Вилица будет от них освобождена.

Молодая девушка не ошиблась в своих предположениях. Ассессор вернулся лишь поздно ночью, причем был очень не

в духе, совершенно подавлен и сильно простужен. На следующий день у него был такой насморк, и он почувствовал себя так скверно, что даже Маргарите стало жаль его. Она сварила ему чай и целый день ухаживала за ним с такой заботливостью, что Губерт забыл все свои неудачи. Доктор Фабиан также пришел посмотреть, как чувствует себя пациент, и проявил столько участия, что ассессор был совершенно расстроган, постепенно успокоился и, наконец, хотя и с насморком, но в очень приподнятом настроении вернулся в Л.

В замке, конечно, не имели понятия о том, кого, собственно, следует благодарить за то, что сам он, парк и его окрестности остались в течение этой ночи в неприкосновенности. Почти в то же самое время, когда доктор Фабиан и Маргарита вступили в заговор, в комнатах княгини Баратовской состоялся семейный совет, по-видимому, носивший очень серьезный характер. Граф Моринский и Лев были в дорожных костюмах, и экипаж, прибывший полчаса тому назад с графом и его дочерью, еще стоял во дворе. Лев и Ванда удалились в глубокую оконную нишу и шепотом разговаривали между собой, тогда как княгиня с братом тоже вели беседу вполголоса.

– Как бы то ни было, я считаю большим счастьем, что обстоятельства требуют вашего немедленного отъезда, – сказала она, – уже ради Льва, который не вынесет дальнейшего пребывания в Вилице, если Вольдемар станет разыгрывать роль хозяина; он не умеет сдерживаться, и могло бы про-

изойти несчастье, если бы я заставила Льва встречаться с братом. Теперь они не будут видеться, и это самое лучшее.

– А ты действительно хочешь остаться здесь, Ядвига? – спросил граф.

– Я должна, – ответила княгиня, – только это я теперь и могу для вас сделать. Я согласна с твоими доводами, которые доказали мне, что борьба с Вольдемаром опасна и бесполезна. Мы отказались от мысли сделать Вилицу нашим центром, но, тем не менее, она останется местом, куда вы будете посылать известия. Эту свободу я сумею отстоять. В крайнем случае, замок будет вам убежищем, если вы вынуждены будете вернуться. Когда вы думаете перейти через границу?

– Вероятно, сегодня же ночью; мы подождем на окраине в лесничестве, туда же сегодня будет отправлен последний транспорт с оружием; я нашел эту предосторожность необходимой. Бог знает, может быть, твоему сыну вздумается послезавтра, сразу же после своего приезда, обыскать весь замок.

– Он найдет его очищенным, как... – княгиня от ярости сжала кулаки, губы ее дрожали, – он приказал. Но клянусь тебе, Бронислав, я заставлю его раскаяться в этом приказании; это еще в моей власти.

– Ты уже делала мне подобные намеки, – сказал граф, – но я совершенно не представляю себе, чем ты хочешь подавить подобную натуру. Судя по тому, как Ванда изобразила мне сцену, происшедшую между вами, я не думаю, чтобы он

подчинился какой-нибудь власти.

Княгиня молчала. Она, по-видимому, не хотела отвечать, да ей и не пришлось, так как в эту минуту к ней подошли Ванда и Лев.

– Мама, Ванду невозможно переубедить, – проговорил последний. – Она наотрез отказывается переехать в Вилицу и хочет остаться в Раковице.

Княгиня строго обратилась к племяннице:

– Это глупо, Ванда. Ведь уже давно решено, что ты приедешь ко мне, когда состоится давно предусмотренный отъезд твоего отца. Ты не можешь и не должна оставаться в Раковице одна; я являюсь твоей единственной защитой, и ты должна принять ее.

– Прости, милая тетя, но этого я не сделаю, – возразила молодая графиня. – Я не желаю быть гостем в доме, хозяин которого проявил к нам такое отношение. Я, как и Лев, не могу вынести этого.

– А разве твоей тете легко? – с упреком произнес граф. – Она приносит нам эту жертву, потому, что хочет оставить за нами Вилицу на крайний случай. Я могу требовать и от тебя такого же самопожертвования.

– Но почему же мое присутствие так необходимо? – воскликнула Ванда с плохо скрытой запальчивостью. – Те обстоятельства, которым подчиняется тетя, не имеют значения для меня. Отпусти меня домой, папа!

– Уступи, Ванда, – попросил Лев, – останься у мамы! Ви-

лица гораздо ближе к границе, чем Раковиц, и до нее легче добраться; может быть, мне удастся повидать тебя. Я ненавижу Вольдемара, наверно, не меньше, чем ты, но ради меня преодолей себя и останься.

Он взял девушку за руку, но Ванда порывисто отдернула ее.

– Оставь меня! Если бы ты знал, почему твоя мать непременно хочет, чтобы я осталась здесь, то, вероятно, первый воспротивился бы этому.

Княгиня нахмурилась и, не дав племяннице продолжить разговор, обратилась к брату:

– Воспользуйся же, наконец, своим отцовским авторитетом, Бронислав, и прикажи ей остаться! Она должна остаться в Вилице!

Молодая графиня вспыхнула; эти слова вывели ее из себя.

– Хорошо же. Пусть тогда отец и Лев узнают причину, по которой ты хочешь заставить меня остаться. Тогда я не поняла твоих слов, теперь же они для меня ясны. Я должна быть щитом, которым ты будешь прикрываться от своего сына. Ты думаешь, что я единственная, кого Вольдемар не принесет в жертву, и единственная, кто может удержать его. Я этого не думаю, потому что знаю его лучше, чем ты, да, кроме того, не хочу и пробовать.

– А я этого ни в коем случае не допущу, – воскликнул Лев. – Если причина заключается в этом, то Ванда останется в Раковице, и ее ноги больше не будет в Вилице. Я думал, что

прежней склонности Вольдемара уже давно не существует; если это не так, – а это не может быть так, потому что иначе не мог бы появиться подобный план, – то я ни одного часа не оставлю тебя здесь.

– Успокойся, – проговорила Ванда, хотя ее голос был все не спокоен, – я больше не позволю пользоваться собой в качестве орудия, как тогда в Ц. Вольдемар дал мне почувствовать свое презрение. Нет, я скорее соглашусь умереть, чем снова прочесть презрение в его глазах.

Ванда так разгорячилась, что, казалось, забыла обо всех присутствующих. С пылающими щеками и сверкающими глазами она произнесла эти слова так страстно, что граф посмотрел на нее с изумлением, а княгиня – с негодованием, Лев же, стоявший возле молодой девушки, отшатнулся и страшно побледнел.

– Скорее умереть! – повторил он. – Значит, уважение Вольдемара имеет для тебя такое громадное значение? Ты так хорошо умеешь читать в его глазах? Как это все странно!

Ванда бросила на него негодующий взгляд и хотела ответить ему, но отец опередил ее.

– Пожалуйста, без сцен ревности, Лев! – серьезно проговорил он. – Неужели ты хочешь отравить нам прощание и в последнюю минуту оскорбить Ванду? Если теперь и ты настаиваешь на этом, то пусть она остается в Раковице, моя сестра уступит вам, но не оскорбляй Ванды подобными подозрениями. Время не терпит! Пора прощаться!

Он привлек дочь к себе и с чувством глубокой нежности поцеловал ее. Княгиня тщетно ожидала, что Лев подойдет к ней; он все стоял в стороне, опустив глаза и до крови кусая губы.

– Ну, Лев, – произнесла она, – ты не хочешь попрощаться со мной?

Он очнулся от своего мрачного раздумья.

– Еще нет, мама! Я последую за дядей потом; пока я ему не нужен; я хочу еще несколько дней побыть здесь.

– Лев! – с гневом воскликнул граф.

Это, казалось, только еще усилило упорство молодого князя.

– Я останусь, – проговорил он, – два или три дня не имеют никакого значения. Я хочу сначала сам проводить Ванду в Раковиц, чтобы убедиться, что она благополучно доберется. Я подожду, приезда Вольдемара и выскажу ему то, что думаю относительно его чувств к моей невесте; я...

– Князь Баратовский сделает то, что повелевает ему долг, – перебила его княгиня, причем ее холодный тон представлял собой полный контраст взволнованному голосу сына. – Он последует за своим дядей, как было решено, и ни на минуту не оставит его.

– Я не могу! – вне себя воскликнул Лев, – не могу уехать с таким подозрением в душе. Вы согласились на мой брак с Вандой, но я никогда не смел предъявлять свои права на нее; теперь же я требую, чтобы Ванда была объявлена моей

невестой здесь, в присутствии Вольдемара. Раньше я не уеду отсюда. Вольдемар так неожиданно превратился в хозяина и повелителя, чего никто не ожидал от него, и может так же внезапно превратиться в пламенного поклонника.

– Нет, Лев, – с гневным презрением воскликнула Ванда, – но твой брат, без сомнения, не стал бы уклоняться от исполнения своего долга, если бы даже это стоило ему счастья и любви.

Это было самое худшее, что она вообще могла сказать. Ее слова окончательно лишили молодого князя самообладания, и он, горько рассмеявшись, воскликнул:

– О, ему, конечно, это не стоило бы любви и счастья, но я, без сомнения, могу лишиться того и другого, если теперь уеду! Дядя, я требую, чтобы мой отъезд был отложен на три дня, и если ты мне даже откажешь в этом, то я все равно останусь. Я знаю, что в первое время не произойдет ничего серьезного, и еще успею приехать.

Княгиня хотела вмешаться, но граф опередил ее:

– Это решаю я, а не ты, – убедительно произнес он. – Я назначил наш отъезд на сегодня и считаю это необходимым. Так и будет. Если мои приказы должны сначала подвергаться твоей критике или находиться в зависимости от твоих припадков ревности, то тебе лучше совсем не следовать за мной. Я требую повиновения, которым ты обязан мне как старшему. Или ты немедленно последуешь за мной, или я исключу тебя из всего, что находится в моем распоряжении. Вы-

бери!

– Он последует за тобой, Бронислав, – с мрачной серьезностью произнесла княгиня, – или он мне больше не сын. Решай, Лев!

В душе молодого князя происходила ужасная борьба. Слова дяди и повелительные взгляды матери, может быть, оказались бы бессильными против его безграничной ревности, но он видел, что и Ванда отвернулась от него. Он знал, что если останется, то она будет презирать его, и это заставило его принять решение. Он бросился к молодой девушке и, схватив ее за руку, произнес:

– Я еду, но можешь ли ты обещать в мое отсутствие избежать Вилицы и Вольдемара?

– Это будет и без обещания, – более мягким голосом произнесла Ванда, – ты забываешь, что твоя совершенно безосновательная ревность вызвана моим отказом остаться в Вилице.

При этих словах Лев с облегчением вздохнул и спокойнее ответил:

– Может быть, я впоследствии попрошу прощения за эту обиду, Ванда, но сейчас я еще не в состоянии. – Он порывисто сжал ее руку. – Я не верю, чтобы ты когда-нибудь могла полюбить Вольдемара, нашего врага, но довольно того, что *он* тебя любит и находится здесь, вблизи от тебя.

– Эта буйная голова доставит тебе много хлопот, – вполголоса сказала княгиня брату. – Он никак не может усвоить

слово «дисциплина».

– Он должен научиться этому, – со спокойной решимостью ответил граф. – А теперь прощай, Ядвига. Нам пора.

Прощание было непродолжительным и менее сердечным, чем могло бы быть при подобных обстоятельствах.

Женщины остались одни. Ванда бросилась на диван и закрыла лицо подушкой. Княгиня стояла у окна и смотрела вслед экипажу, увозившему ее любимца навстречу борьбе и опасности; когда она снова обернулась, то на ее лице было заметно, чего стоило ей это прощание. Она с трудом удерживала обычное внешнее спокойствие и, наконец, с горьким упреком произнесла:

– С твоей стороны было непростительно как раз в такую минуту возбуждать ревность Льва; ты ведь достаточно знаешь его в этом отношении.

Молодая графиня подняла голову; ее лицо было заплаканным.

– Ты сама вынудила меня, тетя; мне не оставалось никакого другого средства. Кроме того, я не могла предполагать, что Лев оскорбит меня подобным подозрением.

Княгиня подошла и испытующе посмотрела на нее.

– Он действительно так оскорбил тебя этим? Будем надеяться, что это так.

– Что ты хочешь этим сказать? – испуганно вскакивая, спросила Ванда.

– Дитя мое, – ледяным тоном ответила княгиня, – ты зна-

ешь, я никогда не становилась на сторону Льва; сегодня я сделала это, хотя ничего не сказала, чтобы не раздражать его еще больше. Тон, которым ты произнесла «лучше умереть», был таков, что я сама теперь отказываюсь от твоего пребывания в Вилице.

Ванда встала. Она была бледна как смерть и, не будучи в состоянии произнести ни слова, неподвижным взглядом смотрела на говорившую. У нее было такое чувство, будто под ее ногами разверзлась пропасть.

– Ты ошибаешься или хочешь обмануть меня, – наконец произнесла она. – Я этого не заслужила.

Княгиня не спускала глаз с лица племянницы.

– Я знаю, что ты еще ничего не подозреваешь, а потому говорю тебе это. Лунатиков надо будить, прежде чем они забегутся на опасную высоту. Берегись своей ненависти к Вольдемару! Как бы она не превратилась во что-нибудь другое! Я открываю тебе глаза, пока еще есть время, и думаю, что ты будешь мне благодарна за это.

– Да, – ответила Ванда совсем упавшим голосом, – я очень благодарна тебе.

– Тогда оставим все это в покое. Надеюсь, что теперь опасности еще нет, а завтра я сама отвезу тебя в Раковиц. Теперь мне надо позаботиться о том, чтобы сегодня были соблюдены все предосторожности, чтобы напоследок над нами не стряслось еще какой-нибудь беды.

С этими словами княгиня вышла из комнаты в полной

уверенности, что исполнила свой долг и предотвратила грядущую беду, безжалостно разорвав завесу, скрывавшую от молодой графини ее собственное сердце. Если бы она оглянулась назад, то, вероятно, убедилась бы, что уже была достигнута та «опасная высота», когда внезапное пробуждение может иметь смертельный исход. Оно уже не могло спасти, так как явилось слишком поздно!

Глава 17

Наступила зима. Поля и леса были покрыты пушистой снежной пеленой, река была скована льдом, и над замерзшей землей пронеслись суровые зимние бури, которые в этом году пробудили и другую бурю, бушевавшую теперь еще с большим ожесточением, чем зимние вьюги. По ту сторону границы вспыхнуло восстание, которого давно боялись. По эту сторону все еще, по-видимому, было спокойно, но мирным настроением, конечно, назвать было нельзя.

Вилица из-за своего географического положения сильно страдала от подобного состояния пограничных областей; недаром она играла такую важную роль в планах княгини и графа. Правда, со дня отъезда Льва и его дяди там многое изменилось, так как с того самого времени началась ожесточенная борьба между матерью и Вольдемаром, не окончившаяся еще до сих пор. Княгиня сдержала слово. Она не уступила сыну места, на которое, по ее мнению, также имела права, а Вольдемар теперь на деле убедился, что значило в течение многих лет оставлять свои владения в ее руках: его называли хозяином, но настоящей хозяйкой считали его мать. Никто не выказывал ему открытого неповиновения, тем не менее он знал, что борьба и сопротивление были лозунгом, ежедневно произносившимся против него; но вместе с тем он не мог отпустить своих служащих, потому что они были

связаны контрактами, а также нельзя было так скоро найти им замену, особенно в такое беспокойное время.

Княгиня поставила своего сына в подобное положение в расчете на то, что борьба утомит его, и он откажется от нее. Однако она ошиблась в нем и на этот раз. Вольдемар проявил такую непоколебимую волю и неутомимую энергию, которые она до того времени привыкла считать исключительно свойствами своего характера. Несмотря на все препятствия и затруднения, воздвигаемые княгиней на его пути, он не отступил ни на шаг и методично устранял их одно за другим.

Вольдемар уединялся еще больше чем раньше, и встречался с матерью только за столом, да и то редко, потому что княгиня часто уезжала в Раковиц к племяннице, которая сдержала слово и ни разу не была в Вилице.

Со времени отъезда графа Моринского и его племянника прошло уже более трех месяцев. Было известно, что они принимают активное участие в восстании, в котором граф играет значительную роль. Несмотря на большое расстояние и различные затруднения, они постоянно общались со своими родными, и княгиня с Вандой получали самые подробные известия о том, что делается по другую сторону границы.

Был полдень довольно холодного дня, когда ассессор Губерт и доктор Фабиан вышли из деревни, где они случайно встретились. Ассессор был закутан до ушей. Доктор тоже поднял воротник своего пальто; суровый климат явно вредил его здоровью, так как он был бледнее обычного и выгля-

дел болезненно. Губерт же был в очень хорошем настроении. Тревожное состояние пограничных областей часто заставляло его бывать в Вилице или ее окрестностях, и он, как правило, останавливался в управляющего.

– Великолепно! – торжественным тоном произнес он. – Поведение господина Нордека просто великолепно. Губернатор считает, что восстание давно перешло бы сюда, если бы господин Нордек так энергично не противился ему. В Л. все этим восторгаются!

Доктор Фабиан вздохнул.

– Я хотел бы, чтобы он меньше заслуживал этих восторгов; его энергия с каждым днем вызывает все больше ненависти. Я дрожу всякий раз, когда он уезжает один; его невозможно заставить принять хоть какие-нибудь меры предосторожности.

– Да, – озабоченно произнес ассессор, – от здешнего народа всего можно ожидать, даже выстрела из-за угла. Я думаю, что до сих пор господина Нордека охраняло единственно то, что он – сын княгини Баратовской. Никто не может понять, как это княгиня еще остается в замке; ведь всем известно, что она – ярая полька. Между ней и сыном, вероятно, бывали неприятные сцены. Не правда ли?

– Помилуйте, господин ассессор, ведь это семейные дела, – ответил Фабиан, – но могу вас заверить, что никаких сцен не было.

Губерт сгорал от нетерпения узнать что-нибудь такое, что

он мог бы рассказать в Л. после своего возвращения, а потому был очень разочарован таким ответом.

– Я понимаю вас, но вы представить себе не можете, что рассказывают по этому поводу в Л... Ведь заговор-то все-таки был, и господин Нордек раскрыл его и один вступил в борьбу с заговорщиками; теперь мы знаем, что здесь был тайный склад оружия. Как жаль, что тогда меня не было в Вилице!.. Я поехал в Яново, где все равно ничего не нашел. Не понимаю, как это фрейлейн Франк могла так ошибиться! Она ведь всегда такая разумная!

Доктор молчал и имел очень смущенный вид; к счастью, они дошли до того места, где дорога в замок сворачивала в сторону, а потому Фабиан распрощался со своим спутником, который направился к дому управляющего.

Там между отцом и дочерью происходил разговор, по-видимому, грозивший принять очень ожесточенный характер. Маргарита стояла возле отца в очень воинственной позе, скрестив руки на груди и упрямо закинув белокурую головку, и даже топнула ногой, чтобы придать своим словам больший вес.

– Говорю тебе, папа, что мне твой ассессор не нравится, и если он даже еще полгода будет вздыхать тут около меня, и ты будешь стоять за него горой, все равно ты не заставишь меня выйти за него замуж!

– Господи, дитя, никто тебя и не заставляет; ты знаешь, что я предоставляю тебе полную свободу, но ведь если ты

настаиваешь на отказе, так незачем подавать ему надежду.

– Никаких надежд ему я не подаю, – ответила Маргарита, чуть не плача от досады, – наоборот, я обхожусь с ним очень скверно, но это нисколько не помогает; он твердо уверен, что я разделяю его чувства; если бы я сегодня же ответила ему отказом, то он, без сомнения, произнес бы с улыбкой: «Ошибаетесь, фрейлейн, вы все-таки любите меня», и завтра опять был бы здесь.

Франк взял свою дочь за руку и привлек к себе.

– Маргарита, будь благоразумна и скажи мне, что ты, собственно, имеешь против ассессора? Он молод, обладает довольно сносной внешностью и может доставить тебе вполне приличное положение в обществе. Я согласен, что он немного смешон, но разумная жена сумеет что-нибудь из него сделать. Сначала ты не относилась к нему так отрицательно; что же случилось в последнее время?

Маргарита ничего не ответила на этот вопрос, казалось, несколько смутивший ее, но вскоре овладела собой и решительно заявила:

– Я его не люблю; я не хочу и не пойду за него замуж.

После такого категорического заявления отцу, конечно, не оставалось ничего другого, как пожать плечами.

– Ну, твое дело, – с недовольством сказал он, – тогда я выложу ассессору всю правду, прежде чем он уедет от нас.

Молодая девушка с равнодушным видом подошла к столу, взяла лежавшую на нем книгу и начала читать. Управ-

ляющий, несколько раздраженный, ходил взад и вперед по комнате и, наконец, остановился перед дочерью.

– Что это за толстая книга, которую я постоянно вижу в твоих руках? Вероятно, грамматика? Ты так усердно изучаешь французский язык?

– Нет, папа, грамматика слишком скучна, чтобы ее постоянно читать. Я изучаю историю германистики.

– Что ты изучаешь? – переспросил Франк, не веря своим ушам.

– Историю германистики! – повторила дочь с полным сознанием своего достоинства. – Прекрасная книга! Не хочешь ли почитать? Вот первый том!

– Оставь меня в покое со своей германистикой! – воскликнул Франк. – Мне и так некогда. Но каким образом к тебе попала эта ученая музыка? Вероятно, через доктора Фабиана? Только это против уговора; он ведь обещал заниматься с тобой французским языком, а вместо этого приносит тебе из своей библиотеки всякую рухлядь, в которой ты все равно ничего не понимаешь.

– Я все понимаю! – оскорбленно воскликнула молодая девушка, – да, кроме того, это вовсе не рухлядь, а совершенно новое произведение. Доктор Фабиан сам написал его, и две наши знаменитости – профессора Шварц и Вебер – поссорились из-за этой книги будущей третьей знаменитости, то есть из-за доктора Фабиана. Вот увидишь, папа, он когда-нибудь будет известнее, чем эти оба взятые вместе...

– Послушай-ка, дитя мое, ассессор, кажется, сделал большую глупость, выдумав эти уроки французского, – перебил ее отец. – Если ты, у которой не хватало раньше терпения дочитать до конца роман, теперь ревностно изучаешь историю германистики, то это что-то подозрительное, и я считаю необходимым прекратить эти уроки.

Дочь осталась очень недовольна этой речью и собралась энергично возразить, но управляющего вызвали по делу, и он ушел. Маргарита осталась в очень скверном настроении. Ассессор Губерт не мог бы сделать ничего более неудачного, как войти в эту минуту в комнату, но его злой рок, конечно, привел его сюда именно теперь. Он был, как всегда, воплощенной вежливостью и вниманием, но избранница его сердца принимала это так немилостиво, что он не мог удержаться, чтобы не высказать этого.

– Вы, кажется, не в духе? – начал он после многих тщетных попыток завязать разговор. – Нельзя ли узнать причину?

– Мне досадно, что действительно выдающиеся люди обычно крайне робки и совершенно лишены всякой самоуверенности, – ответила Маргарита.

Лицо ассессора просияло. «Выдающиеся люди», отсутствие самоуверенности, робость... конечно, речь шла о нем, намек не мог быть более ясным.

Маргарита тотчас же заметила, что Губерт принял ее неосторожные слова на свой счет, и решила немедленно исправить свою оплошность.

– Вам совершенно незачем окидывать меня таким «полицейским» взглядом, я не заговорщица, – сказала она, – а это, кажется, единственное, что вас теперь интересует.

– Фрейлейн, – с достоинством произнес слегка уязвленный ассессор, – вы упрекаете меня в моем ревностном отношении к службе, тогда как я считаю это своим достоинством. На нас, чиновниках, лежит вся забота о порядке и безопасности страны; только благодаря нам...

– Ну, если бы вы один заботились о нашей безопасности, так нас давно тут убили бы, – прервала его молодая девушка. – Наше счастье, что у нас есть господин Нордек.

– Господин Нордек, кажется, возбуждает всеобщее восхищение, не исключая и вашего? – обиженно заметил Губерт.

– Да, и моего, – подтвердила Маргарита, бросая очень выразительный взгляд на ассессора, – я восхищаюсь только им и больше никем!

– О, – улыбнулся Губерт, – другие и не претендуют на холодное восхищение, они рассчитывают на гораздо более теплое чувство родственной души.

Маргарита увидела, что дерзости не помогают; Губерт шел к своей цели прямо, но она вовсе не имела желания выслушивать его объяснение; ей было неприятно ответить ему отказом, и она предпочитала предоставить все это дело отцу, а потому задала ему первый пришедший ей в голову вопрос:

– Вы давно не рассказывали мне ничего о вашем знаменитом дядюшке в И... Что он поделывает?

Ассессор, увидевший в этом вопросе лишь интерес к его семейным делам, охотно ответил на него:

– У моего бедного дяди в последнее время много неприятностей. В университете образовалась целая партия противников, во главе которой стоит профессор Вебер. Этот Вебер, назло моему дяде, выдвигает какого-то невежественного человека и ставит его никому не известное произведение наряду с сочинениями моего дяди. Последний так рассержен, что хочет подать в отставку. Конечно, его не отпустят, потому что это будет для университета невосполнимой потерей. Меня очень трогает, что вы так интересуетесь моим дядей; я часто писал ему о вашей семье, и он был бы очень рад...

Девушка в отчаянии вскочила, подбежала к открытому роялю и начала играть, но Губерт тотчас же очутился возле нее.

– Ах, мой любимый вальс! – воскликнул он. – Конечно, музыка лучше всего передает чувства. Не правда ли?

Маргарита отчаялась: сегодня все было в заговоре против нее. Это была единственная пьеса, которую она знала наизусть, но она не решилась играть по нотам, так как видела, что Губерт только и выжидает паузы, чтобы выразить словами чувства, переполнявшие его сердце, а потому изо всех сил в самом бурном темпе барабанила этот вальс. Получалось что-то ужасное; лопнула струна, но шум был такой, что должен был заглушить всякое объяснение.

– Разве здесь уместно фортиссимо? – отважился спросить

Губерт. – Мне кажется, вся пьеса должна исполняться совсем пиано?

– А я исполню ее фортиссимо, – заявила Маргарита, так ударив по клавишам, что лопнула вторая струна. Ассессор, будучи немного нервным, вздрогнул:

– Вы испортите этот прекрасный инструмент, – произнес он.

– На что же существуют на свете настройщики? – крикнула Маргарита.

Заметив, что этот «музыкальный шум» неприятен Губерту, она забарабанила с еще большей силой, хладнокровно пожертвовав третьей струной. Это, наконец, подействовало. Ассессор убедился, что сегодня не удастся объясниться, и решил отступить.

Когда он ушел, Маргарита встала и заперла рояль.

– Лопнули три струны, – произнесла она с некоторым удовлетворением, – но все же я не дала ему объясниться; пусть с ним разделяется папа.

Она села к столу, взяла книгу и снова углубилась в «Историю германистики».

Несколькими часами позднее Вольдемар Нордек возвращался верхом из Л., куда поехал сегодня утром и где довольно часто бывал в последнее время. Он знал, что его отношения с матерью являлись предметом разговоров в Л., а потому старался не давать пищи всяким вздорным слухам и показывал всем, что совершенно спокоен. Теперь, когда он был

в лесу один, его лицо выражало глубокую тоску, а лоб был мрачно нахмурен. Он ехал шагом, не разбирая дороги, и на одном из перекрестков машинально придержал лошадь, чтобы пропустить летевшие во весь дух сани.

Норман вдруг поднялся на дыбы; всадник так сильно дернул узду, что лошадь испугалась и бросилась в сторону, попав при этом в канаву, шедшую вдоль дороги и только слегка прикрытую снегом, и чуть не упала вместе с всадником. Однако Вольдемар быстро заставил коня выскочить из канавы.

Между тем сани по приказанию сидевшей в них дамы остановились, и молодой человек приблизился к ним. Сидевшая в них дама была бледна и заметно взволнована.

– Простите, графиня Моринская, если я перепугал вас, – произнес он, – моя лошадь испугалась неожиданной встречи.

Ванда была не из пугливых и причиной ее сильной бледности являлся, вероятно, не столько испуг, сколько неожиданная встреча.

– Надеюсь, вы не ушиблись? – спросила она.

– Я – нет, но Норман... – Вольдемар не договорил и быстро соскочил с седла. Лошадь, видимо, повредила себе заднюю ногу. Вольдемар быстро осмотрел ее и снова обратился к молодой графине. – Это пустяки, – произнес он прежним холодным и принужденным тоном, – прошу вас не терять из-за этого своего времени.

Вслед за тем он, поклонившись, отступил в сторону, чтобы пропустить сани.

– Разве вы не сядете на лошадь? – спросила Ванда, видя, что он обернул поводья вокруг руки.

– Нет, Норман сильно хромает; ему больно идти, и он не может нести всадника.

– Но ведь до Вилицы два часа езды, – заметила Ванда, – не можете же вы проделать этот путь пешком, да еще медленным шагом.

– Но мне не остается ничего другого, – спокойно ответил Нордек. – Я должен отвести свою лошадь хотя бы в ближайшую деревню, куда потом могу послать за ней.

– Но уже стемнеет, прежде чем вы достигнете замка.

– Не беда, я знаю дорогу.

Молодая графиня бросила взгляд на дорогу, ведущую в Вилицу и теряющуюся в лесу.

– Не лучше ли было бы, если бы вы воспользовались моими санями? – тихо, не подымая глаз, произнесла она. – Мой кучер мог бы тем временем отвести вашу лошадь в деревню.

Вольдемар с изумлением посмотрел на нее; это предложение крайне поразило его.

– Благодарю вас, но вы, вероятно, едете в Раковиц...

– Крюк через Раковиц не так велик, – поспешно перебила его Ванда, – а оттуда вы сможете один ехать в моих санях.

Эти слова были произнесены с трудом, и в них слышалась большая тревога. Прошло несколько секунд, пока Вольдемар ответил:

– Я думаю, будет лучше, если я поеду прямо в Вилицу.

– Но я прошу вас не делать этого, а ехать со мной.

На этот раз в голосе Ванды так ясно слышался страх, что Вольдемар перестал противиться. Он передал кучеру лошадь, приказав ему как можно осторожнее доставить ее в ближайшую деревню, и вскочил в сани, причем разместился на находящемся позади сиденья месте для кучера и взял вожжи.

Поездка происходила в полном молчании. Вольдемар сосредоточил все свое внимание на лошадях, а Ванда, завернувшись в шубу, даже ни разу не повернула головы.

Было уже начало марта, но зима в этом году, казалось, вовсе не хотела кончаться. Дорога сначала шедшая по полю, снова повернула в лес, где снег был так глубок, что лошади, с трудом передвигая ноги, шли шагом. Темные сосны, стоявшие по бокам дороги, низко склонялись под тяжестью покрывавшего их снега; одна из ветвей задела голову Вольдемара, и облако белых хлопьев посыпалось на его спутницу. Последняя слегка обернулась к нему и проговорила, указывая на деревья:

– Дорога в Вилицу все время идет по такому лесу.

– Это для меня не новость, – улыбнулся Вольдемар, – я достаточно часто езжу по этой дороге.

– Но не ходите пешком и притом в сумерки. Неужели вы не знаете или не хотите знать, что вам грозит опасность?

Улыбка сбежала с лица молодого человека и уступила место обычной серьезности.

– Если бы я сомневался в этом, то пуля, на днях пролетевшая над моей головой, когда я возвращался из пограничного лесничества, наверное, сделала бы меня умнее.

– Ну, если вы уже имели опыт в данном отношении, то ваши постоянные поездки без провожатого являются прямо-таки вызовом, – воскликнула Ванда, не будучи в состоянии скрыть свой страх.

– Я никогда не выезжаю без оружия, а от выстрела из-за угла меня не оградит никакой провожатый. Если я начну выказывать страх и принимать всякие меры предосторожности, то моему авторитету наступит конец.

– А если бы та пуля попала в вас? – слегка дрожащим голосом спросила Ванда. – Вы понимаете, как близка была опасность?

Молодой человек слегка наклонился к ней и спросил:

– Так, значит, вы хотели спасти меня от подобной опасности, когда настаивали на том, чтобы я проводил вас?

– Да, – последовал еле слышный ответ.

Нордек хотел что-то сказать, но вдруг выпрямился, натянул вожжи и с горечью произнес:

– Вам придется ответить за это перед вашей партией!

Ванда обернулась к нему и посмотрела ему прямо в глаза.

– Да, потому что вы открыто объявили нам войну, хотя в вашей власти было предложить нам мир.

– Я сделал то, что должен был сделать; вы забываете, что мой отец – немец.

– А ваша мать – полька.

– Вам незачем с таким упреком говорить мне это. Эта роковая рознь уже стоила мне достаточно дорого.

– Да, но всякий другой постарался бы добиться примирения; при некоторых уступках между сыном и матерью оно было бы вполне возможным.

– Между сыном и матерью – может быть, но не между княгиней Баратовской и мной, – сухо и твердо произнес Нордек.

Ванда ничего не ответила; она осознала, что он прав, а вместе с тем чувствовала, что этот человек, считавшийся холодным и черствым, сильно страдал от разлада со своей матерью. Он до сих пор не мог простить ей безграничную любовь к младшему сыну и полное равнодушие к нему, старшему.

Лес кончился, лошади побежали быстрее, и вскоре показался Раковиц. Вольдемар хотел свернуть на большую дорогу, но Ванда остановила его.

– Высадите меня, пожалуйста, у деревни, я пойду пешком.

Нордек несколько мгновений молча смотрел на нее, а затем спросил:

– Значит, вы не решаетесь показаться в Раковице в моем обществе? Да, да, я совсем позабыл, что этого вам никогда не простят. Ведь мы – враги.

– Исключительно по вашей вине, – заявила Ванда. – Никто не заставлял вас враждовать с нами. Наша борьба не затрагивает вашего отечества.

– Лучше не будем касаться этого вопроса, – с горечью произнес Вольдемар. – Я не могу находиться между двумя враждующими партиями. Я должен был на чем-либо остановить свой выбор. Никто не знает, чего он мне стоил, но все равно я его сделал и на том останусь, хотя знаю, что он, быть может, будет стоить мне жизни и обязательно вызовет ненависть всей Вилицы, моей матери, брата, а также и вашу. Но я не избалован любовью и лаской, а потому можете ненавидеть меня, Ванда! Быть может, это самое лучшее для нас обоих!

Они подъехали к деревне. Соскочив со своего места, Нордек протянул руку и хотел помочь молодой графине выйти из саней, но она молча отстранила ее и обошлась без его помощи. Не произнеся ни слова, она только поклонилась и хотела идти.

Вольдемар отступил, его лицо снова стало мрачным, отказавно глубоко оскорбил его.

– Я пришлю сани завтра, – холодно произнес он, – с благодарностью, если вы только не откажетесь от нее, как от той ничтожной услуги, которую я только что попытался оказать вам.

Казалось, Ванда боролась сама с собой; она уже собралась идти, но остановилась и, запинаясь, произнесла:

– Господин Нордек!.. Я... вы должны обещать мне, не подвергаться опасности, как хотели сделать это сегодня. Вы правы; вас ненавидит вся Вилица: не облегчайте ей возможность сразить вас... прошу вас об этом.

Услышав слова Ванды, Вольдемар густо покраснел.

– Вы просите? Хорошо... я буду осторожнее, – тихо произнес он.

– Тогда прощайте!

Ванда повернулась и пошла по дороге в деревню. Нордек смотрел ей вслед до тех пор, пока она не исчезла за ближайшим домом, а затем вскочил в сани и помчался по направлению к Вилице. Вынув револьвер из кармана, он положил его рядом с собой и, с обычной уверенностью управляя лошастью, внимательно оглядывался по сторонам. Этот упрямый человек, не знавший страха, вдруг стал осторожным и осмотрительным; ведь теперь он знал, что есть существо, которое беспокоится за его жизнь.

Глава 18

Со времени отъезда отца Ванда жила в Раковице одна, но княгиня часто навещала ее и в данный момент как раз находилась в этом имении, решив провести тут несколько дней.

Утром на следующий день после ее приезда они сидели в комнате молодой графини; только что были получены известия от своих и они еще держали в руках распечатанные письма. Однако эти известия, казалось, были малоутешительны, так как Ванда была очень серьезной, а княгиня – очень хмурой. Наконец, отложив в сторону письмо своего брата и сына, графиня проговорила:

– Опять отброшены! Настоящего успеха все еще нет! Можно совсем прийти в отчаяние!

Ванда опустила лист, который держала в руках, и заметила:

– Папа пишет в очень мрачном тоне; все хотят повелевать, никто не хочет повиноваться. Что из этого выйдет!

– Твой отец видит все в слишком черном свете, – успокоила ее княгиня, – это уже черта его характера. Лев, несмотря на все неудачи, вероятно, теперь счастлив; мой брат, наконец, внял его просьбам и поручил ему самостоятельное командование. Его отряд находится совсем близко от границы, но ни я, ни ты, ни на минуту не можем повидаться с ним.

– Ради Бога, не внушай ему подобных мыслей! – восклик-

нула Ванда, – ради свидания с нами он сделает какое-нибудь безумие.

– Этого он не сделает, – серьезно произнесла княгиня, – так как получил строжайший приказ не покидать своего поста. Что он пишет тебе? Письмо ко мне очень короткое и написано наспех; твое, кажется, более содержательное?

– Оно содержит очень мало из того, что для нас, вынужденных бездействовать, представляется самым важным. Лев пишет только о своей любви и в самый разгар войны находит время мучиться своей ревностью.

– Странный упрек из уст невесты! – с легкой насмешкой заметила княгиня. – Другая на твоём месте была бы счастлива, что даже в такое время мысли её жениха поглощены ею.

– Речь идет о борьбе не на жизнь, а на смерть, и я требую от мужчины подвигов, а не любовных клятв.

– Теперь, когда представляется случай проявить себя, Лев, без сомнения, воспользуется им, – возразила княгиня, нахмурившись и складывая письма. – По всей вероятности, на этих днях надо ждать сражения около самой границы. Какое большое значение могла бы иметь при этом Вилица!

Ванда посмотрела на тетку своими темными глазами.

– Вилица? – повторила она. – Знаешь, тетя, я, конечно, понимаю необходимость, удерживающую тебя там, но не была бы в состоянии приносить такую жертву и ежедневно видеться с человеком, с которым была в таких же отношениях, как ты со своим сыном.

– Да этого никто, кроме нас двоих, и не выдержит, – с горькой иронией ответила княгиня. – Надо отдать справедливость, Ванда, ты была права в своем суждении относительно Вольдемара; я представляла себе борьбу с ним более легкой.

– Он – твой сын; ты все время забываешь об этом.

Княгиня подперла голову рукой.

– Он достаточно позаботился о том, чтобы я этого не забывала; к несчастью, Нордек не оставил мне мальчика и я никогда не могла быть ему настоящей матерью. Будь иначе, я воспитала бы его в духе нашего народа. – Тон, которым говорила княгиня, был совершенно необычен в ее устах по отношению к старшему сыну; ведь до сих пор все нежные чувства, столь редко проявлявшиеся у нее, относились к младшему. – Но все равно мы враги и останемся ими. Это надо перенести так же, как и многое другое! – воскликнула княгиня и, вдруг оборвав свою речь, как бы не желая поддаваться овладевшему ею настроению, поспешно встала.

В эту минуту вошел слуга с докладом, что приехал дворецкий из Вилицы и немедленно желает видеть княгиню.

– Павел? Значит, что-то случилось? Пусть войдет!

Вошел Павел. Это был слуга покойного князя Баратовского, последовавший за ним в изгнание и теперь занимавший в Вилице место дворецкого. Старик казался взволнованным и встревоженным.

– Что скажешь? Что случилось в Вилице? – спросила кня-

гиня.

– В самой Вилице ничего, – доложил Павел, – но в пограничном лесничестве... там опять вышли неприятности с солдатами. Лесничий наставил патрулю всяких препятствий по дороге, дело чуть не дошло до открытого столкновения.

С уст княгини чуть не сорвался возглас сильнейшего недовольства.

– Глупость этих людей вечно нарушает наши планы! Именно теперь, когда нужно во что бы то ни стало отвлечь внимание от этого лесничества, они умышленно обращают его на себя. Ведь я же приказывала Осецкому быть осторожным и сдерживать своих подчиненных. Туда непременно надо послать нарочного и напомнить ему это строгое приказание.

Ванда также подошла ближе; происшествие в пограничном лесничестве, очевидно, сильно заинтересовало и ее.

– Господин Нордек, к сожалению, уже предупредил нас, – нерешительно продолжал Павел. – Он уже дважды предостерегал лесничего под угрозой наказания, теперь же, после этого нового случая, послал ему приказание со всеми своими людьми перебраться в Вилицу.

– А что сделал Осецкий? – поспешно прервала его княгиня.

– Он решительно отказался подчиняться и велел передать хозяину, что пограничное лесничество поручено ему, и он там останется.

На лице княгини выразился испуг. Прошло несколько секунд, пока она проговорила:

– А как решил мой сын?

– Господин Нордек заявил, что после обеда сам съездит туда.

– Один? – воскликнула Ванда.

– Молодой барин всегда ездит один, – ответил Павел.

Княгиня, казалось, не слышала последних слов, очевидно, будучи поглощена своими мыслями, но затем, как-то очнувшись от них, проговорила:

– Позаботься, Павел, о том, чтобы сейчас же запрягли; ты поедешь со мной в Вилицу. Ступай!

Старик ушел.

Не успела дверь закрыться, как Ванда быстро подошла к тетке и воскликнула:

– Ты слышала, тетя? Он хочет ехать в лесничество!

– Ну, да! – холодно ответила княгиня. – Что же дальше?

– Что дальше? Ты думаешь, что Осецкий покорится?

– Нет, он ни в коем случае не должен этого делать. Его лесничество в данный момент крайне важно для нас; нам непременно нужно иметь там преданных людей. Безумно именно теперь начинать эту историю.

– Теперь лесничество для нас пропало, – с запальчивостью воскликнула Ванда. – Вольдемар заставит там всех подчиняться только ему.

– В данном случае он этого не сделает, – ответила кня-

гиня, – так как избегает какого бы то ни было, насилия. Я знаю, что его очень просили об этом; власти очень боятся, что восстание перейдет сюда. Осецкий уступит только силе, Вольдемар же так не поступит.

– Но ты ведь не допустишь этого? – воскликнула молодая графиня, – ты ведь поедешь в Вилицу, чтобы предостеречь и удержать его?

Княгиня с изумлением посмотрела на свою племянницу.

– Что тебе вздумалось? Предостережение из моих уст выдало бы Вольдемару все, что теперь еще, может быть, можно предотвратить.

– Ты думаешь, что твой сын допустит, чтобы ему отказывались повиноваться? Тетя, ты ведь знаешь, что этот дикий человек, Осецкий, способен на все, да и его помощники не лучше его.

– Вольдемар также знает это, – с полным спокойствием ответила княгиня, – а потому не станет раздражать, их.

– Они ненавидят его, – дрожащими губами проговорила Ванда. – Однажды, когда он ехал в это лесничество, пуля уже пролетела над его головой, другая же может в него попасть.

– Откуда ты это знаешь?

– Один из наших рассказывал мне, – быстро спохватившись, ответила Ванда.

– Басня, вероятно, выдуманная доктором Фабианом, – заметила княгиня. – Ведь он все время дрожит за своего воспитанника. Вольдемар – мой сын, и это спасет его от всяких

нападений.

– Если страсти разгорятся, то уже не спасет, – довольно неосторожно воскликнула Ванда, теряя самообладание. – Лесничему ты тоже приказала быть осторожным и видишь, как это исполняется.

Княгиня угрожающе посмотрела на племянницу.

– Не лучше ли было бы тебе приберечь свои усиленные заботы для наших? Кажется, ты забываешь, что Лев ежедневно подвергается такой же опасности.

– Да, но если бы мы знали это и имели возможность его спасти, то, не теряя ни минуты, поспешили бы к нему на помощь, – горячо воскликнула молодая графиня.

– Вольдемар знает о грозящей ему опасности и должен быть благоразумным; теперь не такое время, чтобы играть ею. Если же он, несмотря ни на что, прибегнет к насилию, то пусть сам и отвечает за последствия.

Ванда слегка вздрогнула, заметив взгляд княгини, сопровождавший эти слова.

– И это говорит мать! – воскликнула она.

– Это говорит глубоко оскорбленная мать, которую сын довел до крайности! Он виноват в том, что мы стали друг другу врагами, он, только он. Так пусть же он один отвечает за все, что связано с этой враждой!

В ее голосе звучала ледяная холодность, в нем не было и следа материнского чувства. Она собиралась выйти, чтобы подготовиться к отъезду, но тут ее взгляд упал на Ванду.

Молодая девушка не произнесла ни слова, но ее взгляд с такой угрюмой решимостью встретился с глазами тетки, что та остановилась.

– Я хотела бы напомнить тебе одно, – сказала княгиня, и ее рука тяжело легла на руку племянницы, – если я не предупреждаю Вольдемара, то это не смеет сделать и никто другой, потому что это будет изменой нашему делу. Почему ты так вздрогнула при этом слове? А как бы ты оценила, если бы владелец Вилицы получил – хотя бы через третьи или четвертые руки – известия, которые открыли бы ему наши тайны? Ванда, до сих пор Моринским еще никогда не приходилось раскаиваться в том, что они доверяли свои планы женщинам из своей семьи. Между ними еще никогда не было изменниц!

– Тетя! – Ванда воскликнула с таким ужасом, что княгиня медленно сняла свою руку с ее руки.

– Я только хотела втолковать тебе, что тут поставлено на карту, – продолжала княгиня, – и думаю, что ты захочешь прямо посмотреть отцу в глаза, когда он вернется обратно. Как ты после того смертельного страха, который теперь снедает тебя, и который ты тщетно стараешься скрыть, встретишь взгляд Льва, это твое дело! Но если бы я когда-нибудь подозревала, что этот удар ожидает Льва и притом со стороны брата, то постаралась бы всеми силами подавить его роковую любовь к тебе, вместо того чтобы поощрять ее. Теперь уже слишком поздно как для него, так и для тебя; в этом я

убедилась только что.

Молодой графине не пришлось что-либо отвечать, так как в эту минуту вошел Павел с докладом, что лошади поданы. Десять минут спустя княгиня была готова и садилась в ожидавшие ее сани. Прощание с племянницей было непродолжительным и происходило в присутствии слуги, но Ванда прекрасно поняла взгляд, который бросила ей тетка. Она молча положила свою холодную как лед руку на руку княгини и та, казалось, удовлетворилась этим безмолвным обещанием.

Молодая графиня, наконец, осталась наедине с собой и со своей тревогой, указывавшей ей на опасность, которой не хотела верить мать. Ванда стояла у письменного стола, на котором еще лежали письма отца и Льва. Несколько слов, набросанных на бумагу и посланных в Вилицу, могли предотвратить все. Молодая девушка была достаточно посвящена в планы организации и знала, какое значение имело пограничное лесничество; там хранилась часть оружия, а потому было необходимо иметь преданного человека, на которого можно было бы рассчитывать; удаление лесничего было равносильно потере этого значимого для партии поста.

Нордек редко приезжал в это отдаленное лесничество, так как у него было слишком много дел в Вилице; если он увидит теперь, что там открыто противятся его приказаниям, то без всякого сожаления примет свои меры. А он неминуемо должен будет открыть все, если получит предупреждение, что

там ему грозит опасность.

Все это очень четко представилось Ванде, но в то же время ей была ясна опасность, грозившая Вольдемару. Увы! Ужасное слово «измена» парализовало всю силу ее воли. Она сама угрожала Льву своим презрением, когда он в припадке ревности колебался исполнить свой долг, теперь же этот долг повелевал ей не писать тех слов, которые могли избавить Нордека от опасности.

Ванда тщетно искала какой-либо выход, перед ней все время неумолимо стояло грозное «да» или «нет».

Прошло уже более часа, и молодая девушка совершенно обессилела от этой ожесточенной борьбы; ее лицо ясно выражало, что она пережила за этот час; она была не в состоянии больше бороться и даже думать и, в изнеможении опустившись в кресло, закрыла глаза.

Тут перед ней снова тихо выплыло сотканное когда-то из солнечного света и шума моря видение, которое оплело своими чарами два юных сердца, не подозревавших тогда, что оно означало. С того осеннего вечера в лесу оно часто появлялось перед молодой графиней, и никакие усилия воли не могли заставить его исчезнуть. Теперь оно снова стояло перед ней, как бы начертанное волшебной рукой и озаренное ярким золотистым сиянием. Ванда боролась против этого очарования со всей страстностью и энергией своего характера. Она отдала разлукой и расстоянием человека, которого хотела ненавидеть, потому что он не принадлежал к

друзьям ее народа; она искала спасения в этой теперь столь ярко вспыхнувшей вражде обеих наций... но какой смысл имела вся эта отчаянная борьба, когда победа все-таки не была достигнута? Теперь уже больше не могло быть речи о мечте или самообладании. Она знала теперь, какие чары завладели ею тогда на Буковом полуострове; она осознавала, что разорванные нити этих чар начали опутывать ее тогда в лесу и окончательно сковали теперь. Она знала также, какие сокровища открыл ей старый чудесный город – увы! – лишь на несколько мгновений, чтобы затем снова исчезнуть в морской пучине. Только в одной старой легенде не солгала ей; воспоминание о нем не хотело исчезать, тоска не прекращалась, и среди всей этой вражды, борьбы и сопротивления нежно и таинственно звучали из морской глубины волшебные колокола Винеты.

Ванда медленно поднялась. Ужасная борьба в ее душе между любовью и долгом была окончена; эти последние минуты решили все. Она не поспешила к письменному столу и не взялась за перо, а дернула за звонок и позвала слугу. Она опиралась на стол, ее рука дрожала, но лицо было спокойно и выражало твердую решимость.

– Если дело дойдет до крайности, то я вмешаюсь, – дрожащими губами прошептала она. – Его мать совершенно спокойно и равнодушно позволяет ему идти навстречу опасности, ну, так я спасу его!

Опасное лесничество находилось всего на расстоянии по-

лучаса ходьбы от границы. Довольно большой красивый дом, назначенный для лесничего и построенный покойным Нордеком, имел теперь запущенный вид, так как в течение двадцати лет совершенно не ремонтировался; теперешний лесничий был обязан своим местом исключительно влиянию княгини, которая воспользовалась смертью его предшественника, чтобы устроить одного из своих приверженцев, который был предан ей телом и душой.

Глава 19

Лес и дом лесничего были еще сильно занесены снегом. В большой комнате первого этажа находился сам лесничий вместе со своими помощниками и несколькими работниками; у всех за плечами были ружья и они, по-видимому, ожидали своего хозяина, но о повиновении, очевидно, не было и речи; насупленные, упрямые лица людей не предвещали ничего хорошего. Тем не менее, все они стояли в данную минуту в почтительных позах, так как с ними была и молодая графиня Моринская.

– Вы поставили нас в скверное положение, Осецкий, – проговорила она. – На вас возлагалась обязанность заботиться о том, чтобы лесничество осталось вне подозрений, а вместо этого вы заводите ссоры с патрулем. Княгиня очень недовольна. Я явилась от ее имени, чтобы еще раз запретить вам какие бы то ни было выходки. Ваше самовольство уже причинило нам много вреда.

Этот упрек, по-видимому, произвел на лесничего впечатление; он опустил глаза, и в его голосе прозвучало нечто вроде раскаяния.

– На этот раз я не мог сдержать своих людей. Ах, если бы только княгиня и вы, ваше сиятельство, знали, каково нам тут сидеть, сложа руки, когда по ту сторону границы идет такая борьба! У всякого терпение лопнет. Если бы я не знал,

что мы тут необходимы, то мы уже давно были бы там.

– Вы останетесь здесь! – решительно проговорила Ванда. – Вам известно приказание моего отца; это лесничество непременно должно быть нашим, а там у него людей достаточно. Но теперь главное вот в чем: сегодня здесь будет господин Нордек.

– Да, – с насмешкой произнес лесничий, – он хочет заставить нас подчиниться. Повелевать Нордек умеет, но еще вопрос, найдется ли хоть один человек, который захочет ему повиноваться!

– Что вы хотите этим сказать? – спросила графиня. – Разве вы забыли, что Вольдемар Нордек – сын вашей госпожи?

– Князь Баратовский – ее сын и наш господин, – воскликнул лесничий, – если же она и потеряет своего Нордека, то вряд ли будет горевать о нем больше, чем о его отце. Да и вообще это было бы самое лучшее; тогда управлять всем станет княгиня, а молодой князь будет ее наследником, как, в общем, следовало бы.

Ванда побледнела. Так вот до чего довела роковая рознь между матерью и сыном!.. Подчиненные уже хладнокровно рассуждали о том, какие выгоды представляет смерть Вольдемара его ближайшим родным! Ванда чувствовала, что к ней здесь относятся с уважением только как к дочери графа Моринского и племяннице княгини, явившейся от ее имени; если бы только находящиеся здесь догадались, что именно привело ее сюда, то ее власти пришел бы конец, а вместе с

тем исчезла бы и возможность спасти Вольдемара. Поэтому молодая девушка поняла, что ей необходимо сохранить полное самообладание.

– Не смейте трогать вашего хозяина, – произнесла она повелительно, но так спокойно, как будто действительно исполняла возложенное на нее поручение. – Что бы ни случилось, княгиня хочет, чтобы ее сын оставался невредимым. Осецкий, вы должны повиноваться во что бы то ни стало – именно этого от вас ждет княгиня. Вы уже разгневали ее однажды своим непослушанием, не делайте этого вторично!

Лесничий с недовольством стукнул своим ружьем о пол, но ни он, ни остальные не решились даже роптать, ведь речь шла о приказании княгини, которая пользовалась авторитетом.

Ванда, безусловно, достигла бы своей цели, если бы имела возможность дольше воздействовать на этих людей. Но в эту минуту подъехали сани, и все посмотрели в окно. Молодая графиня всполошилась; тревожно оглядевшись по сторонам, она скользнула к маленькой двери, находившейся в глубине комнаты, и быстро произнесла:

– Уже! Откройте мне скорее эту дверь, Осецкий! Вы ни одним звуком не должны выдавать мое присутствие!

Лесничий поспешно подчинился; он знал, что молодой хозяин ни в коем случае не должен был видеть здесь графиню Моринскую. Ванда проскользнула в маленькую полутемную каморку; дверь за ней захлопнулась.

Две минуты спустя появился Вольдемар. Он остановился на пороге и долгим взглядом обвел лесников, с ружьями в руках окруживших своего начальника. Затем совершенно спокойно обратился к лесничему:

– Я не предупредил о своем приезде, Осецкий, но вы, тем не менее, кажется, подготовлены к этому?

– Да, господин Нордек, мы ждем вас, – последовал лаконичный ответ.

– С оружием? Что означают эти ружья в ваших руках? Уберите их!

Предостережение графини Моринской, вероятно, оказало свое действие – лесники повиновались. Лесничий первый поставил ружье, хотя на таком расстоянии, что мог свободно достать его рукой; остальные последовали его примеру.

Вольдемар вошел в комнату.

– Я приехал сюда, Осецкий, чтобы потребовать от вас объяснений по поводу недоразумения, которое произошло вчера, – снова начал он. – Посыльный, вероятно, не понял вашего ответа на мое письменное приказание. Что, собственно, вы поручили мне передать?

Этот краткий, точный вопрос не допускал никаких отговорок и требовал такого же определенного ответа, однако лесничий колебался, у него явно не хватало мужества повторить в лицо своему хозяину то, что он сказал вчера посыльному.

– Я пограничный лесничий, – наконец произнес он, – и ду-

маю, что останусь им, пока нахожусь у вас на службе, господин Нордек. Я отвечаю за свое лесничество, а потому управлять им должен я, а не кто-либо другой.

– Однако вы показали, что неспособны на это, – серьезно ответил Нордек. – Вы или не хотите, или не можете сдерживать ваших людей. Я уже дважды предупреждал вас, вчерашний случай был третьим и последним.

– Я не могу сдержать своих людей, когда они в такое смутное время сталкиваются с солдатами.

– Поэтому-то вы и должны отправиться в Вилицу.

– А мое лесничество?

– Останется под присмотром помощника управляющего Фельнера, пока приедет новый лесничий, который был предназначен для Вилицы, а вы займете его место. Во всяком случае, вы должны завтра же очистить лесничество. Вам, я думаю, известно, что я не отменяю отданных мной приказаний. Дом лесничего в Вилице в данное время пуст. Или вы завтра со всеми вашими людьми переберетесь туда, или же будете уволены.

Среди лесников послышался угрожающий ропот. Осецкий, подойдя вплотную к молодому Нордеку, воскликнул:

– Ого! Так не годится! Я не поденщик, которого сегодня нанимают, а завтра увольняют. Вы можете уволить меня, но до осени я имею право оставаться здесь, так же как мои люди, которых нанял я. Мой участок – пограничное лесничество; другого я не хочу и не пойду никуда. Ну, а если кто-нибудь

захочет прогнать меня отсюда, то пусть попробует.

– Вы заблуждаетесь, – ответил Вольдемар, – лесничество принадлежит мне, а лесничий должен подчиняться моим приказаниям. Не предъявляйте прав, которые вы утратили сами, по своей вине. То, что учинили вчера ваши люди, заслуживает лишь строгого наказания, и если вы не подверглись ему, то лишь благодаря моему ходатайству в Л. Вы немедленно подчинитесь моим требованиям, или я сегодня же предложу командующему войсками лесничество в качестве наблюдательного поста, и завтра же здесь будут солдаты.

Осецкий сделал движение, чтобы схватить ружье, но одумался.

– Этого вы не сделаете, господин Нордек, – глухо сказал он.

– Это я сделаю, как только дело дойдет до неповиновения и сопротивления. Решайте! Будете вы завтра в Вилице или нет?

– Нет, десять раз нет! – со страшным раздражением крикнул Осецкий. – Я имею приказание не уступать лесничества.

– Приказание? От кого?

Лесничий спохватился, но было уже поздно; слово было произнесено, и его нельзя было вернуть.

– От кого же вы получили приказ, который так противоречит моему? – повторил молодой хозяин. – От княгини Баратовской?

– А хотя бы и от нее! – злобно проговорил Осецкий. –

Княгиня в течение многих лет повелевала нами, почему бы ей не делать этого и теперь?

– Потому что теперь здесь есть хозяин, – холодно ответил Вольдемар. – Значит, вы имеете приказание, во что бы то ни стало оставаться в лесничестве и уступить только силе?

Осецкий молчал. Его неосторожное слово открыло Нордеку, что это сопротивление имело гораздо большее значение, чем он придавал ему.

– Однако все равно, – снова начал он, – не будем говорить о прошедшем, но с завтрашнего дня пограничное лесничество будет передано другому; об остальном мы можем столковаться в Вилице. Значит, до завтра!

Вольдемар повернулся, чтобы уйти, но Осецкий преградил ему дорогу; снова схватив в руки ружье, он воскликнул:

– По-моему, лучше все решить теперь раз и навсегда. Я не уйду отсюда ни в Вилицу, ни куда-либо в другое место; но вы также не уйдете отсюда до тех пор, пока не отмените своего приказания.

Его подчиненные, как по команде, взялись за ружья, и в одну минуту окружили молодого помещика. Однако он, сохранив все свое хладнокровие, спокойно спросил:

– Что это значит? Угроза?

– Понимайте, как хотите, только вы не сойдете с этого места, пока не отмените своего приказания. Теперь *мы* скажем: «Или – или». Берегитесь!

Эта угроза была встречена шумным одобрением со сто-

роны остальных лесников, и шесть ружей, направленных на Вольдемара, подтвердили слова Осецкого. Однако на лице молодого человека не дрогнул ни один мускул, только лоб нахмурился, когда он с невозмутимым спокойствием скрестил руки на груди и полупрезрительным тоном произнес:

– Вы дураки, и совершенно забываете, какие последствия это будет иметь для вас самих. Вы погибнете, если тронете меня. Преступление будет тотчас же раскрыто.

– А для чего же у нас под боком граница? – язвительно произнес лесничий. – Там никому до этого нет дела. В последний раз спрашиваю вас: даете ли вы слово в том, что все мы останемся здесь, и сюда не ступит нога солдата?

– Нет, – сказал молодой помещик, не трогаясь с места.

– Одумайтесь, господин Нордек, пока не поздно! – задышавшись от злобы, воскликнул Осецкий.

Вольдемар несколькими быстрыми шагами подошел к стене.

– Нет, говорю вам, – с этими словами он вынул револьвер и направил его на лесничего, – одумайтесь вы; некоторые из вас, наверно, поплатятся своей жизнью за это покушение; я стреляю так же хорошо, как и вы.

Эти слова подняли целую бурю, слышались угрозы, ругательства и проклятия; все взвели курки, и только Осецкий хотел подать сигнал к нападению, как дверь распахнулась, и в следующий момент возле Вольдемара очутилась Ванда.

Лесники, увидев графиню возле своего хозяина, на мгно-

вание остановились, Нордек же совершенно опешил и не мог объяснить себе это неожиданное появление. Но вдруг он понял все. Смертельная бледность Ванды, решительность, с которой она встала возле него, дали ему понять, что она знала о грозившей ему опасности и была здесь ради него.

Положение было слишком угрожающим и не давало молодым людям возможности объясниться или обменяться хоть несколькими словами. Ванда повелительно обратилась к нападающим. Вольдемар, плохо понимавший по-польски, разобрал только, что она приказывала и угрожала им, но безуспешно; ответы звучали грубо и грозно; лесничий топнул ногой, по-видимому, отказываясь повиноваться.

– Довольно, Ванда! – тихо проговорил Вольдемар, – дело дошло до борьбы, вы не можете больше сдерживать ее. Отойдите! Дайте мне место, чтобы защищаться.

Графиня не послушалась и осталась на своем месте; она знала, что единственное спасение Нордека в ее непосредственной близости. Лесники еще не решались их трогать, но приближался момент, когда и это средство спасения будет невозможным.

– Отойдите, графиня! – раздался голос лесничего, – посторонитесь, или я буду стрелять и в вас! – и он поднял ружье.

Ванда видела, как он поднес руку к курку, и, не помня себя от страха за жизнь Вольдемара, бросилась к нему на грудь, прикрывая его своим собственным телом. Раздался выстрел,

на который в тот же момент ответил револьвер Нордека. Лесничий с глухим стоном упал на пол. Пуля Вольдемара попала в цель; он сам и Ванда остались невредимыми; движение молодой девушки, которым она хотела оградить его от смертельной опасности, спасло их обоих.

Все это произошло так быстро, что никто из присутствующих не успел принять участия в этой борьбе. Теперь все увидели лесничего, лежавшего на полу, и молодого хозяина с оружием наготове. Наступила мертвая тишина, никто не шевелился.

После выстрела Вольдемар отеснил Ванду на свое, до некоторой степени защищенное, место, стал впереди нее и одним взглядом оценил создавшееся положение; он был окружен, выход прегражден, его револьверу противостояли шесть заряженных ружей. Если бы дело дошло до борьбы, то он и Ванда погибли бы. О защите нечего было и думать; здесь могла помочь только смелость, может быть, безумная, но, тем не менее, это средство следовало испытать.

Вольдемар выпрямился во весь рост и, оттолкнув рукой дула двух ближайших ружей, стал среди нападающих.

– Долой оружие! – крикнул он во весь свой мощный голос, – я не допускаю неповиновения в своих владениях. Вот видите, тут лежит первый, попытавшийся послушаться! Всякого, кто вздумает подражать ему, постигнет та же участь. Опустите ружья, говорю вам!

Люди как бы окаменели от изумления и молча глазели

на своего хозяина, который остался невредимым; никогда не дававшая промаха пуля Осецкого не задела его, тогда как лесничий лежал на полу, пораженный в самое сердце. В том движении, с которым отшатнулись от Вольдемара ближайшие лесники, был замечен оттенок суеверного ужаса; они медленно опустили ружья. Его безумно смелая попытка закончилась полным успехом.

Тогда молодой Нордек обернулся и, взяв Ванду за руку, тем же повелительным голосом произнес:

– А теперь дайте дорогу! Посторонитесь!

Некоторые из лесничих не двинулись с места, но передние нерешительно отступили, и проход к двери освободился; никто не произнес ни слова противоречия, и все молча пропустили Вольдемара и графиню. Нордек знал, что он лишь на несколько минут отсрочил опасность, что она еще усилится, как только лесники опомнятся и осознают превосходство своих сил, но вместе с тем он понимал, что малейшее проявление страха могло быть губительным, а потому медленным шагом вышел из дома.

Там ожидали сани, и смертельно бледный от страха кучер поспешил им навстречу. Выстрелы привлекли его к окну, и он, вероятно, видел все происшедшее. Вольдемар быстро усадил в сани свою спутницу, а затем вскочил сам, отрывисто проговорив:

– Трогай!.. до тех деревьев шагом, а потом как можно скорее в лес!

Кучер повиновался. За несколько минут они достигли деревьев, а затем лошади помчались во весь дух. Вольдемар все еще держал в одной руке револьвер со взведенным курком, внимательно глядя по сторонам, а другой крепко обхватил Ванду. Только когда они отъехали на значительное расстояние от лесничества, и опасность посланной вдогонку пули исчезла, он обратился к своей спутнице. Тут он заметил, что рука молодой девушки в крови, и, только что с невозмутимым спокойствием шедший навстречу опасности, побледнел как полотно.

– Пустяки! – проговорила Ванда, спеша предупредить его вопрос, – вероятно, меня задела пуля Осецкого; я только сейчас это почувствовала.

Вольдемар выхватил платок и помог ей перевязать руку. Он хотел заговорить, но молодая графиня безмолвно повернула к нему свое смертельно бледное личико; на нем было такое умоляющее выражение, что Нордек промолчал и произнес только ее имя, но в этом слове выразалось больше, чем в самом страстном объяснении. Его глаза искали ее взгляд, но напрасно – она больше на него не смотрела.

– Не надейтесь ни на что, – глухо и еле слышно, наконец, проговорила она, – вы – враг моего народа, а я – невеста Льва Баратовского.

Глава 20

Происшествие в пограничном лесничестве, окончившееся смертью лесничего Осецкого, не могло остаться скрытым и, конечно, вызвало большое волнение в Вилице. Это открытое столкновение с кровопролитием было крайне неприятно княгине. Управляющий и доктор Фабиан были очень встревожены, а все служащие разделились на два лагеря: одни поддерживали княгиню, другие – Вольдемара. Это событие крайне осчастливило только одного человека: это был ассесор Губерт, как раз находившийся в это время у Франка. По делам службы ему пришлось отправиться в замок и допрашивать хозяина; обо всем этом Губерт мечтал уже давно, а потому с изумительным усердием принялся за следствие. На следующее же утро он поехал в лесничество, чтобы допросить лесников, но нашел дом уже пустым; они предпочли избежать ответственности и переправились через границу.

– Они исчезли, – заявил он управляющему, совершенно подавленный этим событием.

– Я мог бы сказать вам это заранее, – ответил Франк, – это самое умное, что они могли сделать. Да и оставьте вы их в покое!.. Господин Нордек вовсе не желает, чтобы раздували это дело.

– Желание господина Нордека здесь не учитывается, он должен подчиняться законам. А здесь речь идет о заговоре.

При этих словах Франк привскочил.

– Господи, помилуй, вы опять начинаете!

– А чем же иначе вы объясните присутствие графини Моринской? – с торжеством спросил ассессор. – Что она делала в этом уединенном лесничестве, принадлежащем Вилице? Нам ведь известна роль, которую она и княгиня играют во всем этом движении. Она ненавидит своего двоюродного брата, задумала весь этот план убийства и хотела вырвать у него из рук оружие, когда он прицелился в Осецкого! Но господин Нордек прямо-таки великолепен: он не только подавил весь этот бунт, но захватил его зачинщицу и привез ее в Вилицу. Всю дорогу он не удостоил ее ни одним словом, но крепко держал, чтобы она не убежала. Мне все это достоверно известно, потому что я допрашивал кучера.

– Да, вы мучили его битых три часа, – с легкой досадой перебил его Франк, – и совсем сбили с толку бедного малого, так что он на все отвечал «да». Только показание господина Нордека может иметь значение.

– Господин Нордек принял меня очень свысока и сказал: «Умерьте свое рвение, господин Губерт». Удивительно!.. при всем своем усердии и заботах о благополучии государства я пожинаю только неблагодарность!

Управляющий откашлялся и собирался воспользоваться элегическим настроением Губерта, чтобы перевести разговор на его сватовство и без околичностей заявить ему, чтобы он не питал никаких надежд на брак с его дочерью, но в

эту минуту с поручением от Вольдемара появился злополучный кучер, возивший его в лесничество. Губерт спохватился, что забыл задать ему еще несколько важных вопросов, и, несмотря на все протесты Франка, увел его в свою комнату, чтобы с новыми силами приступить к допросу. Управляющий покачал головой, он начал теперь соглашаться с тем, что его дочь не совсем неправа, отказывая такому жениху, в каждом подозревавшемся заговорщике.

Однако в эту минуту Маргарита следовала примеру асессора, она очень обстоятельно и настойчиво допрашивала доктора Фабиана, сидевшего против нее в гостиной. Он должен был со всеми подробностями рассказать ей все, что слышал от Вольдемара относительно вчерашнего происшествия. К сожалению, он знал не больше того, что было известно в доме управляющего; Вольдемар умолчал об участии в этом графини Моринской, а именно это и был вопрос, больше всего интересовавший Маргариту.

– Вы совершенно не умеете пользоваться своим влиянием! – с упреком произнесла она. – Если бы я была другом господина Нордека, то знала бы гораздо больше; он рассказал бы мне каждую мелочь, я с самого начала приучила бы его к этому.

– Это вряд ли удалось бы вам. Таковую натуру, как у Вольдемара, ни к чему нельзя приучить, а меньше всего к откровенности. Никто из его близких никогда не знает, что творится у него на душе... и надо знать его так хорошо, как я,

чтобы понять, чувствует ли он вообще что-нибудь.

– Ну да, понятно! У него ведь нет сердца, – перебила его Маргарита, всегда очень быстрая в своих выводах. – Это видно с первого же взгляда. Его все боятся, но никто не любит; я уверена, что и он никого никогда не любил... у него вовсе нет сердца.

– Простите, вы совершенно неправы, – Фабиан был совершенно вне себя от подобного предположения. – У Вольдемара прекрасное сердце, только он не умеет, или, вернее, не хочет показывать этого.

– Ну, во всяком случае, он крайне неприветлив, – настаивала Маргарита, – и я совершенно не понимаю, как вы можете так его любить. Вчера вы были вне себя из-за опасности, угрожавшей ему, а сегодня, вероятно, опять что-то стряслось в замке, потому что вы сильно встревожены и не в духе. Сознайтесь! Я это заметила сразу же, как только вы вошли. Господину Нордеку еще что-то угрожает?

– Нет, нет, – поспешно заявил доктор, – речь идет отнюдь не о Вольдемаре, а только обо мне. Сегодня утром я получил известие из И. Оно меня, правда, очень взволновало, но все не привело в дурное настроение; даже наоборот.

– Что же, это историческое чудовище, этот Шварц опять вас огорчил? – спросила Маргарита с таким воинственным видом, словно собиралась немедленно вступить с этим профессором в борьбу.

Фабиан отрицательно покачал головой.

– Боюсь, что на этот раз именно я доставил ему очень большое огорчение, хотя и против своей воли. Шварц подал в отставку, она была принята, и теперь решено, что он покидает университет...

– Кажется, вы собираетесь упрекать себя за это? Это так на вас похоже!..

– Это еще не все, – нерешительно проговорил Фабиан, – речь идет о том, чтобы я занял его место. Профессор Вебер пишет, что освободившуюся кафедру предполагается предложить мне, человеку совершенно незначительному, единственная заслуга которого состоит только в одной сочиненной и изданной книге. Это нечто настолько необычное, неслыханное, что я первое время был совершенно ошеломлен от удивления.

Маргарита не выказала ни малейшего изумления, и, по видимому, находила все в порядке вещей.

– Это вполне разумно, – изрекла она, – вы – гораздо более выдающийся ученый, чем Шварц; ваше произведение стоит несравненно выше его сочинений!

– Помилуйте, но ведь вы не знаете ни профессора, ни его сочинений, – робко заметил Фабиан.

– Это не имеет значения, я знаю вас! – авторитетно заявила молодая девушка. – Вы, конечно, примете это предложение?

Фабиан смотрел в пол; прошло несколько секунд, пока он ответил:

– Вряд ли. Несмотря на то, что это предложение очень почетно, я не решаюсь принять его, так как боюсь, что не справлюсь с такой задачей. Кроме того, я не могу оставить Вольдемара, особенно в такое время, когда у него столько забот; это было бы верхом неблагодарности.

– Нет, это было бы верхом эгоизма, если бы господин Нордек принял эту жертву, – перебила его Маргарита. – К счастью, он никогда не согласится, чтобы вы ради него разбивали все счастье своей жизни.

– Ошибаетесь! Я всегда находил удовлетворение в своих занятиях и никогда не знал, что такое счастье, но вполне доволен своей участью.

Последние слова прозвучали довольно печально, но молодая девушка, казалось, не почувствовала ни малейшего сожаления.

– Вы очень странный человек! – воскликнула она, – от такого самоотречения я пришла бы в отчаяние.

– Ну, вы – дело другое, – печально улыбнулся Фабиан. – Вы молоды, выросли в хороших условиях и имеете полное право на счастье; ассессор Губерт любит вас...

– Какое отношение к моему счастью имеет ассессор Губерт? – запальчиво воскликнула Маргарита. – Вы уже раз делали мне подобные намеки. Что вы хотите этим сказать?

– Простите, если я был нескромен, – смущенно пробормотал Фабиан, – я знаю, что это еще не объявлено, но...

– Вы, кажется, серьезно считаете меня невестой этого

скучного, глупого Губерта? – совсем рассердилась молодая девушка.

– Помилуйте! – ответил озадаченный Фабиан, – но ассесор ведь еще осенью говорил мне, что с полной уверенностью рассчитывает на ваше согласие.

Маргарита вскочила со стула так, что он упал на пол.

– Вот тебе и на! И во всем виноваты вы, господин Фабиан, вы один! Не смотрите на меня с таким изумлением. Когда-то вы заставили меня послать Губерта в Яново, где он простудился. Из страха, что он заболит, я ухаживала за ним, и с того дня он вбил себе в голову, что я люблю его.

Она чуть не плакала с досады, но лицо доктора прямо-таки просияло от такого негодования Маргариты.

– Вы не любите ассессора? – задыхаясь, спросил он, – вы не собираетесь выходить за него замуж?

– Я выпишу ему такой отказ, какого еще никогда и на свете не бывало! – энергично заявила молодая девушка и собиралась прибавить еще несколько нелестных эпитетов в адрес Губерта, но, встретив взгляд Фабиана, вдруг страшно покраснела и замолчала.

Наступившая пауза продолжалась довольно долго, Фабиан, очевидно, принимал какое-то решение, что при его застенчивости ему было очень нелегко. Он несколько раз пытался заговорить, однако тщетно; пока говорили только его глаза, но так ясно, что у Маргариты не оставалось сомнения относительно того, что ей предстояло услышать. Однако на

этот раз она и не думала убежать или рвать струны рояля, а снова села и стала ждать, что будет дальше.

Через несколько минут Фабиан подошел к ней, конечно, очень робко и боязливо, и заговорил:

– Я действительно думал... то есть я предполагал... искренняя любовь асессора...

Он остановился и сообразил, что совершенно неуместно упоминать об искренней любви асессора, когда он собирается говорить о своей. Маргарита видела, что он совершенно запутался и что она должна его выручить; она бросила своему робкому поклоннику только один взгляд, однако он был достаточно красноречив, так что Фабиан вдруг с неслыханной смелостью продолжал:

– Еще вчера я не осмелился бы сказать вам то, что переполняет мое сердце, тем более что считал вас невестой другого. Но сегодняшнее утро изменило все. Будущее, которое мне предлагают, обещает многое, но принесет ли оно счастье – это зависит от вас. Решайте вы: принять мне его или отклонить?.. Маргарита...

Тут Фабиан дошел как раз до того же места, что и асессор, и остановился. Но Маргарита и не думала убежать; она сидела, опустив глаза, и слушала с большим удовольствием. Объяснение в любви, согласие и даже заключительное объявление – все совершилось очень быстро и без всякой помехи...

А в этот самый момент асессор Губерт спускался с лестницы; он опять допрашивал кучера, и притом так долго и

столь усердно, что оба совершенно выбились из сил; теперь он собирался отдохнуть от обязанностей службы, дав волю своим чувствам. На этот раз он твердо решил не уезжать, не получив согласия Маргариты, и, увлекшись этой идеей, с таким шумом распахнул дверь соседней комнаты, что новоиспеченные жених и невеста успели принять совершенно невинный вид; Маргарита сидела у окна, а Фабиан стоял у рояля, который на этот раз, к большой радости Губерта, был закрыт.

Ассессор снисходительно поклонился Фабиану, который в его глазах был только отставным домашним учителем. Сегодня, во время предполагавшегося объяснения, присутствие этого педагога было для него совершенно лишним, и он несколько не старался скрыть это.

– Очень сожалею, что помешал, – произнес он. – Вероятно, вы как раз занимаетесь французским языком?

Эти слова были произнесены настолько высокомерным тоном, что этого не выдержал даже добродушный Фабиан. Он выпрямился и с видом, заслужившим полное одобрение Маргариты, произнес:

– Ошибаетесь!.. мы занимались совсем другой наукой.

Ассессор, будучи поглощен мыслью о том, как бы поскорее отделаться от этого мешавшего человека, ничего не заметил.

– Может быть, историей? – насмешливо спросил он. – Это, кажется, ваш конек? Только эта наука малопригодна для молодых барышень; вы надоедите фрейлейн Франк, господин

доктор.

Фабиан собирался ответить, но Маргарита опередила его, решив, что пора ассессора осадить.

– Скоро вам придется называть доктора иначе, – выразительно произнесла она, – он имеет намерение стать профессором в И., ему предложили это ввиду его чрезвычайных научных заслуг.

– Что... что-о-о? – воскликнул ассессор, отскакивая, так как решительно не мог представить себе превращение этого пренебрегаемого им Фабиана в университетского профессора.

У последнего добродушие уже успело взять верх, и его очень встревожила мысль о том двойном огорчении, которое он должен причинить племяннику своего противника в научной области и отвергнутому жениху своей невесты.

– Господин ассессор, – начал он, ошибочно предполагая, что Губерту известны события в университете, – будьте уверены, что я не принимал ни малейшего участия в том споре, который был вызван моим сочинением «История германистики». Профессор Шварц, кажется, думает, что я из корыстных целей раздувал этот спор.

Губерт начал теперь соображать; он не знал имени того «ничтожного» человека, которого выдвигала противная сторона, но ему было известно, что речь шла о какой-то «Истории германистики», и слова Фабиана не оставляли никакого сомнения, что автор этой книги, этот интриган, человек,

покушавшийся на их «фамильную знаменитость», стоит перед ним собственной персоной. Он уже хотел выразить свое негодование, но Маргарита опередила его.

– Да, профессор Шварц может подумать это, – повторила она, – тем более, что доктору Фабиану предложено занять его кафедру в И. Вы, конечно, знаете, что ваш дядя подал в отставку?

Ассессор с усилием переводил дух. Фабиану стало жалко его, и он бросил умоляющий взгляд на невесту, но та была безжалостна. Она не могла простить Губерту, что он уже несколько месяцев тому назад хвастал ее согласием, и хотела наказать его за это. Поэтому она, взяв Фабиана под руку, проговорила:

– Кроме того, господин ассессор, имею удовольствие в лице будущего профессора Фабиана представить вам моего жениха.

Что произошло потом, лучше всего видно из следующей сцены.

– Никак ассессор рехнулся, – сказал стоявший во дворе Франк своему помощнику. – Он выскочил из дома как угорелый, чуть не сбил меня с ног и даже не поклонился, а стал кричать, чтобы ему подавали лошадей. Он все утро был таким взволнованным! Посмотрите-ка, что он делает; не случилось бы какой-нибудь беды!

Помощник управляющего пожал плечами и указал на отъезжавший во всю прыть экипаж.

– Уже поздно, господин Франк, вон он едет.

Франк озабоченно покачал головой и вошел в дом, где получил объяснение поспешного бегства Губерта.

Кучер из замка, также стоявший во дворе, облегченно проговорил:

– Уехал! Слава Богу, теперь он не будет больше допрашивать меня!

Глава 21

Между тем в Вилице царила тяжелая, напряженная атмосфера, с того времени, как Нордек вернулся из пограничного лесничества вместе с графиней Моринской, в замке свирепствовала буря – на это ясно указывали все признаки. Молодая графиня в тот же вечер имела разговор с теткой и с тех пор не выходила из своей комнаты; княгиня тоже почти не показывалась. Даже Вольдемар не проявлял обычного холодного спокойствия. Быть может, виною этого было то обстоятельство, что в течение дня он два раза не был принят Вандой; молодой человек не видел ее с той минуты, как передал ее, обессиленную от волнения и потери крови, на руки своей матери. Ванда отказывалась принять его, хотя он хорошо знал, что ее болезнь долго не протянется. Доктор убедительно заявил, что рана не опасна и что молодая графиня уже завтра может вернуться в Раковиц.

У молодого помещика, конечно, не было много времени заниматься своими собственными делами, так как на него обрушилась масса всевозможных забот, связанных с событием в лесничестве. В Л. было получено известие, что в ближайшие дни ожидается битва с повстанцами близ самой границы, а потому ее охрана была значительно усилена. Большой отряд прошел через Вилицу и, пока солдаты отдыхали в деревне, офицеры, будучи знакомы с хозяином, заверну-

ли в замок и ушли лишь к вечеру. Напоследок явился еще доктор Фабиан со своими новостями, также требуя от своего бывшего воспитанника внимания и интереса к своим делам. Нужна была действительно железная натура Вольдемара, чтобы выдержать все это и... принимать участие в чужом счастье, когда его собственное было разбито.

Было раннее утро второго дня после происшествия в лесничестве. Княгиня была одна в своей гостиной; на ее лице виднелись следы бессонной ночи. Она в мрачном раздумье сидела, подперев голову рукой. То, что она узнала третьего дня вечером, все еще не давало ей покоя. Ванда в тот же вечер рассказала ей обо всем случившемся; она была слишком горда, чтобы всеми силами не постараться оградить себя от подозрения в том, что княгиня называла «изменой». Она объяснила тетке, что не посылала никаких предупреждений и вмешалась в дело лишь в последний момент. Каково было это вмешательство, и что она сделала для спасения Вольдемара, скрывать было нельзя: об этом достаточно ясно говорила рана на руке.

Появление сына заставило княгиню очнуться от мучительных мыслей. Павел уже докладывал ей, что барин сегодня в третий раз пытался увидеть графиню Моринскую и на этот раз настоял на своем. Вольдемар медленно подошел ближе и остановился возле матери.

– Ты от Ванды? – спросила она.

– Да.

– Значит, ты все-таки добился своего, несмотря на ее отказ? Разговор с ней, надеюсь, убедил тебя, что не мой приказ закрыл перед тобой ее дверь, как ты предполагал. Это было ее собственное желание.

– После того, что сделала для меня вчера Ванда, я все-таки могу иметь право хотя бы видеть ее и говорить с ней. О, не беспокойся! – с горечью продолжал Нордек, видя, что мать хочет что-то возразить, – твоя племянница сделала все, что было в ее силах, чтобы лишить меня всякой надежды. Она думает, что исполняет свою волю, а между тем слепо подчиняется твоей. То, что я должен был выслушать из ее уст, были твои слова, твои мысли. Я упустил из виду, что с третьего дня она все время всецело находилась под твоим влиянием.

– Я только напомнила Ванде о ее долге, – холодно ответила Княгиня, – хотя этого было даже не нужно. Она сама опомнилась, и я надеюсь, что и ты также. Было бы напрасно упрекать вас в том, что произошло, но вы, вероятно, сами осознаете свою обязанность по отношению ко Льву: вы непременно должны расстаться! Ванда уже убедилась в этом, и ты должен покориться.

– Должен? – повторил Вольдемар, – ты знаешь, мама, что покорность не принадлежит к числу моих добродетелей, а тем более в том случае, когда речь идет о счастье всей моей жизни.

Княгиня посмотрела на него с испугом и изумлением.

– Что это значит? Уж не собираешься ли ты похитить невесту у своего брата, после того как уже отнял ее любовь?

– Лев никогда не владел ею. Ванда не знала ни себя, ни своего сердца, когда уступила вашим желаниям и планам. Ее любовь принадлежит мне, и теперь, зная это, я сумею отвоювать свою собственность.

– Ты уже подумал о том, что ответит тебе на это твой брат?

– Я обязательно вернул бы свободу своей невесте, если бы она заявила мне, что ее любовь принадлежит другому, – твердо произнес молодой человек. – Лев, насколько я знаю его, этого не сделает. Он выйдет из себя, замучает Ванду и устроит нам целый ряд самых ужасных сцен.

– Ты, кажется, хочешь предписывать ему, как себя вести, после того как сам же нанес ему смертельное оскорбление? – перебила его мать. – Конечно, Лев далеко, он борется за свой народ и подвергает свою жизнь опасности, не подозревая, что его брат за его спиной...

Она остановилась, так как рука сына тяжело легла на ее руку.

– Мама, – глухим голосом произнес он, – оставь эти обвинения, которым ты сама не веришь. Тебе лучше, чем кому-либо, известно, как Ванда и я боролись с этим чувством! За спиной Льва!.. В моей комнате лежит письмо, которое я написал, прежде чем пошел к Ванде; он должен знать все, что произошло! Я хотел передать это письмо тебе, ты одна знаешь, где теперь Лев, и можешь переслать его ему.

– Ни за что! – гневно воскликнула княгиня, – я слишком хорошо знаю своего сына, чтобы подвергать его такой пытке; об этом не может быть и речи. Я взяла с Ванды слово, что она будет молчать, и ты пообещаешь мне то же самое. Она сегодня же вернется в Раковиц, а как только поправится, поедет к нашим родственникам в М. и останется там, пока приедет Лев и сможет сам защищать свои права.

– Я это знаю, – мрачно ответил Вольдемар, – она сказала мне все это. Может быть, ты и права; будет лучше, если мы сами решим это дело с глазу на глаз. Я каждую минуту готов дать ему ответ. Что произойдет между нами потом, это, конечно, другой вопрос!

Княгиня встала и подошла к сыну.

– Вольдемар, оставь эту безумную надежду! Говорю тебе, Ванда никогда не будет твоей, даже если бы была свободна; между вами стоит слишком многое. Ты ошибаешься, рассчитывая на то, что она изменит свой образ мыслей. Если даже она и любит тебя, то все же она, как графиня Моринская и невеста князя Баратовского, знает, чего требуют от нее долг и честь, а если бы она это и забыла, то есть кому напомнить ей об этом!

Презрительная улыбка мелькнула на губах молодого человека, когда он возразил:

– И ты действительно думаешь, что кто-нибудь из вас помешал бы мне, если бы у меня было согласие Ванды? Но все равно, награда слишком ценная для меня, чтобы я не решил-

ся на борьбу, если бы даже препятствия были еще в десять раз больше! Ванда будет моей!

В этих словах слышалась непоколебимая энергия; княгиня лишней раз должна была признать, что так мог говорить только ее сын.

– Ты забыл, кто твой соперник? – с ударением спросила она. – Брат на брата! Неужели же я должна остаться безучастной к этой враждебной, быть может, даже кровопролитной стычке между моими сыновьями? Вы совершенно не думаете о тревоге вашей матери!

– Твои сыновья? – повторил Вольдемар. – Там, где дело касается тревоги и нежности матери, речь может быть только об одном сыне. Но успокойся, все, что только возможно сделать для предотвращения печального исхода, будет сделано. Позаботься о том, чтобы Лев оставил мне возможность видеть в нем брата; ты имеешь безграничную власть над ним, тебя он слушает...

В эту минуту их разговор был прерван; хозяину замка доложили, что к нему пришел унтер-офицер отряда, проходившего вчера через Вилицу, и хочет немедленно видеть его.

Прибывший унтер-офицер стоял в передней; он передал Вольдемару поклон от командира отряда и просьбу последнего. В течение ночи по ту сторону границы произошло ожесточенное сражение, окончившееся полным поражением повстанцев, которые в беспорядке бежали, преследуемые победителями. Часть беглецов укрылась на этой стороне грани-

цы. Они были задержаны патрулем, и тот должен отвезти их в Л... Однако среди них находились тяжелораненые, которых нельзя было перевозить, и командир отряда просил разрешения поместить их в Вилице. Вольдемар выразил свое согласие и в сопровождении унтер-офицера сам пошел к управляющему, чтобы отдать нужные распоряжения.

Княгиня тем временем осталась одна, не обратив внимания на причину, по которой вызвали Вольдемара, так как у нее были совсем другие мысли в голове.

Что теперь будет? Этот вопрос стоял перед ней, как грозный призрак. Его решение могло быть отложено, но не изменено. Княгиня хорошо знала своих сыновей, чтобы не сомневаться в том, что произойдет, если они встретятся врагами.

В эту минуту дверь соседней комнаты отворилась, раздались поспешные шаги, портьера нетерпеливо откинулась, и княгиня с криком радости и страха вскочила со своего места.

– Лев! Ты здесь?

Княгиня обняла сына, тот молча и поспешно ответил на ее объятие; в его приветствии не было ничего, что говорило бы о радости свидания.

– Откуда ты пришел? – спросила княгиня, – так неожиданно и внезапно? Как ты можешь быть таким неосторожным и являться в замок среди бела дня? Ты же ведь знаешь, что тебе грозит арест? Почему ты не подождал до наступления темноты?

Лев высвободился из ее объятий.

– Я довольно ждал, всю ночь испытывал невероятную пытку; было невозможно перейти через границу, и я должен был прятаться. Наконец на рассвете мне удалось добраться до лесов Вилицы... затем потребовалось еще немало усилий, чтобы достичь замка.

Лев проговорил все это с большим волнением. Мать только теперь заметила, как он был бледен и встревожен, и почти насильно усадила его в кресло.

– Отдохни! Ты совершенно измучен! Какое безумие ставить на карту жизнь и свободу ради короткого свидания с нами! Ты ведь должен был понять, что страх за тебя пересялит во мне радость свидания. Я вообще не понимаю, как Бронислав мог отпустить тебя? Ведь борьба в самом разгаре.

– Нет, нет, – перебил ее Лев, – в ближайшие сутки ничего не произойдет! Мы точно осведомлены о положении врага; решительное сражение произойдет завтра или послезавтра. Если бы предстояла битва, то я не был бы здесь.

Княгиня тревожно посмотрела на сына.

– Лев, тебя отпустил дядя? – вдруг спросила она, охваченная каким-то неясным предчувствием.

– Да, да, – пробормотал молодой человек, избегая смотреть на мать, – говорю тебе, что все устроено и предусмотрено. Я со всем отрядом стою в лесах А., в совершенно закрытом месте. До моего возвращения командование передано моему адъютанту.

– А Бронислав?

– Дядя собрал все свои силы в В. возле самой границы; мы охраняем тыл. Но, мама, достаточно, не спрашивай меня больше ни о чем! Где Вольдемар?

– Твой брат? – испуганно спросила княгиня, – ты пришел ради него?

– Я ищу Вольдемара, – страстно воскликнул Лев, – только его и никого больше. Его нет в замке, как сказал Павел, но Ванда здесь. Значит, он действительно привез ее сюда как завоеванную добычу, и она допустила это! Но я покажу, кому она принадлежит... покажу ему и ей!

– Господи, помилуй! Ты знаешь?..

– Что произошло в пограничном лесничестве? Да. Люди Осецкого присоединились вчера к моему отряду и рассказали то, что видели. Ты понимаешь теперь, что я, во что бы то ни стало, должен был попасть в Вилицу!

– Я этого боялась, – тихо произнесла княгиня.

Лев вскочил и с пылающим взором встал перед ней.

– И ты допустила, чтобы моя любовь, мои права попирались ногами? Ты, обычно подчиняющая всех своей власти? Неужели же этот Вольдемар покоряет всех? В то время как я веду борьбу не на жизнь, а на смерть за свободу и спасение родины, моя невеста жертвует жизнью за нашего тирана! Она забывает отечество, народ, семью, чтобы спасти его. Теперь мне все равно, кто из нас погибнет: он или я, или она вместе с нами!

Княгиня схватила его за руки.

– Успокойся, Лев! Прошу тебя, я требую от тебя этого! Не обвиняй брата с такой слепой ненавистью, сначала выслушай меня!

– Я уже много слушал, вполне достаточно для того, чтобы это могло привести меня в ярость. Ванда бросилась к нему на грудь, закрыла его своим собственным телом, а я еще должен сомневаться в измене? Где Вольдемар?

Княгиня тщетно старалась успокоить сына – он ее не слушал. И в то время как она раздумывала над тем, как бы помешать их встрече, случилось самое худшее из того, что могло случиться: Вольдемар вернулся назад.

Он быстро вошел в комнату и направился к княгине, как вдруг увидел Льва; при этом на его лице выразилось не изумление, а скорее смертельный ужас. Побледнев, он смерил младшего брата с головы до ног и проговорил:

– Так вот ты где?

На лице Льва появилось выражение какого-то дикого удовлетворения, когда он, наконец, увидел перед собой предмет своей ненависти.

– Ты, вероятно, не ожидал меня?

Вольдемар ничего не ответил; ему, как более рассудительному, сейчас же пришла в голову мысль о той опасности, какой подвергается здесь Лев; он вернулся, запер дверь на ключ и только потом ответил:

– Нет! Мама, вероятно, также не ожидала тебя.

– Я не хочу поздравлять тебя с твоим героическим подвигом в пограничном лесничестве, ты, вероятно, так назовешь свой поступок, – продолжал князь с нескрываемой насмешкой. – Ты убил лесничего, а остальные, трусы, не посмели тебя тронуть.

– Они в ту же ночь бежали за границу, – сказал Вольдемар. – Может быть, они присоединились к тебе?

– Да.

– Я так и думал. Когда ты покинул свой отряд?

– Не собираешься ли ты меня допрашивать? – запальчиво воскликнул Лев. – Я явился сюда, чтобы потребовать отчета у тебя! Пойдем, нам надо поговорить с глазу на глаз!

– Вы останетесь! – приказала княгиня, – я не оставлю вас одних. Если эта встреча необходима, то пусть она произойдет в моем присутствии! Может быть, вы хоть тогда не совсем забудете, что вы – братья!

– Братья или нет, – вне себя воскликнул Лев, – не он совершил низкое предательство! Он знал, что Ванда – моя невеста, и, тем не менее, не постеснялся завладеть ее любовью. Так поступают только предатели и подлецы.

Княгиня хотела удержать сына, но было поздно – злополучное слово уже сорвалось с его языка. Вольдемар вздрогнул, как пораженный пулей. Княгиня побледнела. Ее испугала не безумная ярость младшего сына, а выражение лица старшего, и она оттолкнула его, хотя он был безоружен, тогда как у Льва была шашка. Встав между ними, она повели-

тельно крикнула:

– Вольдемар, Лев... успокойтесь! Я приказываю вам это.

Когда княгиня повелевала, то всегда достигала цели. Так и в данном случае: ее сыновья невольно повиновались. Лев опустил руку, которой уже ухватился за рукоять шашки, а Вольдемар остановился.

– Лев, довольно оскорблений, – резко произнес он, – если ты еще вчера имел право обвинять меня, то сегодня уже утратил его. Я люблю Ванду больше, чем ты предполагаешь, но даже ради нее не забыл бы о чести и долге. Я не бросил бы тайком доверенного мне поста, не изменил бы присяге, которую дал своему начальнику. Все это сделал ты. Пусть мама решит, кто из нас заслужил того названия, которое ты бросил мне.

– Что это, Лев? – воскликнула княгиня, – ты ведь явился сюда с разрешения дяди? Отвечай!

Яркая краска залила бледное до сих пор лицо молодого князя, он не решался поднять на мать глаз и злобно обратился к брату.

– Что ты понимаешь в моих обязанностях? Какое тебе до них дело? Ты ведь заодно с нашими врагами. Я не могу терять время, я должен вернуться в свой отряд.

– Слишком поздно, – ответил Вольдемар, – ты не найдешь его больше.

Лев, очевидно, не мог постичь этих слов и смотрел на брата так, как будто тот говорил на незнакомом языке.

– Когда ты покинул своих? – еще раз спросил Вольдемар, на этот раз так серьезно, что брат невольно ответил ему:

– Вчера вечером.

– А ночью на них напали, твой отряд разогнан и уничтожен.

С губ молодого князя сорвался страшный крик. Он бросился на говорившего.

– Этого не может быть; ты лжешь, хочешь напугать меня и заставить удалиться отсюда!

– Нет, этого не может быть, – вмешалась и княгиня, – ты еще не мог получить известий о том, что произошло сегодня, я должна была бы получить их раньше тебя. Ты нас обманываешь. Не прибегай к таким средствам.

Вольдемар в течение нескольких секунд смотрел на мать, которая скорее была согласна счесть его обманщиком, чем обвинить в чем-нибудь своего младшего сына. Наконец он произнес:

– Князю Баратовскому был поручен важный пост со строжайшим приказом не покидать его. Он должен был охранять тыл отряда своего дяди. Когда совершилось ночное нападение, князя Баратовского не было на этом посту. Начальник отсутствовал, отряд не сумел защититься, и был перебит; несколько человек спаслось бегством и попало в руки наших патрулей. Трое из них, тяжелораненые, лежат здесь, в деревне; от них я узнал обо всем происшедшем!

– А мой брат? – с притворным спокойствием спросила

княгиня, – что случилось с его отрядом?

– Этого я не знаю, – ответил Вольдемар, – по слухам, победители направились в В. Что произошло там, еще неизвестно.

Он замолчал. Наступила жуткая тишина. Лев закрыл лицо руками, из его груди вырвались глухие стоны. Княгиня тяжело дышала и не отрывала взгляда от младшего сына.

– Оставь нас одних, Вольдемар! – наконец глухо, но с прежним спокойствием произнесла она.

Нордек мешкал, так как никогда не видел ее такой. Его, жестокого и сурового, охватила жалость, когда он прочитал на ее лице участь своего брата.

– Мама, – тихо произнес он.

– Иди, – повторила она, – мне нужно поговорить с князем Баратовским; присутствие третьего здесь излишне. Оставь нас одних!

Вольдемар вышел из комнаты, но его душа горько и болезненно возмутилась; его изгоняли, когда мать хотела говорить с младшим сыном; старший всегда оставался ей чужим; он был лишним. В его душе шевельнулась глубокая горечь, но, тем не менее, он чувствовал, что случившееся отомстит за него и что теперь княгиню постигнет жестокая кара в лице любимого сына, ее кумира.

Вольдемар опустил портьеру, он оставался в соседней комнате, чтобы на всякий случай охранять вход, так как хорошо знал, какой опасности подвергался Лев: каждую мину-

ту кто-нибудь мог войти, и нужно было принять меры предосторожности.

Вольдемар отошел к окну, не желая слышать ни одного слова из разговора; к счастью, толстые портьеры заглушали каждый звук. Прошло уже более получаса, а разговор все еще продолжался; по-видимому, ни княгиня, ни Лев не думали о том, что опасность с каждой минутой возрастает. Вольдемар, наконец, решил прервать их беседу. Он снова вошел в гостиную и с изумлением остановился, так как там царило глубокое молчание.

Княгиня исчезла; дверь в ее кабинет была заперта, Лев был один. Он лежал в кресле, зарывшись головой в подушки, не шевелясь и не замечая вошедшего. Вольдемар подошел к нему и позвал.

– Мужайся! – тихо, но внушительно произнес он, – позаботься о своей безопасности! У нас теперь постоянная связь с Л. Я не могу оградить замок от посещений, которые могут быть для тебя опасны. Уйди пока в свои комнаты; будем считать их запертыми, как и раньше. Павел вполне надежен. Пойдем!

Лев был бледен как полотно; он медленно поднял голову на брата, ничего не понимая. Его ухо только механически уловило последнее слово.

– Куда? – спросил он.

– Прежде всего, прочь из этих комнат, которые доступны всем. Пойдем, прошу тебя!

Князь машинально встал и осмотрелся вокруг, как бы не узнавая и соображая, где он находится, но, когда его взгляд упал на запертую дверь кабинета матери, он задрожал всем телом.

– Где Ванда? – наконец спросил он.

– В своей комнате. Ты хочешь ее видеть?

Молодой князь отрицательно покачал головой.

– Нет, она тоже с презрением и отвращением оттолкнула бы меня. С меня довольно одного раза!..

Лев тяжело оперся на кресло; его обычно свежий, чистый молодой голос звучал тихо и надорванно. Было видно, что сцена с матерью страшно потрясла его.

– Лев, – серьезно произнес Вольдемар, – если бы ты так ужасно не рассердил меня, то я не сообщил бы об этом с такой беспощадностью; но тем роковым словом ты вывел меня из себя.

– Успокойся, мать вернула мне его. Теперь я – предатель и подлец! Я должен был выслушать это и... молчать!

Было что-то жуткое в тупом, оцепенелом спокойствии этого пылкого юноши. Последние полчаса, казалось, совершенно изменили его характер.

– Следуй за мной, – настаивал Вольдемар, – пока ты должен остаться в замке.

– Нет, я немедленно отправлюсь в В.; я должен знать, что случилось с дядей и его отрядом.

– Господи, Боже!.. – с ужасом воскликнул брат, – неуже-

ли ты хочешь совершить такое безумие и перейти границу теперь, среди бела дня? Это было бы самоубийством!

– Я должен, – настаивал Лев, – я знаю место, где переход возможен. Если я нашел дорогу сегодня утром, то найду ее и во второй раз.

– Говорю тебе, ты теперь не перейдешь; с сегодняшнего утра охрана усилена, и по ту сторону тоже стоит тройная цепь; солдаты получили приказание расстреливать каждого, кто не знает пароля. Ты, во всяком случае, явишься слишком поздно. В В., конечно, уже все закончилось.

– Все равно, – воскликнул Лев, вдруг переходя из оцепенения к полному отчаянию, – там, вероятно, еще будет сражение, хотя бы одно-единственное, а больше мне и не надо. Если бы ты только знал, что сделала мне мама своими ужасными словами!.. О, Боже мой, ведь это – моя мать, и я так долго был для нее всем!

Вольдемар был потрясен этим взрывом горя.

– Я позову Ванду, – сказал он, наконец, – она...

– Она сделает то же самое. Ты не знаешь наших женщин. Но именно поэтому, – в отчаянии молодого князя прорвалось нечто вроде мрачного торжества, – именно поэтому ни на что не надейся. Ванда никогда не будет принадлежать тебе, никогда! Если даже она любит тебя, если она даже умрет от этой любви, ты все же останешься врагом ее народа; ты ведь помогаешь его угнетению, и это вынесет тебе приговор. Полька никогда не будет твоей женой! – тяжело дыша, про-

должал он. — Я не мог бы спокойно умереть, зная, что она в твоих объятиях, теперь же могу; она для тебя потеряна так же, как и для меня. — Князь хотел выйти, но вдруг остановился; в течение нескольких секунд он, по-видимому, колебался, затем медленно и нерешительно подошел к двери рабочего кабинета княгини и позвал: — Мама!

За дверью была тишина.

— Я хотел проститься с тобой.

Никакого ответа не последовало.

— Мама! — голос молодого князя дрожал от душераздирающей, боязливой мольбы. — Если я не должен видеть тебя, то скажи мне хоть слово на прощанье, только одно-единственное! Оно ведь последнее. Мама, ты не слышишь меня?

Он упал на колени перед запертой дверью и прижался к ней головой, как будто она должна была открыться перед ним. Но все было напрасно: дверь оставалась запертой, и за ней не слышалось ни единого звука. У матери не было ни слова прощания для сына; княгиня Баратовская не могла простить его поступок.

Лев встал с колен; его лицо снова было таким же неподвижным как и раньше, только вокруг рта появилось выражение горького страдания, какого он, вероятно, не испытывал еще никогда в жизни. Он не произнес ни слова, а лишь молча взял свой плащ, накинул его на плечи и направился к двери. Брат тщетно старался его остановить. Лев отстранил его.

– Оставь меня! Скажи Ванде... нет, не говори ей ничего, она ведь меня не любит! Прощай! – и он выбежал из комнаты.

Вольдемар в течение нескольких минут стоял, совершенно не зная, что предпринять. Наконец он, видимо, принял какое-то решение и быстро прошел в переднюю княгини, где с растерянным лицом стоял дворецкий.

– Павел, – обратился к нему Вольдемар, – вы немедленно должны последовать за князем Баратовским. Он собирается совершить безумный поступок, который будет стоить ему жизни, если он исполнит его. Он хочет сейчас, днем, перебраться через границу.

– Господи, помилуй! – с ужасом воскликнул дворецкий.

– Я не могу удержать его, – продолжал Нордек, – в его теперешнем состоянии он должен быть с кем-нибудь. Я знаю, что вы, несмотря на свои годы, еще хорошо ездите верхом. Сядьте на лошадь! Князь пошел пешком; вы должны догнать его еще по эту сторону границы; вам, вероятно, известно место, где сходятся повстанцы. Боюсь, что оно находится в окрестностях пограничного лесничества.

Павел ничего не ответил; он не смел отвечать утвердительно, но в данную минуту не решился и отрицать правду. Вольдемар понял его молчание.

– И как раз там усиленная охрана, – воскликнул он. – Как моему брату удалось пробраться через границу, я не знаю, во второй раз он сделать этого не сможет. Поспешите за ним,

Павел! Пусть спрячется до наступления темноты, если негде, то хоть в доме лесничего; там Фельнер, который ни за что не выдаст Льва. Поспешите!

– Через десять минут я буду готов, – ответил Павел.

Он сдержал слово и десять минут спустя, выезжал со двора замка. Вольдемар, стоявший у окна, облегченно вздохнул.

– Это было единственное, что еще можно было сделать. Быть может, старик все-таки еще нагонит Льва, и тогда самое худшее будет предотвращено.

Однако прошло около пяти часов, а никаких известий все не было. Вольдемар беспокойно ходил взад и вперед по комнате; все еще продолжавшееся отсутствие Павла он заставлял себя считать хорошим знаком. Во всяком случае, старик нагнал Льва и будет теперь с ним, пока тот останется по эту сторону границы. Быть может, они оба укрылись в пограничном лесничестве.

Наконец, уже много времени спустя после полудня, явился управляющий. Он поспешно и без всякого доклада вошел к молодому хозяину.

– Господин Нордек, я попросил бы вас прийти в деревню, ваше присутствие необходимо.

– Что случилось?

– Я просил бы вас прийти, – уклончиво ответил Франк. – Получены известия с границы. У В. действительно произошло решительное сражение.

– А исход? – с крайним напряжением спросил Вольдемар.

– Повстанцы потерпели полное поражение; они отчаянно защищались, но были разбиты. Те, что остались в живых, разбежались по всем направлениям.

– А их начальник, граф Моринский?

Управляющий молча смотрел в пол.

– Он убит?

– Нет, но тяжело ранен и попал в руки врагов.

– Еще и это! – пробормотал Вольдемар.

Сам он всегда был чужим дяде, но Ванда! Он знал, с какой страстной нежностью она была привязана к отцу, и весь содрогнулся, но потом все же овладел собой.

– Откуда у вас эти сведения? Они достоверны? Может быть, это – только слухи?

– Мне сообщил их Павел, – объяснил управляющий, – он у меня...

– У вас? Он известил вас, тогда как я уже несколько часов жду его возвращения? Почему он не явился в замок?

– Он не решается... княгиня или молодая графиня могли бы увидеть его в окно... их надо подготовить. Павел не один.

– Что случилось? Мой брат?..

– Князь Баратовский погиб, – тихо произнес управляющий, – Павел привез его тело...

Вольдемар молчал. Он на несколько секунд прикрыл глаза рукой, но, быстро овладев собой, поспешил в дом управляющего. Там его встретил Павел. Он робко взглянул на молодого хозяина, которого, будучи преданным слугой княги-

ни Баратовской, привык считать врагом; но выражение лица Нордека показало старику, что он видит перед собой только брата своего молодого князя.

– Наша княгиня!.. – простонал он, – она не переживет этого, графиня Ванда также!..

– Вы не догнали молодого князя? – спросил Вольдемар.

– Догнал, – проговорил Павел срывающимся голосом, – и передал ему ваше предостережение; только он ничего не хотел слушать и рассчитывал, что лесная чаща скроет его. Я просил, на коленях умолял его; это, наконец, подействовало, и он согласился подождать до вечера. Мы стали раздумывать о том, можно ли будет укрыться в лесничестве, как вдруг повстречали арендатора Янова; его нечего было бояться, так как он из наших. Он рассказал нам, что около В. идет сражение с отрядом Моринского, которое еще не окончилось. Тут молодой князь не захотел больше ничего слушать, у него была только одна мысль: во что бы то ни стало попасть в В., чтобы принять участие в битве. Мы не могли удержать его. Не прошло и получаса, как он ушел, и вдруг раздались выстрелы, сначала два подряд, потом целый десяток сразу...

Старик не мог больше говорить, голос его сорвался, а из глаз полились горькие слезы.

Вольдемар со страхом ждал продолжения.

– Я привез тело, – после паузы сказал старик, – господин ротмистр, бывший вчера в замке, помог мне выручить его. Только я не смел явиться туда. Мы пока положили его там, –

и он указал на соседнюю комнату.

Вольдемар подал Павлу и Франку знак не следовать за ним, вошел один в указанное помещение и подошел к телу брата. Прекрасное лицо князя было холодным и неподвижным, на груди виднелось большое кровавое пятно. Любовь, ненависть, ревность, жажда мести, отчаяние по поводу невольного совершенного им поступка – все, что волновало этого пылкого юношу несколько часов тому назад, теперь прошло и было поглощено ледяным покоем смерти. Только одна черта сохранилась на этом бледном лице, та черта болезненной горечи, которая появилась на нем после того, как мать отказала ему в последнем «прости». Это горе Лев Баратовский унес с собой в могилу, и даже покров смерти не мог скрыть его.

Вольдемар вышел из комнаты в таком же мрачном молчании, как и вошел в нее, но от ожидавших его все же не укрылось, что он сильно любил брата.

– Перенесите покойного в замок! – приказал он, – я пойду вперед к матери.

Глава 22

Наступила весна, вторая после восстания, которое теперь было полностью подавлено. Мартовские дни прошлого года были роковыми не только для обитателей Вилицы, но и для революционного движения, которое с поражением графа Моринского лишилось своих главных сил. Граф защищался с безумной храбростью отчаяния и сделал все возможное, чтобы как можно дороже продать свою свободу и жизнь. Однако это поражение, хотя еще и не решило участи восстания, явилось для него поворотом к худшему; произошло еще несколько отчаянных схваток, но было уже ясно, что дело повстанцев проиграно, и к концу года пламя мятежа, так грозно вспыхнувшее в его начале, было совершенно потушено.

Прошло много времени, пока участь графа была решена. Он пришел в сознание в тюрьме, несколько месяцев находился между жизнью и смертью и первое, что по выздоровлении ждало его как вождя революционного движения, был смертный приговор; однако он не был приведен в исполнение из-за серьезной болезни графа. Когда Моринский поправился, восстание было уже подавлено, и графа помиловали, заменив смертную казнь пожизненной ссылкой.

Моринский не видел своих с того вечера, когда расстался с ними в Вилице; ни его сестре, ни дочери не было разрешено свидания с ним, и в этом отчасти виноваты были они са-

ми. Как только граф поправился, княгиня и Ванда сделали все возможное, чтобы устроить ему побег, но все эти попытки оказались неудачными, а последняя из них даже стоила жизни старому преданному Павлу. Он сам вызвался на это, и ему действительно удалось найти контакты с графом; однако Павла накрыли, и когда он хотел бежать, то был застрелен часовыми. Результатом всех этих попыток явился только усиленный надзор за заключенным, и его близкие, в конце концов, были вынуждены смириться.

Княгиня после смерти младшего сына покинула Вилицу и переселилась в Раковиц. Общество находило вполне естественным, что она не хотела оставить свою осиротевшую племянницу. Вольдемар же хорошо понимал, что именно побудило его мать стремиться прочь из Вилицы, и не сделал ни малейшей попытки удержать ее. Он знал, что она не могла больше ежедневно встречаться с ним, считая его косвенной причиной злополучного поступка Льва, повлекшего за собой разгром его отряда и смерть его самого. Нордек всецело занялся приведением в порядок своих владений, все служащие, не желавшие беспрекословно подчиняться ему, были уволены, а за остальными установлен самый строгий надзор.

Управляющий Франк находился еще в Вилице. По желанию молодого хозяина он отложил свой предполагавшийся уход на год, и только теперь, когда все было в порядке, исполнил свой давнишний план и купил себе имение в совершенно другой, более спокойной местности. Оно должно бы-

ло перейти к своему новому владельцу только через два месяца, а потому Франк до тех пор занимал свое прежнее место.

Что касается Маргариты, то при ее замужестве отец на деле доказал, что она была его любимицей, так как приданое, которое он дал, превзошло все самые точные расчеты Губерта. Свадьба была отпразднована осенью, и молодые жили в И., где профессор Фабиан занял предложенную ему кафедру и где «мы имеем выдающийся успех», как написала Маргарита отцу. В данное время молодая чета должна была приехать в гости в отцовский дом; ее ожидали на следующей неделе.

Не так хорошо жилось ассессору Губерту, несмотря на то, что в течение этого года он совершенно неожиданно получил довольно значительное наследство, к сожалению, стоившее ему «фамильной знаменитости». Профессор Шварц умер несколько месяцев тому назад, и его состояние перешло к его племяннику. Но разве это могло помочь Губерту? Невеста, на которую он с такой уверенностью рассчитывал, принадлежала другому, а сам он, несмотря на все свои старания, все еще не мог получить повышение. Отчаявшись в этом, Губерт решил не тратить больше своих сил и блестящих способностей ради неблагодарного учреждения, не умевшего оценить его, и начал поговаривать об отставке, тем более что наследство доставило ему вполне обеспеченное положение. К его великому огорчению, отставка была при-

нята, и его уход со службы должен состояться в будущем месяце.

Во дворе господского дома в Раковице стояла лошадь владельца Вилицы; он очень редко приезжал сюда, и его посещения обычно были очень непродолжительны. Со времени последних событий пропасть, отделявшая его от родных, казалось, еще больше увеличилась.

В комнате графини Моринской находилась она сама и Вольдемар. Ванда очень изменилась; было видно, что она много страдала оттого, что ее горячо любимый отец находился в тюрьме больной, быть может, умирающий, а она не имела ни малейшей возможности даже на мгновение с ним увидеться. Ванда принадлежала к тем натурам, которые с отчаянной энергией переносят самые ужасные несчастья, пока есть хоть самый слабый проблеск надежды, но совершенно падают духом, когда эта надежда угасает. Она, казалось, дошла теперь именно до этой стадии и собрала свои последние силы, но они действительно были последними.

Вольдемар стоял перед ней, но, видимо, совершенно не проявлял того снисхождения, которого требовал измученный вид молодой девушки; в его голосе слышалась смесь гнева и страдания, когда он проговорил:

– Прощу тебя в последний раз: откажись от этой мысли! Ты замучаешь себя до смерти и все равно не поможешь отцу. Для него будет только лишним мучением, если ты будешь медленно умирать на его глазах. Ты, избалованная с детства,

хочешь следовать за ним в ссылку, в те ужасные условия, от которых гибнут сильные? От того, что, быть может, выдержит железная натура графа, ты погибнешь за несколько месяцев. Посмотри на себя, спроси врача, да и все скажут тебе, что ты не проживешь там и года.

– А ты думаешь, что мой отец выживет? – дрожащим голосом спросила Ванда. – Мы ничего больше не требуем от жизни и хотим только вместе умереть.

– А я? – с горьким упреком спросил Вольдемар.

Графиня отвернулась, ничего не ответив.

– А я? – с раздражением повторил он, – что будет со мной?

– Ты свободен, у тебя вся жизнь впереди.

Вольдемар был готов вспылить, но, взглянув на бледное, страдальческое личико, сдержался и продолжал спокойнее:

– Ванда, в прошлом году, когда нам стало ясно, что мы любим друг друга, нас разделяло слово, данное тобой моему брату. Его смерть уничтожила эту преграду. У свежей могилы Льва и в то время, когда смерть угрожала твоему отцу, я не смел говорить тебе о своей любви и старался лишь изредка видеться с тобой. Ты и моя мать при каждом моем посещении давали мне понять, что вы все еще считаете меня своим врагом; я все ждал лучшего времени, а теперь ты вдруг объявляешь мне такое решение. Неужели ты не понимаешь, что я буду бороться с этим до последнего вздоха? «Мы хотим вместе умереть», – это легко сказать, и легко было бы тебе сделать, если бы тебя, как Льва, сразили пулей в серд-

це. Представляешь ли ты себе, что такое смерть в изгнании? Это медленное умирание человека, отрезанного от всего мира, от всякой духовной жизни, которая тебе необходима как воздух. И ты требуешь от меня, чтобы я позволил тебе добровольно подвергнуть себя такой участи?

По телу графини пробежала легкая дрожь, она, вероятно, почувствовала всю справедливость этих слов, но продолжала молчать.

– И твой отец принимает эту невероятную жертву, – с возрастающим волнением продолжал Вольдемар, – и моя мать допускает это! Впрочем, ведь тут речь идет о том, чтобы вырвать тебя у меня, и ради этого они готовы похоронить тебя заживо. Если бы вместо Льва погиб я, и твоего отца постигла бы та же участь, то он приказал бы тебе остаться, а моя мать старалась бы всеми силами удержать тебя. Теперь же они сами внушили тебе эту мысль, хотя и знают, что она повлечет за собой твою смерть. Но что им за дело до этого, ведь эта смерть сделает невозможным брак между нами, и этого для них достаточно...

– Оставь эти злобные слова, – прервала его Ванда, – ты несправедлив ко мне. Даю тебе слово, что я сама пришла к этому решению. Мой отец уже стар; раны, длительное заключение и наше поражение сломили его душу и тело. Я – единственное, что у него осталось, последняя нить, привязывающая его к жизни. Неужели ты думаешь, что я могла бы спокойно жить возле тебя, зная, что он, одинокий и покинутый,

обречен на ту участь, которую ты только что описал? Неужели ты в состоянии предполагать, что я сама причиню ему страшнейшее огорчение браком с тобой, в то время когда он считает тебя своим врагом? Единственное, чего я могла добиться, и то лишь с большим трудом – это было разрешение сопровождать моего отца в ссылку. Я знала, что мне предстоит тяжелая борьба с тобой. Пощади меня, Вольдемар, у меня осталось уже немного сил.

– Для меня – да, – с горечью произнес Нордек. – Ведь все силы и вся любовь, которые ты еще имеешь, принадлежат исключительно твоему отцу. Что будет со мной – тебе безразлично. В тебе говорит только графиня Моринская. Ваши национальные предрассудки так сильны в вас, что вы можете расстаться с ними, лишь расставаясь с жизнью. Твой отец никогда не согласился бы на то, чтобы ты сопровождала его, если бы я был поляком.

– Если бы мой отец был свободен, – беззвучно проговорила Ванда, – то я, быть может, нашла бы в себе мужество ради тебя бороться со всем тем, что ты называешь «национальными предрассудками», но теперь я этого даже не хочу, потому что это было бы изменой мне самой. Я пойду с ним, если бы даже должна была умереть от этого.

Тон этих последних слов показывал, что решение молодой девушки непоколебимо; казалось, и Вольдемар убедился в этом.

– Когда ты собираешься ехать? – после паузы спросил он.

– В будущем месяце. Я могу увидеть отца, лишь встретившись с ним в О. Тогда, вероятно, и тете будет разрешено свидание; она проводит меня в О... Ты видишь, нам еще незачем прощаться сегодня, до этого еще далеко. Только обещай мне до того времени не приезжать в Раковиц и не нападать на меня так, как ты сделал сегодня. Мне необходимо все мое мужество, а ты отнимаешь его у меня своим отчаянием. Прощай!

– Прощай, – кратко, почти сухо произнес Нордек, не взглянув на нее и не взяв руки, которую она ему протягивала.

– Вольдемар! – в тоне Ванды выразился трогательный упрек.

Но он был бессилен против необузданной раздраженности молодого человека. Гнев и страх потерять любимую девушку заглушали в нем всякое чувство справедливости.

– Быть может, ты и права, – сказал он суровым тоном, – но я не могу примириться с такой огромной жертвой. Так как ты настаиваешь на ней, то я должен смириться со своей судьбой. Жаловаться я не умею, ведь это тебе известно. Моя злость оскорбляет тебя, значит, лучше мне замолчать. Прощай, Ванда!

Графиня, по-видимому, боролась сама с собой, но после некоторого колебания молча поклонилась ему и вышла из комнаты.

Вольдемар дал ей уйти и стоял, повернувшись к окну и

прижавшись лбом к стеклу; он долго оставался в этом положении и обернулся лишь тогда, когда его назвали по имени.

Это была княгиня, неслышно вошедшая в комнату. Что сделал последний год и удары судьбы с этой женщиной! Правда, княгиня держалась по-прежнему прямо и гордо, и при первом взгляде нельзя было заметить особой перемены в ее лице, но каждый внимательный наблюдатель тотчас же понял бы, чего стоила смерть Льва Баратовского его матери. Было видно, что этот удар, поразивший как сердце, так и гордость матери, проник в самую глубину души; поражение ее народа, судьба брата довершили остальное и окончательно сломили эту непоколебимую и сильную натуру.

– Ты снова обрушился на Ванду! – произнесла она. – Ты ведь знаешь, что это напрасно.

Ее голос звучал теперь совершенно иначе, чем прежде, и был глухим и беззвучным.

Вольдемар обернулся; на его лице все еще оставалось прежнее озлобленное выражение.

– Да, это было напрасно, – мрачно произнес он.

– Я тебе заранее говорила. Раз Ванда приняла какое-то решение, то оно непоколебимо; кажется, ты должен был бы, наконец, понять это. Это *ты* безжалостен к ней, ты один.

– Я? – почти угрожающе переспросил Вольдемар. – А кто внушал ей это решение?

– Никто, – ответила княгиня, серьезно и твердо встретив взгляд сына. – Ты знаешь, я давно отказалась от вмешатель-

ства в ваши дела. Но я не могу и не хочу удерживать Ванду. У моего брата не осталось больше никого на свете, кроме нее; следуя за ним, Ванда только исполнит свой долг.

– Чтобы умереть, – добавил Вольдемар.

– Смерть за последнее время так часто приближалась к нам, что мы перестали ее бояться. Нам нечего больше терять! Эти ужасные годы разбили столько надежд, что и тебе придется смириться, если разобьется и твое счастье!

– Можете не беспокоиться; я сегодня убедился, что Ванды не переубедить, и смиряюсь.

Княгиня несколько секунд испытующе смотрела на сына.

– Что ты задумал? – вдруг спросила она.

– Ничего! Ты же слышала, что я решил покориться неизбежному.

Мать не сводила глаз с его лица.

– Ты не покорился!.. Будто я не знаю своего сына. У тебя что-то на уме, что-то безумное, опасное. Берегись! Это – личное желание Ванды; она не покорится даже тебе.

– Увидим, – холодно ответил молодой человек. – Впрочем, можешь быть совершенно спокойна. Может быть, то, что я задумал, и безумие, но если оно сопряжено с опасностью, то она грозит только мне. Самое большее, что может быть поставлено на карту, это – моя жизнь.

– Твоя жизнь? – повторила княгиня. – И это ты говоришь в утешение своей матери?

– Прости, но мне кажется, что со времени смерти Льва

для тебя это не может иметь значения. Мама, – продолжал Нордек, подходя ближе, – тогда, у тела моего брата, я не смел утешать тебя и не смею и теперь; я всегда был чужим, лишним, и в твоём сердце никогда не было места для меня. Я приезжал в Раковиц, потому что не мог больше жить, не видя Ванды; тебя я не искал, как и ты меня, но, право, я нисколько не виноват в нашем отчуждении.

Княгиня молча слушала, не перебивая его, но ее губы подергивались как бы от внутренней борьбы, когда она ответила:

– Если я и любила твоего брата больше чем тебя, то теперь мне пришлось потерять его, и как потерять! – Ее голос сорвался, и прошло несколько секунд, пока она снова смогла говорить. – Я отпустила своего Льва без последнего «прости», о котором он умолял на коленях. Единственное, что у меня осталось, – память о нем – навеки связано с тем роковым поступком, который повлек за собой гибель наших. Дело моего народа проиграно, участь, постигшая моего брата, ужаснее смерти. Ванда следует за ним, я остаюсь совершенно одна. Я думаю, Вольдемар, ты должен быть доволен тем, как отомстила за тебя судьба.

Было что-то жуткое в глухом тоне ее голоса и неподвижности ее лица; на Вольдемара это тоже, по-видимому, произвело впечатление, он наклонился к ней и многозначительно произнес:

– Мама, граф еще не в ссылке, и Ванда еще здесь; сего-

дня против своей воли она указала мне единственный способ, которым я могу завоевать ее, и я воспользуюсь им.

Княгиня вздрогнула.

– Ты хочешь попытаться?

– Сделаю то, что делали вы. Быть может, я буду счастливее.

По лицу княгини промелькнул луч надежды, но сейчас же угас. Она покачала головой.

– Нет, нет, не пробуй, это напрасно и представляет большую опасность. Вольдемар, неужели я должна потерять и тебя?

Нордек с изумлением посмотрел на мать, и яркая краска залила его лицо.

– Речь идет о свободе твоего брата, – напомнил он.

– Бронислава невозможно спасти, – безнадежно произнесла княгиня. – Не жертвуй своей жизнью ради безнадежного дела, – она взяла руку сына и крепко сжала. – Я не отпущу тебя. Я не хочу терять своего последнего сына. Оставь это! Твоя мать просит тебя об этом!

Это был, наконец, голос материнского сердца, которого Вольдемар еще никогда не слышал. Он не проговорил ни слова, но впервые в жизни поднес руку матери к губам и поцеловал ее крепким, долгим поцелуем.

– Ты останешься? – спросила княгиня.

Вольдемар поднялся; эти несколько минут совершенно изменили выражение его лица, озлобленное упорство бес-

следно исчезло, оно светилось победоносной энергией, готовой бросить вызов судьбе.

– Нет, – ответил он, – я пойду, но благодарю тебя за эти слова; я попытаюсь освободить графа, и если кто-нибудь сможет выполнить это, так это – я!

Княгиня не возражала больше, она не могла не согласиться с этими словами, вернувшими ей надежду.

– А Ванда? – спросила она.

– Она мне сказала сегодня; «Если бы мой отец был свободен, то я нашла бы в себе мужество бороться со всем ради тебя». Передай ей, что я, может быть, когда-нибудь напомню ей эти слова. А теперь не спрашивай меня больше, мама! Ты ведь знаешь, что я должен действовать один, так как нахожусь вне всяких подозрений, за вами же следят. Каждый ваш шаг, каждое известие, которое я пришлю вам, может погубить все. Предоставьте все мне! А теперь прощай, я не могу терять время.

Он еще раз прикоснулся губами к руке матери и поспешно вышел из комнаты.

Княгиня подошла к окну, чтобы послать сыну привет, но тщетно ждала, что он посмотрит вверх; его взгляд был сосредоточен на башне, где находилась комната Ванды. Молодая графиня, вероятно, подошла к окну, потому что лицо Вольдемара вдруг просияло, как бы озаренное солнечным лучом. Он поклонился ей и, прищипнув Нормана, стрелой вылетел со двора.

Глава 23

Было утро прохладного, но ясного майского дня, когда управляющий Франк возвратился из Л., куда ездил встречать своих детей. В экипаже сидели Фабиан и его супруга. По-видимому, новое положение пошло профессору на пользу; вид у него был несравненно более здоровый и веселый чем когда-либо. Его молодая супруга, сообразно с положением мужа, обрела некоторую торжественность, представлявшую собой комичный контраст с ее цветущей, юной внешностью. К счастью, она часто забывалась и была прежней Маргаритой Франк. Однако в данную минуту преобладала «госпожа профессорша», очень важно сидевшая возле отца и рассказывавшая ему о своей жизни в И.

– Да, папа, пребывание у тебя будет для нас настоящим отдыхом, – сказала она, проводя платком по своему цветущему личику, вовсе не указывавшему на необходимость отдыха. – К нам со всех сторон постоянно предъявляется такая масса требований, ведь мы, германисты, стоим в первых рядах научного движения...

– Скажи-ка, дитя мое, кто, собственно, занимает кафедру: ты или твой муж? – спросил Франк, с изумлением внимавший дочери.

– Это все равно, – заявила Маргарита, – да и, кроме того, Эмиль без меня вовсе не мог бы принять профессию. Про-

фессор Вебер еще вчера говорил ему при мне: «Коллега, вы совершенно непригодны к практической жизни; счастье, что ваша молодая супруга так энергично заменяет вас в этом». Хорошо, что Эмиль – один из тех немногих мужей, которые осознают, что им дает жена. Губерт никогда не сделал бы этого. Кстати, где он? Все еще не получил повышения?

– Нет, и от огорчения уходит в отставку; я его не вижу, потому что, приезжая сюда, он останавливается в деревне. Теперь он – богатый человек, так как получил большое наследство от своего дяди, профессора Шварца, скончавшегося несколько месяцев тому назад.

– Вероятно, у него разлилась желчь; ведь у него был крайне желчный темперамент, – добавила Маргарита. – Ну, а теперь главное: значит, господина Нордека нет в Вилице?

– Нет, – ответил Франк, – он уехал.

– Это мы знаем, он уже давно написал мужу, что собирается в Альтенгоф и, вероятно, пробудет там несколько недель. Теперь, когда столько дел в Вилице, это крайне странно! Тут что-нибудь да не так, и, вероятно, замешана его любовь к графине Моринской, которую он, наконец, решил выбросить из головы. Не понимаю, как можно отказать любящему человеку только потому, что он – немец! Я вышла бы за своего Эмиля, если бы он был даже готтентотом⁵! А теперь он изо дня в день скорбит о мнимом несчастье своего любезного Вольдемара и серьезно думает, что у того есть сердце как у

⁵ Готтентоты – народность Юго-западной и Южной Африки.

всех людей, чего я вовсе не думаю! Если у кого-нибудь бывает сердечное горе, так это в чем-нибудь проявляется, а у господина Нордека ничего этого не заметно.

Управляющий не слушал больше болтовни дочери и внимательно смотрел на дорогу, свернувшую теперь к реке; повреждения, причиненные наводнением, еще не были исправлены, приходилось ехать по размытому берегу. Маргарита, не доверяя утверждениям отца, что никакой опасности нет, предпочла выйти из экипажа и пройти до моста пешком. Мужчины последовали ее примеру, и все трое направились к тропинке, тогда как коляска медленно следовала за ними.

Оказалось, что не одни они боялись ехать по этому месту; со стороны моста показался экипаж, пассажир которого тоже вышел, и Франк с семьей вдруг оказался лицом к лицу с асессором Губертом.

Эта неожиданная встреча вызвала с обеих сторон неловкое смущение. Они не виделись с тех пор, как Губерт, узнав о помолвке Маргариты, как угорелый, выскочил из дома управляющего.

Франк овладел собой первым; он подошел к асессору, как будто ничего не произошло, с прежней дружеской приветливостью протянул ему руку и выразил удовольствие по поводу встречи.

Асессор выглядел очень чопорно; он был весь в черном и носил креп вокруг шляпы и на рукаве.

Профессор с женой тоже подошли ближе. Губерт бросил

на молодую женщину взгляд, полный мрачного упрека, и торжественно обратился к Фабиану:

– Господин профессор, вы, вероятно, сочувствуете утрате, которую понесли наша семья, а также и наука. Написанное вами письмо дяде вполне убедило его, что вы невиновны в интриге, которая велась против него; он сам говорил мне это. Прекрасный некролог, который вы написали, послужил истинным утешением для оставшихся после дяди родных. Благодарю вас от имени всей нашей семьи.

Фабиан сердечно пожал протянутую ему руку. Враждебность его предшественника по кафедре в университете и неприязнь ассессора тяжелым камнем лежали на его душе. Он высказал огорченному племяннику свое искреннее участие и сочувствие.

– Вы действительно подали в отставку? – спросил управляющий, переходя на другую тему, – и покидаете государственную службу, господин ассессор?

– Да, через неделю, – подтвердил Губерт. – Но я позволил бы себе сделать маленькую поправку к тому титулу, которым вы меня величаете, господин Франк, – он сделал большую паузу и поочередно посмотрел на всех присутствующих. – Со вчерашнего дня я – губернский советник!

Губерт принял поздравление с достоинством, соответствующим важности момента. Франк и чета Фабиан поспешили поздравить его.

– Это, конечно, не меняет моего решения, – снова начал

он, нисколько не подозревая, что своим повышением обязан исключительно этому решению, – но пока я еще исполняю свои прежние обязанности и напоследок мне доверено важное поручение. Я уезжаю в В.

– По ту сторону границы? – с изумлением спросил Фабиан.

– Совершенно верно! Я должен вести переговоры о выдаче одного государственного преступника.

Маргарита бросила на своего мужа взгляд, ясно выражавший: «Он опять начинает». Но Франк вдруг насторожился, хотя самым равнодушным тоном спросил:

– Ведь восстание, кажется, окончилось?

– Да, но заговоры еще продолжаются, – горячо воскликнул Губерт. – Разве вы не знаете, что главарь, душа всего революционного движения, граф Моринский, бежал?

Фабиан и его жена крайне изумились, а управляющий спокойно возразил:

– Это невозможно.

Новоиспеченный советник пожал плечами.

– К сожалению, это уже больше не тайна; в Л. все говорят этом. Вилица и Раковиц по-прежнему интересуют всех. Вилица, конечно, вне всяких подозрений, но Раковицем теперь управляет княгиня Баратовская, и я считаю, что она представляет собой опасность для всего края; до тех пор, пока она здесь, покоя у нас не будет. Бог знает, кого она послала теперь для освобождения своего брата; эти ее помощни-

ки, несмотря на самый строгий надзор, связались с заключенным, доставили ему все средства для бегства и, наконец, проникнув в самую тюрьму, увезли его. Как это им удалось, до сих пор остается загадкой. Вся крепость взволнована отчаянной смелостью этого побега. Вот уже два дня, как обыскиваются все окрестности, но не найдено ни малейших следов бежавшего.

Фабиан слушал сначала с интересом, когда же несколько раз было упомянуто о безумной смелости этого поступка, сильно забеспокоился; в нем зародилось смутное подозрение; он хотел задать какой-то вопрос, но вовремя заметил предостерегающий взгляд своего тестя. Поэтому он промолчал, но был сильно напуган.

Губерт продолжал:

– Беглецы не могли уйти далеко, потому что о побеге узнали почти сразу же после исчезновения графа. Через границу он еще не перебрался, это установлено, но не подлежит никакому сомнению, что он постарается достичь немецкой территории, потому что здесь опасность не так велика. Вероятно, он прежде всего направится в Раковиц. Вилица теперь, слава Богу, закрыта для всякой подозрительной деятельности, хотя господина Нордека в данное время и нет дома.

– Нет, – решительно заявил управляющий, – он в Альтенгофе.

– Я знаю, он сам сказал это губернатору, когда прощался с ним. Его отсутствие весьма кстати; ведь ему было бы все-

таки неприятно видеть, как его дядю арестуют и выдадут, как это, без сомнения, и будет.

– Что? Его выдадут? – запальчиво воскликнула Маргарита.

Губерт с изумлением взглянул на нее.

– Конечно! Ведь это – преступник, государственный изменник! Дружественная держава будет настаивать на этом.

Маргарита была возмущена.

– На вашем месте я совершенно не взяла бы на себя подобного поручения, – заявила она, – и не стала бы заканчивать свою служебную деятельность передачей бедного заключенного в руки его мучителей.

– Я – губернский советник, – ответил Губерт, торжественно подчеркивая свой чин, – и исполняю свой долг. Правительство повелевает – я исполню. Но я вижу, что мой экипаж уже благополучно проехал опасное место. Прощайте, господа, меня призывает мой долг! – Отвесив поклон, он удалился.

Сев в экипаж, молодая женщина стала подробно распространяться о поразительной новости, касающейся бегства графа Моринского, однако получала на это лишь короткие и невнимательные ответы. Ее отец и муж после встречи с Губертом стали удивительно молчаливыми, и разговор больше не клеился.

В течение дня профессорша вообще нашла много поводов для удивления и досады. Прежде всего, она не понимала от-

ца; он, безусловно, радовался приезду своих детей и, тем не менее, казалось, что этот приезд был ему некстати. Он уверял, что завален делами, и, действительно, все время хлопотал. Тотчас же по приезде он увел зятя к себе в комнату, и целый час оставался там с ним наедине.

Негодование Маргариты все возрастало, так как ее не только не пригласили на это совещание, но она даже ничего не могла узнать о нем от своего мужа. Она принялась наблюдать, и тут ей многое бросилось в глаза. Очень удачно проанализировав свои наблюдения, она сделала вывод, казавшийся ей несомненным.

После обеда супруги Фабиан находились в гостиной одни; профессор вопреки своему обыкновению ходил взад и вперед по комнате, тщетно стараясь скрыть свое внутреннее волнение. Он был так поглощен своими мыслями, что даже не замечал молчаливости жены. Маргарита сидела на диване, и некоторое время наблюдала за мужем. Наконец она решила перейти в наступление.

– Эмиль, – начала она с торжественностью, не уступавшей тону Губерта, – со мной здесь обращаются возмутительно!

Фабиан с испугом взглянул на нее.

– С тобой? Господи, помилуй, да кто же?

– Во-первых, папа, а затем – что хуже всего – мой собственный супруг. Прямо возмутительно! – повторила она. – Вы мне не доверяете, у вас от меня тайны, вы обращаетесь со мной как с ребенком, со мной, с замужней женщиной, женой

профессора... Это ужасно!

– Милая Гретхен... – робко произнес Фабиан, но тотчас же остановился.

– Что тебе говорил папа, когда ты сидел у него? – стала допрашивать Маргарита, – что у вас за секреты? Не отрицай, Эмиль!

Профессор и не думал отрицать, а смущенно смотрел в пол и имел совершенно подавленный вид.

– Тогда я скажу тебе, в чем дело! В Вилице опять заговор, в котором принимает участие и папа, тебя он тоже впутал. Все это связано с побегом графа Моринского...

– Ради Бога, замолчи, дитя мое! – испуганно воскликнул Фабиан, но Маргарита не обратила на это внимания и продолжала:

– Господин Нордек вряд ли в Альтенгофе, иначе ты не стал бы так беспокоиться. Какое тебе дело до графа Моринского и его побега? Твой любезный Вольдемар тоже замешан в этом, потому-то ты так и дрожишь! Это, наверное, он увез графа, это так на него похоже!

Профессор совершенно оцепенел от изумления, нашел, что его жена необычайно умна и пришел в ужас, когда она раскрыла все его тайны, которые он считал тщательно скрытыми.

– А мне ничего не говорят об этом! – с усиливавшимся раздражением продолжала Маргарита, заливаясь горькими слезами.

– Гретхен, моя милая, не плачь, ради Бога! Ты знаешь, что у меня нет от тебя никаких тайн, когда дело касается только меня; но на этот раз я дал слово ничего не говорить даже тебе.

– Как можно так поступать? – рыдая, воскликнула Маргарита, – никто не смеет требовать от тебя, чтобы ты что-то скрывал от своей жены!

– Но я же дал слово, – с отчаянием сказал Фабиан. – Успокойся, я не могу видеть тебя в слезах. Я...

– Тут, я вижу, совсем бабье царство! – вмешался незаметно вошедший и наблюдавший всю эту сцену Франк. – Не сердись на меня, Эмиль! Ты, может быть, очень талантливый ученый, но как муж играешь очень жалкую роль.

Он не мог оказать лучшей помощи своему зятю; Маргарита тотчас же встала на сторону мужа.

– Эмиль – прекрасный муж, – с негодованием произнесла она, причем ее слезы моментально высохли. – Если он любит свою жену, так это так и надо.

Франк рассмеялся.

– Ты напрасно горячилась; мы волей-неволей должны привлечь тебя к участию в заговоре, так как только что получено известие из Раковица; княгиня и ее племянница придут сегодня в Вилицу. Как только они придут, вам придется отправиться в замок, иначе может показаться подозрительным, что обе дамы так неожиданно приехали в отсутствие хозяина, и будут все время одни... Чтобы избежать

этого, ты, Эмиль, нанесешь им визит и представишь свою жену. Я сам отправлюсь в пограничное лесничество с лошадьми, как было условлено. А теперь, Гретхен, пусть твой муж расскажет тебе все остальное, а мне некогда, дитя мое...

Глава 24

Наступил вечер, или, вернее, даже ночь. В деревне все спали, в замке тоже постарались пораньше отпустить прислугу. Некоторые окна верхнего этажа были еще освещены; в зеленой гостиной горела лампа и в прилегающей комнате был приготовлен чайный стол для того, чтобы не возбуждать подозрения прислуги. Ужин, конечно, остался нетронутым; ни княгиня, ни Ванда не проглотили ни кусочка, и даже Фабиан отказался от чая.

– Я решительно не понимаю, чего вы все приходите в такое отчаяние? – сказала Маргарита своему мужу, которого силой притащила к столу. – Если господин Нордек дал знать, что еще до полуночи будет с графом здесь, то это так и будет, если бы даже на границе был поставлен целый полк, чтобы поймать их.

– Дай Бог! – со вздохом произнес Фабиан. – Ах, если бы только этот Губерт именно сегодня не отправился в В.! Он узнает Вольдемара и графа, если встретит их, в любых костюмах!

– Губерт всю жизнь делал одни глупости, – презрительно сказала Маргарита, – и вряд ли сделает что-нибудь толковое в последние дни своей службы.

Княгиня и Ванда остались в гостиной; здесь ничего не изменилось с тех пор, как первая уехала из Вилицы год тому

назад, но, тем не менее, комнаты имели неуютный и нежилой вид; чувствовалось, что хозяйка долго отсутствовала.

Княгиня сидела в тени, глядя перед собой неподвижным, застывшим взглядом. Ванда стояла у большого среднего окна и так пристально смотрела на улицу, словно хотела своим взглядом пронзить непроницаемую тьму. Она вся была полна ожидания и страха, дрожа теперь не только за отца, но и за Вольдемара, и даже больше за последнего...

Была холодная, ветреная, безлунная ночь; лишь кое-где мерцали звезды, сразу же скрывавшиеся за облаками. В окрестностях замка царила глубокая тишина; в парке было темно и безмолвно, и в те минуты, когда затихал ветер, был слышен шорох каждого листика.

Вдруг Ванда вздрогнула, и с ее губ сорвалось приглушенное восклицание. В следующую же минуту княгиня очутилась возле нее.

– Что такое? Ты что-нибудь заметила?

– Нет, но мне показалось, что я слышу лошадиный топот.

– Вероятно, ты ошиблась, никого нет.

Несмотря на это, княгиня последовала примеру племянницы, которая высунулась из окна; обе женщины прислушались, затаив дыхание; действительно, до них долетал какой-то звук, но он был очень слаб и неясен. Поднявшийся снова ветер совершенно заглушал его.

Прошло около десяти минут в мучительном ожидании; наконец в одной из боковых аллей парка, примыкавшей к ле-

су, слышались шаги, осторожно приближавшиеся к замку. В высшей степени напряженное зрение княгини и Ванды различило в темноте две фигуры, появившиеся из-за деревьев.

Тут в комнату влетел Фабиан, точно так же наблюдавший из своего окна.

– Они здесь, – прошептал он, еле владея собой, – они идут по боковой лестнице.

Ванда хотела броситься навстречу вошедшим, но Маргарита, последовавшая за мужем, остановила ее.

– Оставайтесь, графиня, – попросила она, – вы не одни в замке, только в этих комнатах безопасно.

Княгиня не произнесла ни слова и тоже схватила свою племянницу, чтобы остановить ее.

Прошло еще несколько минут; затем дверь распахнулась, и на пороге появился граф Моринский, а за ним показалась высокая фигура Вольдемара. Почти в ту же минуту Ванда была в объятиях отца.

Фабиан с женой сразу же ушли, чувствуя, что они здесь лишние; Вольдемар, очевидно, тоже причислил себя к посторонним, так как вместо того, чтобы войти вместе с графом, закрыл за ним дверь и, оставшись в соседней комнате, протянул руку своему бывшему учителю.

– Вот и мы, слава Богу, – произнес он, глубоко вздохнув. – Главная опасность миновала. Теперь мы на родной земле.

Фабиан, схватив обеими руками протянутую руку, вос-

кликнул:

– Вольдемар! Вы так рисковали, что, если бы вас схватили?

Нордек улыбнулся.

– Ну, всякие «если» при подобных предприятиях приходится отбрасывать; нужно идти прямо к цели, не оглядываясь по сторонам. Как видите, это помогает.

Он снял пальто и, вынув из бокового кармана револьвер, положил его на стол.

Маргарита, стоявшая рядом, отскочила.

– Не пугайтесь, – успокоил ее Нордек, – к оружию прибегать не пришлось; у нас появился неожиданный помощник в лице ассессора Губерта; мы переехали границу с его бумагами.

Профессор и его жена вскрикнули от изумления.

– Конечно, добровольно он не оказал бы нам этой любезности, – продолжал Нордек, – но что делать, у нас были поставлены на карту свобода и жизнь, тут не приходилось долго раздумывать. Сегодня после полудня мы прибыли в корчму одной из польских деревень, находящуюся недалеко от границы. Мы знали, что нас преследуют, и хотели, во что бы то ни стало, добраться до немецкой территории. Хозяин предупредил, чтобы мы никуда не двигались до наступления темноты, так как нас ищут во всех окрестностях. Это был поляк, которому, безусловно, можно было верить, а потому мы остались. Было уже под вечер, наши лошади стояли осед-

ланными в конюшне, когда Губерт, возвращавшийся из В., вдруг появился в деревне; в его экипаже что-то сломалось, он оставил его у кузнеца и явился в корчму, чтобы разузнать, нет ли где-нибудь наших следов. Его кучер-поляк должен был служить ему переводчиком, так как Губерт не владеет местным языком; поэтому он не оставил кучера с экипажем, а взял с собой.

Хозяин, конечно, ничего не сказал. Мы были спрятаны наверху и совершенно ясно слышали, как Губерт распространялся о бежавших государственных преступниках. При этом он любезно сообщил, что нас действительно преследуют и что путь, по которому мы следовали, известен; он знал даже, что нас двое и что мы верхом. Нам не оставалось больше выбора – надо было уезжать как можно скорее. Тут мне пришла в голову счастливая мысль; я дал хозяину через его жену соответствующие указания, и он сразу же понял их. Ассессору доложили, что его экипаж не может быть скоро починен; он очень рассердился, но все-таки согласился остаться в корчме, и принял предложенный ему ужин. Мы тем временем вышли через черный ход и добрались до кузницы; сын хозяина уже позаботился о том, чтобы коляска была приведена в порядок. Я сел в нее; дядя, – Вольдемар в первый раз называл так графа Моринского, – которого я все время выдавал за своего слугу, взял в руки вожжи, и мы выехали из деревни. В экипаже я нашел бесценный клад: там лежало пальто Губерта с его бумажником и всеми бумагами, которые там

оставил или забыл этот рассеянный человек. Его паспортом я при своем богатырском росте не мог воспользоваться, но среди других бумаг мы нашли много полезного для себя, например, разрешение на арест беглого графа Моринского на немецкой территории и много других документов, которыми, конечно, воспользовались. Губерт рассказывал в корчме, что ехал утром через А.; мы сделали крюк и проехали через другой пограничный пост совершенно открыто, под видом губернского советника Губерта и его кучера. Я предъявил бумаги и потребовал, чтобы меня поскорее пропустили, так как я напал на след беглецов и мне необходимо спешить. Никто не спросил наших паспортов, и мы благополучно переехали через границу, где через четверть часа бросили на дороге экипаж, который мог нас выдать, и пешком дошли до лесов Вилицы. В пограничном лесничестве мы застали, как было условлено, управляющего с лошадьми и поскакали во весь дух сюда.

Маргарита была довольна тем, что произошло с Губертом, добродушный же Фабиан с беспокойством спросил:

– А бедный Губерт?

– Сидит без экипажа и бумаг там, в Польше, – сухо ответил Вольдемар, – и должен счесть за счастье, если его самого не арестуют. Если наши преследователи явятся в корчму, то найдут там двух незнакомцев и две оседланные лошади; документы Губерт представить не может, языка не знает, а хозяин, конечно, не станет разьяснять недоразумения.

Ну, а теперь довольно об этом Губерте, – оборвал свою речь Вольдемар. – Я еще увижу вас, когда вернусь? Эту ночь я, конечно, в замке инкогнито и официально приеду лишь через несколько дней из Альтенгофа, где якобы был все время. Теперь я пойду к матери и моей... моей кухне. Первая бурная радость свидания, вероятно, уже улеглась.

Нордек отворил дверь и вошел в комнату, где находились все остальные. Граф Моринский, сидел в кресле и все еще держал в объятиях дочь, стоявшую перед ним на коленях. Граф очень постарел; уезжая из Вилицы, он был энергичным человеком, полным жизненных сил, а теперь вернулся дряхлым стариком.

Княгиня первая заметила приход сына и пошла ему навстречу.

– Наконец-то, Вольдемар! – с упреком произнесла она. – Мы уж думали, что ты совсем хочешь уйти от нас.

– Я не хотел мешать вашему первому свиданию, – нерешительно произнес он.

– Ты все еще сторонишься нас? Мой сын, – княгиня вдруг с глубоким чувством обняла его, – благодарю тебя.

Вольдемар долго оставался в объятиях матери, открывшихся ему впервые со времени его детства, и в этом порыве утонули вся враждебность и холодность, столько времени разделявшая их; сын, наконец, завоевал любовь матери.

Граф тоже поднялся и протянул руку своему спасителю.

– Да, благодари его, Ядвига, – произнес он, – вы еще не

знаете, как он рисковал ради меня.

– Риск был не так велик, как кажется, – уклонился от благодарности Вольдемар, – я сначала устранил с пути все препятствия. Где существуют тюрьмы, возможен и подкуп. Без золотых ключей я никогда не проник бы в крепость, а тем более мы не могли бы выбраться из нее.

Ванда стояла возле отца и все еще держала его за руки, как будто боялась, что его снова отнимут. Только она одна не произнесла ни слова благодарности и, обернувшись при появлении Вольдемара, бросила на него лишь один взгляд, но этот взгляд, по-видимому, сказал ему больше, чем слова всех остальных.

– Опасность еще не совсем миновала, – продолжал он, обращаясь к графу. – Мы, к сожалению, сами видели, что вам и здесь грозит арест. Вы, конечно, пока в безопасности. Здесь, в Вилице, вам необходимо отдохнуть несколько часов; но завтра утром мы должны отправиться дальше, в С., так как нам необходимо постараться как можно скорее добраться до моря. С. – ближайшая гавань, и завтра мы можем уже быть там. Я все подготовил, и уже месяц там стоит судно, которое в любой момент готово выйти в море. Оно привезет вас в Англию, а оттуда вам открыт путь куда угодно.

– А ты, Вольдемар? – граф обращался теперь к старшему племяннику тоже на «ты», что раньше говорил только младшему, – не придется ли тебе поплатиться за свою смелость?

– Выдать меня, к счастью, никто не может, не выдавая се-

бя. Твое освобождение, вероятно, будет приписано моей матери, а если даже и возникнут какие-нибудь слухи и предположения, то мы ведь живем на германской территории; здесь граф Моринский не был ни обвинен, ни приговорен, и освобождение его не является преступлением. Нетрудно догадаться, что, несмотря на различие в наших политических убеждениях, я принимал участие в спасении своего дяди, особенно когда все узнают, что он стал моим отцом.

При этих словах по лицу Моринского пробежало нечто такое, что он постарался скрыть. Он тоже давно знал о любви Ванды и Вольдемара, которая ему, как и его сестре, казалась несчастьем, почти преступлением, и боролся против нее всеми средствами, которые были ему доступны. Большую жертву он приносил теперь; но, посмотрев на человека, спасшего его из тюрьмы и рисковавшего ради него жизнью и свободой, он, наклонившись к дочери, тихо произнес:

– Ванда!

Молодая девушка подняла голову; когда она прочитала в глазах отца, чего ему стоило это согласие, в ней вспыхнула вся нежность дочери и все личные желания отошли на задний план.

– Подожди, Вольдемар, – дрожащим голосом произнесла она, – ты видишь, как мой отец страдал и страдает до сих пор! Ты не можешь требовать, чтобы я сейчас же рассталась с ним. Дай мне провести с ним хоть год. Ты избавил его от самого ужасного, но все-таки ему еще предстоит изгнание.

Неужели я могу отпустить его одного, больного?

Вольдемар молчал, мрачно глядя в пол. У него не хватало мужества напомнить Ванде слова, которые она произнесла во время их последнего свидания, но, тем не менее, в нем возмущился весь эгоизм его любви; он слишком много сделал для того, чтобы завоевать любимую девушку и не мог перенести отказа в награде. Вдруг вмешалась княгиня.

– Я освобожу тебя от забот об отце, Ванда, – сказала она, – я отправлюсь с ним в изгнание; это для нас обоих не ново, и мы лишь вернемся к нашей прежней жизни.

– Никогда! – вспыхнув, воскликнул Вольдемар, – я не могу допустить, чтобы теперь ты покинула меня, мама. Пропасть, лежавшая между нами, наконец, исчезла; твое место теперь в Вилице, возле твоего сына.

– Нет, Вольдемар, – серьезно ответила княгиня, – ты не принимаешь во внимание того, что я – полька, если думаешь, что я могу теперь оставаться в Вилице, которую ты всеми силами стараешься онемечить. Хотя и поздно, но я всецело отдала тебе свою материнскую любовь и сохраню ее, даже если мы расстанемся; но жить возле тебя и изо дня в день видеть, как ты разрушаешь все, что я создала с таким трудом, я не могу. Это выше моих сил и снова нарушило бы наш только что заключенный мир. Итак, дай мне уйти, это – самое лучшее для нас обоих. Ванда молода, она любит тебя и сможет преодолеть то, что для нас с Брониславом невозможно. Нам осталось лишь прошлое.

– Ядвига права, – проговорил граф Моринский, – я не могу оставаться, а она не хочет. Брак с твоим отцом не принес ей счастья, Вольдемар, и мне кажется, что Нордек и Моринская вообще не могут быть счастливы. Между вами также лежит та роковая рознь, которая стала столь губительной для твоих родителей: Ванда – дитя своего народа и не может отказать от него, как и ты от своего. Вступая в этот брак, вы подвергаете себя большому риску; но вы этого хотите, и я больше не противлюсь.

Это была невеселая помолвка; предстоящая разлука с матерью, мрачная покорность отца и его предостережение вносили глубокую печаль в событие, обычно радостное для юных сердец.

– А теперь пойдем, Бронислав, – сказала княгиня, взяв брата под руку, – ты совершенно измучен и должен отдохнуть, иначе будешь не в состоянии продолжать путь. Оставим их одних; они еще не обменялись ни одним словом, а между тем им о многом нужно поговорить.

Они вышли из комнаты. Не успела дверь за ними закрыться, как мрачная тень исчезла, и Вольдемар с бурной нежностью обнял наконец-то завоеванную им невесту.

Глава 25

Теплая, ясная весенняя ночь, простирившаяся над морем, же начала уступать свое место утру. На небе еще мерцали звезды, но на горизонте уже светлело, и море тихо, точно во сне, колыхалось.

По волнам, прорезая рассеивавшуюся мглу, несло судно, покинувшее гавань в полночь и спешившее выйти в открытое море. На этом судне находились граф Моринский с дочерью и Вольдемар. Ванда не могла решиться расстаться с отцом сразу же после свидания с ним и настояла на том, чтобы проводить его и побыть с ним как можно дольше. Вольдемар уступил ее настоятельным просьбам. Княгиня оставалась еще в Раковице; освобождение брата, как и предвидел Вольдемар, приписывалось ей, все подозрения и розыски были сосредоточены на ней одной и на ее местопребывании. Отсутствие Ванды прошло незамеченным; кроме того, она должна была через несколько дней вернуться из Альтенгофа в сопровождении своего двоюродного брата.

Бывшее имение Витольда, перешедшее теперь в собственность его воспитанника, находилось на берегу открытого моря и до этого места Ванда и Вольдемар намеревались проводить беглеца. Граф Моринский рассчитывал в Англии подождать княгиню, которая хотела на несколько дней задержаться в Раковице, чтобы присутствовать на свадьбе сына и

племянницы.

Уже совсем рассвело; суша постепенно уходила все дальше, перед судном уже лежало открытое море, и наступал час разлуки. Вдали показался берег, принадлежащий Альтенгофу, и совсем близко от судна в тумане вырисовался Буковый полуостров. На палубе произошла непродолжительная, но волнующая сцена прощания. Граф Моринский страдал больше всех. Несмотря на все усилия овладеть собой, он все же не выдержал, когда передал Ванду в руки ее будущего мужа. Вольдемар видел, что пора прекратить эти мучения; он быстро усадил свою невесту в подошедшую лодку, и та за несколько минут доставила их на Буковый полуостров, тогда как судно продолжало свой путь.

Ванда опустилась на камни, лежавшие на берегу, и тут дала волю своему горю. Вольдемар, стоявший возле нее, старался сохранить самообладание, но и на его лице выразалась вся серьезность этого момента.

– Ванда, – проговорил он, нежно взяв ее за руку, – ведь эта разлука не вечна; ничто не мешает нам время от времени навещать твоего отца. Через год ты снова увидишь его; обещаю тебе это.

Графиня печально покачала головой.

– Если мы тогда еще застанем его в живых! У меня такое предчувствие, что он в последний раз обнял меня.

Нордек молчал; у него при прощании появилась такая же мысль. Силы графа были надломлены; кто мог знать, на

сколько времени их еще хватит?

– Ведь твой отец будет не один, – наконец возразил он, – моя мать последует за ним, и этим решением она снимает с нас тяжелую заботу. Ты знаешь, как она любит своего единственного брата; она будет служить ему поддержкой, в которой он так нуждается.

Взгляд Ванды все еще был прикован к судну, исчезавшему вдали:

– Ты тоже теряешь свою мать сразу же после того, как нашел ее, – тихо произнесла она.

При этом воспоминании Вольдемар нахмурился.

– Ты думаешь, мне легко? Но все же я боюсь, что она права: у нас слишком одинаковые натуры, чтобы мы могли ужиться друг с другом. Если бы я был выходцем из ее народа или она – из моего, то, конечно, все было бы иначе, теперь же мы можем только протянуть друг другу руки через пропасть, но действовать заодно не в состоянии. Она увидела это яснее, чем я, и избрала самое лучшее для нас всех. Ее решение нас примирит.

Молодая графиня подняла на него свои темные, полные слез глаза.

– Ты забыл мрачное предсказание моего отца? Между нами тоже лежит роковая национальная рознь, сделавшая несчастными твоих родителей.

– Потому что между ними не было любви, – добавил Вольдемар, – потому что основой их брака был холодный расчет.

Я отвоевал свою невесту у этой роковой розни и сумею защитить от нее и свое счастье. Если действительно наш брак является риском, то *мы* можем себе это позволить.

Легкие облачка, плывшие по небу, стали окрашиваться в розовый оттенок, и на востоке заалела заря. Весь горизонт загорелся огненным сиянием, и волны были словно окаймлены расплавленным золотом. Сверкающее дневное светило медленно поднималось из воды все выше и выше, пока, наконец, совсем отделившись от нее, не появилось на небе, светлое и яркое.

Первые лучи солнца достигли Букового полуострова и прорвали белый туман, расстилающийся между деревьями; он стал опускаться на покрытую росой траву и рассеялся по лесу. Утренний ветерок пробежал по густым вершинам буков, но их шелест не навевал больше мрачных разговоров, как тогда, на лесной лужайке Вилицы. Но именно там из осеннего тумана вырисовалась та мечта, которая теперь превратилась в действительность.

Вольдемар и Ванда находились как раз на том месте, где много лет тому назад стоял дикий, необузданный юноша, думавший, что стоит ему только протянуть руку, чтобы назвать своей собственностью то, что пробудило его первую страсть, где стоял избалованный ребенок, с детским легкомыслием игравший этой страстью. В то время они еще не знали жизни и ее трудностей, но с тех пор она приблизилась к ним со всеми своими проблемами, увлекла их за собой в ожесточенную

борьбу и поставила между ними все, что только может объединить двух людей. Однако старая легенда не обманула их; с той минуты, когда ее чары опутали эти юношеские сердца, они, несмотря на разлуку и отчуждение, оставались в ее власти; эти чары властно притягивали их друг к другу и победоносно провели через враждебность и ненависть к этой минуте.

Вольдемар обнял невесту и глубоко заглянул ей в глаза.

– Ты все еще думаешь, что Нордек и Моринская не могут быть счастливы вместе? – спросил он. – Мы преодолеем отчуждение, до сих пор разделявшее нас.

Ванда положила голову на его плечо.

– Тебе придется многое простить твоей жене. Я не могу отказаться от всего, что так долго было для меня свято и дорого. Не отрывай меня от моего народа, Вольдемар, там находится часть моей души!

– Разве я был когда-нибудь суров по отношению к тебе? – голос Вольдемара звучал с той мягкостью, которую он – холодный, суровый человек – проявлял только к одному существу на свете. – Твои глаза научили покорности необузданного юношу и сумеют усмирять и мужа. Я знаю, что это отчуждение еще часто будет возникать между нами; оно, быть может, будет стоить тебе слез, а мне – серьезной борьбы, но я знаю, что в решительный момент моя Ванда будет там, где находилась, когда мне угрожала смертельная опасность и где теперь всегда будет ее место: возле своего мужа.

Судно, увозившее беглеца с его родины, исчезло в туманной дали. Волновалось безбрежное синее море, а над Буковым полуостровом сияло своим золотистым светом яркое солнце. Море снова напевало свою вечную песнь, сотканную из завывания ветра и шума волн, среди которых слышался как бы далекий таинственный колокольный звон; это из морской глубины посылала привет Винета.